

Министерство образования и науки Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский государственный университет»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Борисоглебский государственный педагогический институт»

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Продолжающееся научное издание

Выпуск 2

**Воронеж
2011**

ББК 81
УДК 81-11

Сборник адресован филологам, специалистам в области когнитивных исследований, преподавателям русского и иностранного языков, а также всем интересующимся проблемами лингвистической семантики и когнитивной лингвистики.

Редколлегия:

доцент, канд. филол. наук *М.В. Шаманова*, доцент, канд. филол. наук
Е.В. Борисова – научные редакторы; профессор, доктор филол. наук
Н.М. Вахтель, профессор, доктор филол. наук *И.А. Стернин*

© Коллектив авторов, 2011

Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. М.В. Шамановой, Е.В. Борисовой. – Вып. 2. – Воронеж: издательство «Истоки», 2011. – 129 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.И. Бахтина

*Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова*

Языковая вариантность как способ функционирования иноязычного слова

Общеизвестно, что лексическая система русского языка находится в состоянии относительного равновесия, что обуславливается влиянием сдерживающих друг друга тенденций качественного и количественного характера. Они находятся в сложном противоречии и являются разнонаправленными: стремление языка к изменению и, как правило, совершенствованию сдерживается его потребностью в стабильности и относительной устойчивости, тенденция к расширению лексического состава языка сосуществует с тенденцией к сужению. Языковая вариантность является одним из тех факторов, который позволяет проследить эти изменения.

Вариантность не следует рассматривать как недостаток системы языка. Это, наоборот, показатель способности того или иного языка к усовершенствованию, эволюции. Хотя вариантность в определенных случаях демонстрирует избыточность форм, это тем не менее также является показателем естественного развития языка.

На появление языковых вариантов оказывают влияние как внешние, так и внутренние факторы: недостаточная кодифицированность нормы, отсутствие нормированных указаний об употреблении лексических единиц, морфологическая структура слова, характер морфем, несовершенство восприятия иноязычного произношения и т.п. Среди основных же внешних факторов, порождающих языковую вариантность, следует назвать межъязыковые контакты. Проблема языковых контактов имеет довольно длительную историю (к числу исследований социально-хронологических аспектов двуязычия относятся вопросы об этимологии иноязычных слов и заимствований, их систематизации, сфере функционирования и т.п.); в силу этого в современной лингвистике сложилась терминологическая система, характеризующаяся неоднозначностью подходов.

Иноязычное слово, попадая на русскую почву, часто претерпевает изменения на том или ином уровне языка. Эти изменения могут возникать на протяжении всего периода вхождения слова в чужой язык, так как процесс адаптации, ассимиляции – долговременное явление. Вариантность является одним из важнейших условий развития языка, так как только через из-

менение соотношений между вариантами (одни варианты на определенные отрезки времени остаются равноправными, другие стилистически по-разному окрашены, третьи переходят в разряд устарелых элементов) происходят многие сдвиги на всех языковых уровнях.

Вариантность как способ существования, функционирования и эволюции единиц языка и всей языковой системы в целом затрагивает все уровни языка: фонетику, лексику, словообразование, грамматику. Это категория историческая, поэтому время сосуществования вариантов, т.е. характер и продолжительность фазы вариантности, важно рассматривать в нормативно-историческом аспекте. Прежде всего, потому что проблема вариантности неразрывно связана с нормой литературного языка определенного периода его развития.

Таким образом, изучение межъязыковых параллелей в синхроническом и диахроническом аспектах является одним из важнейших направлений современной компаративистики. Это позволяет выявить конкретные процессы, происходящие в языке-рецепторе, которые весьма важны при изучении исторической семасиологии.

Е.В. Борисова
*Борисоглебский государственный
педагогический институт*

Оптативные дебитивные высказывания в публицистической речи: семантика, структура, функции

В современном русском литературном языке специализированным средством выражения оптативного значения являются оптативные дебитивные (в традиционной терминологии – инфинитивные) высказывания. В оптативных дебитивных высказываниях выражено желание говорящего реализовать необходимое для него «положение дел»: *Создать бы книгу великих текстов и сопроводить их познавательными задачами, в которых проблемы зла, добра, наказания, совести решались бы самими читателями* (Новая газета. 06.02-08.02.2006. № 08); *[Бороться снова со злом иссякла энергия.] Дожить бы, не рняя душу разочарованиями, в которых не только окружающим не хочется признаваться, но и себе самим* (Литературная газета. 11-17.08.2004. № 32-33).

В данных высказываниях ситуация представлена в виде воображаемого факта, которого нет в действительности, но который может стать реальностью при необходимых для этого условиях: *[Особый интерес мой собеседник проявил к фигуре Синякина.] «Мне бы выйти на него!» – говорил быв-*

ший опер, видимо, полагая, что мне известно место, где тот скрывается (Совершенно секретно. 2009. № 12); – *Вы поймите, мы очень сильно измучились, нам бы только до дома добраться*, – поделился с «Известиями» один из моряков Владимир Колесников (Известия. 29.12.2005. № 239); – *Денег мне не надо. Вот бы на работу устроиться, чтобы самому их зарабатывать* (Известия. 04.02.2008. № 18).

В оптативных дебитивных высказываниях выражается, как правило, желательность осуществления необходимого «положения дел». Высказывания, в которых фиксируется желательность неосуществления необходимого «положения дел», напротив, редки: *Это, конечно, наглейшее враньё, но я и с ним соглашаюсь, только бы не упустить драгоценное время и начинать спасать ребенка* (Известия. 03.11.2005. № 200).

В отдельных высказываниях желательной может быть признана неосуществимая ситуация. В данном случае неосуществимость желания обусловлена, как правило, неконтролируемостью ситуации со стороны говорящего. В последующем контексте называются условия, «снимающие» возможность реализации желания: *Раскрыть бы наугад книгу о любимом актере детства! Да вот беда, не написаны книги, не заполнены пробелы, не разгадана судьба* (Новая газета. 06.08-08.08.2007. № 59); *[Сергей Бодров-младший спрашивал меня про киноновинки, которые обязательно надо посмотреть, я его – про новую работу, фильм «Связной»...] Вытащить бы мне тогда диктофон, но так не хотелось разрушать доверительную атмосферу...* (Известия. 21.09.2007. № 172); – *Мне бы вернуть их, а ноги словно ватные* (Труд-7. 17-23.11.2005. № 215); – *Повыбрасывать бы эти причиндалы! – первое, что воскликнула Тамара Егоровна. – Но ведь все равно новые купит. Он у меня очень упорный* (Известия. 24.09.2007. № 173). Обыкновенно данное значение находит выражение в конструкциях с противительными отношениями частей. Невозможность осуществления желания может быть связана с проявлением объективных закономерностей внешнего мира и ограниченностью возможностей человека: *Спросить бы Геннадия Бачинского, стоят ли того те несколько секунд, которые он пытался выгадать в спешке на эфир или домой. [Уверен, коллеги и родные простили бы ему это опоздание]* (Известия. 24.01.2008. № 11); *[Не зря знакомые с легкой руки супруги прозвали его Батшкой Махно.] Сейчас бы молодость вернуть – наверняка стал бы Михаил Васильевич «новым русским». Причём в лучшем значении* (Литературная газета. 13-19.04.2005. № 15).

Оптативные дебитивные высказывания являются средством выражения одного из частных значений оптативности – неосуществимое желание, обращённое к прошлому (Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность 1990, с. 176): *Человек я уже в возрасте, мне бы вспомнить пресловутый сыр в мышеловке, да только что-то в подкорке не срабатывало* (Труд-7. 2004. № 141); *[Домой аппарат мне доставили в*

двойной обертке из полиэтиленовой пленки.] Нет бы снять её, осмотреть аппарат – после многочасового ожидания (привезли в десять вечера) я поставила закорючку в документе о доставке и отпустила грузчиков (Известия. 11.02.2008. № 23). Неосуществившееся до момента речи говорящего «положение дел» оценивается в момент речи как желательное и необходимое в прошлом. В данных высказываниях говорящий сожалеет по поводу того, что необходимое и желаемое «положение дел» было им не выполнено.

В дебитивных высказываниях оптативное значение, как и другие варианты значения, реализуется имплицитным способом. В роли актуализатора соответствующего модального значения весьма последовательно выступает инфинитив совершенного вида: *Итак, устремиться бы по их тропам, приникнуть, вобрать в себя трепетные детали “страны поэта”. Бессмысленные мечтания! Всё равно что отыскивать какой-нибудь нежный лютик, где прошло стадо бизонов* (Литературная газета. 02-8 марта 2005. № 9); *В общем, непросто даётся бывшему солдату возвращение на Родину. Вот только бы теперь выбраться из нового плена справок, свидетельств и других важных бумаг, без которых, оказывается, нельзя жить на Родине и сохранить семью* (Труд-7. 07-13.07.2005. № 123); *[Русский человек так устроен забавно, что во всем хочет найти символ, знак. Мы – люди раздумчивые.] Нам бы посидеть за рюмочкой чайку, поглядеть в небесную бескрайность, в заснеженные поля и про символы подумать да поговорить* (Известия. 02.11.2006. № 204).

Категория оптативности, как хорошо известно, связана с психическим миром мыслей и чувств, то есть с «идеальными», мыслимыми действиями. Считая названную в высказывании ситуацию желательной, говорящий представляет не её течение, а итог, результат, то, ради чего и высказывается желание. Поэтому в анализируемых структурах преобладает употребление глаголов совершенного вида. Но когда желаемым оказывается сам факт осуществления действия, становится возможным употребление инфинитива несовершенного вида: *[Деревня расположилась в живописном овраге. Кругом снега и сосны. И дома добротные – из толстых потемневших от времени бревен.] Жить бы здесь и жить. Но к реке не подойдёшь: удушливое зловоние* (Труд-7. 20-26.01.2005. № 08). Использование инфинитива несовершенного вида в оптативных дебитивных высказываниях вполне естественно, поскольку в высказывании подтверждается желание осуществлять само действие, «цель (результат) которого специально не подчеркивается» (Гуревич 1979, с. 35).

Высказывания, выражающие желательность действия, как известно, невозможны без субъекта высказываемого желания, поскольку желание непременно кому-то принадлежит и кем-то высказывается. Анализируемые конструкции ориентированы на выражение непосредственных чувств, эмоций, устремлений самого говорящего лица – субъекта желания, пред-

ставленного личным местоимением 1-го лица в форме дательного падежа: *[По дороге домой я притормозила около цветочницы, переминавшейся с ноги на ногу: «Вы – мать?» «Чего?» – продавщица вздрогнула. «Не поздравили? А как же праздник матери?»] – «Какой еще матери, мне бы Нового года продержаться. Все в спячке – копят, небось...»* (Известия. 01.12.2005. № 219); – *Мне бы операцию на глазах сделать, а денег нет, – опять сетует Галина* (Труд-7. 15-21.09.2005. № 171).

В подобных высказываниях субъект речи высказывается лишь о желательности для него реализации данного «положения дел», но не предлагает кому-нибудь его выполнить. Иногда говорящий остается вербально не представленным, будучи ясным из контекста и ситуации: *Каждый год редеют трибуны ветеранов во время парада на Красной площади. Успеть бы как следует расспросить оставшихся* (Известия» № 82, 12.05.2006. И.Петровская. Новые песни о главном); – *Я тоже обожаю теннис и верю, что выигрываю у судьбы с таким счетом. Взять бы еще пару сетов всухую!* (Антенна телесемь. 18-24.07.2011. № 30).

Критерием, помогающим разграничить оптативные дебитивные высказывания и близкие им по форме, но отличающиеся значением дебитивные высказывания целесообразности, является разграниченность говорящего и субъекта действия в последних. В дебитивных высказываниях целесообразности субъект речи не принимает активного участия в выполнении того или иного «положения дел», но «понуждая» (Н.И. Поройкова) собеседника к его реализации, тем самым опосредованно участвует в том, чтобы названное в высказывании «положение дел» осуществилось. Исходя из собственного жизненного опыта, говорящий предлагает адресату исполнить необходимое в данный момент действие, рекомендует, как последнему целесообразнее поступить в тех или иных обстоятельствах: *Кстати, заявление официальных российских лиц, ответственных за проведение внутренней и внешней политики, все же более выдержанны и сбалансированны, чем поведение на «исполнительских» этажах власти. Теперь бы еще Саакашвили понизить тон и накал политики* (Российская газета. 05.10.2006. № 222); *[Мадонна весьма политизирована и социальна, при этом столь же дерзка и безбашенна.] Ей бы как раз-таки полтора, а лучшие десятка два назад к нам приехать! Вот она бы сотрясла основы «империи зла»!* (Известия. 14.09.2006. № 169). Напротив, в оптативных дебитивных высказываниях выражено неадресованное волеизъявление говорящего – его желания (Ломов 2004, с. 228): *На протяжении всей работы корпункта «Новой» в Беслане (с сентября 2004 года) и корреспонденты газеты сталкивались с непосредственным и крайне назойливым интересом сотрудников органов безопасности. Вот бы направить усилия эти на предотвращение терактов, а не их последствий* (Новая газета. 29.05-31.05.2006. № 39); *Поучительная история, про неё бы в башкирских газе-*

тах написать, но почему-то не написали (Новая газета. 25.06-27.06.2007. № 46).

В рассматриваемых высказываниях «модификаторами» оптативного значения выступают частицы, привносящие дополнительные оттенки смысла. В дебитивных высказываниях с частицей *вот* значение оптативности реализуется «в форме отвлеченного фантазирования, как результат работы воображения» (Буралова 1988, с. 79): *Вот почитать бы такое на сайте правительства, и сразу стало бы ясно, что кризис Татарстану ни-почем и что ситуация в штрафной площадке соперников «Рубина» – под контролем* (Новая газета. 17.06.2009. № 63); *[Всемирный банк предоставил России \$336 млн. для финансирования здравоохранения и, в частности, для разработки пилотного проекта реформы здравоохранения на западный манер.] А вот бы направить эти деньги не на разрушение существующей системы и перекройку её по инородному образцу, а на укрепление?! На «Скорую помощь», на реанимацию, на закупку компьютерных томографов, на проведение грамотных диспансеризаций. Хотя бы среди детей?* (Литературная газета. 06-12.07.2005. № 27).

Частицы *только, лишь* выдвигают желаемый факт на первое место, представляя остальное несущественным или второстепенным в данной ситуации: *Только бы вернуться. Всем...* (Известия. 2003. № 137). *[Есть университетские профессора, которые таскают кирпичи и рады, что нашли работу. Только бы не выгнали!]* *Только бы оплатить машину!* (Труд-7. 2004. № 79); *[Главной причиной трагедии стало то, что Виталий Коваль влюбился в другую. Да так серьёзно, что разработал план убийства жены Любы и сыновей Антона и Сережи.] Лишь бы не разводиться и не делить в квартиру, в которой решил поселиться с любовницей* (Жизнь. 13.04.2005. № 14); *[В частных беседах русские фирмачи признавались мне, что черт с ним, с бизнесом.] Лишь бы наказать строптивое эстонское правительство* (Известия. 16.05.2007. № 83).

Частица *если бы*, утратившая свойство союза и употребляющаяся в роли усилительной частицы, связана с выражением мечты о неосуществимом или трудно осуществимом (Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность 1990, с. 177): *Если бы всем нашим телевизионным «эрнстам» вынуть из мозгов чип под названием «рейтинг» и вставить другой, под странным названием «чувство национального достоинства»... Но...* (Новая газета. 02.02.-05.02.2006. № 07).

Оптативные дебитивные высказывания имеют специфические семантико-функциональные свойства, благодаря которым четко отграничиваются от высказываний других типов, имеющих в своём составе независимый инфинитив с частицей *бы*.

Буралова Р.А. Оптативные высказывания с независимым инфинитивом в современном русском языке // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций. – Л.: Наука, 1988. – С. 104-111.

Гуревич В.В. О варьировании видовых форм в инфинитиве // Русский язык в национальной школе. – 1979. – № 5. – С. 86-87.

Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 170-184.

Г.В. Киселёва

*Борисоглебский государственный
педагогический институт*

К формированию тематического поля косметика в русском языке

Неологизмы активно пополняют лексическую систему современного русского языка, образуют лексические группировки, приводя к различным семантическим сдвигам в пределах группировок. В Толковом словаре русского языка начала XXI века обозначены лексические разряды и группы, которые наиболее активно функционируют в русском языке и формируют языковое сознание современников. Среди таких групп традиционно выделены политика, экономика, техника, сфера охранительной и репрессивной деятельности, мир православия и других верований, область паранормальных явлений, массовой культуры, медицина, быт и как уже сформировавшаяся и активно развивающаяся группа *предметы и способы ухода за лицом и телом, косметика*. В качестве иллюстрации приводятся следующие лексические единицы данной тематической группы: *автозагар, кондиционер, косметический татуаж, лифтинг, мелировать, скраб, тисы* (ТСРЯС, с. 6).

Современное тематическое поле *косметика* уже имеет сложную структуру, включает различные парадигматические ряды: наименования лиц, по характеру деятельности связанных со сферой *косметика* (*визажист, косметолог, мейкапер, стилист* и др.); названия товарных знаков в сфере *косметика*; наименования косметических средств (*кондиционер, скраб, тоник*), процедур по уходу за лицом и телом (*пилинг, лифтинг, СПА-процедуры*).

Центр поля образует микросистема наименований косметических средств, которая представляет собой значительную по объему тематическую парадигму, сложившуюся в результате длительного развития и активно развивающуюся в настоящее время, и включает как древние, так и новые лексические единицы разного происхождения.

В XI веке тематическая группа наименований косметических средств представлена всего двумя лексическими единицами общеславянского происхождения *мыло* и *мазь*, которые являются отглагольными дериватами и обозначают ещё не специальные косметические, а древнейшие общегигиенические средства. В течение долгого периода времени (XII – XV вв.) лексикографические источники не фиксируют слов анализируемой сферы. И только в XVI веке появляются новые лексические единицы, именующие средства декоративной косметики: лексемы *белила*, *румяна* (*румянцы*), *сурьма*. Слово *румяна* – дериват имени прилагательного *румянный*, имеющего цветовую семантику. А слово *белила* – отглагольный суффиксальный дериват. Лексема *сурьма* заимствована из тюркского *surma* < *sur* ('красить') в значении 'краска, имеющая в своем составе сурьму, для чернения волос (бровей, усов и т.п.)' (ТСУ, т. 4) и к началу XX века уже вышла из употребления. В XVII веке появляется французское заимствование *пудра*, известное первоначально в значении 'мельчайшая мука, крахмальная пыль, которою порошили волосы, для украсы' (ТСД, т. 3). В XIX веке система наименований декоративных косметических средств пополняется итальянским заимствованием *грим* (ит. *grimo* 'морщинистый'), а во 2-й половине XX века в микросистему входят лексемы *тени* и *тушь* в своих переносных значениях, получивших лексикографическую фиксацию довольно поздно (БТС 2004).

На протяжении XVIII – XIX вв. в состав формирующейся микросистемы входят наименования ароматических средств *духи* и *одеколон*, заимствованные из французского языка. Как известно, слово *духи* является калькой с французского *parfums*, известного русскому языку в составе заимствований *парфюмерия*, *парфюмер*. Заметим, что к концу XX века в русском языке появляется вторичное заимствование *парфюм* – 'духи, парфюмерная продукция' (ТСРЯС 2007), и в настоящее время лексема *парфюм* широко используется в рекламных и художественных текстах и конкурирует с привычными нам наименованиями *духи* и *туалетная вода* (современная калька с французского словосочетания *eau de toilette*).

Многие известные сегодня косметические средства долгое время выступали как лечебные. Слова *бальзам*, *помада*, *эликсир* первоначально были заимствованы как номинации лекарственных средств, и лишь позже они расширяют сферу своего бытования в русском языке, входя и в косметическую сферу. В процессе функционирования наблюдается специализация лексических единиц, первоначально употреблявшихся в обобщённых значениях. Так, слово *помада* в русском языке известно (сначала как название лекарственного снадобья) с XVII века и имеет, вероятнее всего, французское происхождение. В конечном счёте восходит к итальянскому *roto* 'яблоко'. Первоначально помада (как целебная мазь) готовилась из мякоти особого сорта яблок (ИЭСЧ 1994, т. 1). Толковый словарь В.И. Даля (*помада* – 'мазь, масть, для умощенья волос, есть и губная помада, по-

мада от загара и пр.) и Словарь Д.Н. Ушакова (*помада* – ‘косметическая душистая мазь. Помада для волос. Губная помада’) фиксируют слово в обобщённом значении. В современных словарях слово *помада* употребляется в значении ‘губная помада’, значение ‘мазь для придания эластичности и блеска волосам’ имеет помету «устаревшее».

По данным толковых словарей, в течение XVIII – 1-й половины XX вв. тематическая парадигма наименований косметических средств пополняется в основном за счёт французских заимствований (*духи, крем, лосьон, одеколон, помада, пудра, эликсир*). Заимствования из других языков единичны: англицизм *шампунь* и грецизм *бальзам*. С 1804 года словарями отмечена и лексема *косметика*, заимствованная из французского языка, которая в современном русском языке выступает как гипероним, структурирующий анализируемую парадигму.

К XX веку микросистема наименований косметических средств была сформирована, основные ячейки парадигмы заполнены. Новый пик пополнения микросистемы приходится на начало XXI века.

Появление класса богатых людей, повышение уровня жизни, расширение возможностей для активного отдыха, релаксации привели к интенсивному развитию косметической индустрии, к коммерциализации отрасли, к рождению косметологии как науки о лечебной косметике, сделали косметику и косметологию частью современной массовой культуры.

Материалы современных словарей новой лексики (ТСРЯС 2007) и современные рекламные тексты показывают значительный словарный рост микросистемы, который происходит буквально на наших глазах, во многом за счёт освоения новых заимствований в этой сфере. На первое место среди них выходят англицизмы, которые оттесняют законодательницу моды в сфере косметики Францию. Перечислим новые лексемы, появившиеся за последние 10-15 лет: англицизмы *кондиционер, лифтинг, пилинг, скраб, спрей, стик, тоник*, французские заимствования *дезодорант, крем-пудра* и немецкое *гель*.

Скорость освоения заимствований настолько велика, что за небольшой период времени они стали не только широко употребительными в современном русском языке, войдя в словарь любой женщины (преимущественно благодаря рекламной продукции), но и демонстрируют поразительный деривационный потенциал, легко комбинируясь и сочетаясь друг с другом и с лексемами данной сферы (*вита-крем, гель-скраб, гель-флюид, дезодорант-спрей, дезодорант-стик, желе-румяна, крем-пилинг, крем-лифтинг, крем-автозагар, крем-депилятор, крем-флюид, лифтинг-комплекс, лифтинг-крем, лифтинг-маска, лифтинг-косметика, лифтинг-сыворотка, лосьон-тоник, лосьон-демакияж, лосьон-спрей, маска-жажда, маска-лифтинг, помада-лифтинг, спрей-воск, спрей-маска, экспресс-маска, эмульсия-гель* и мн. др.).

Одним из новых англицизмов является слово *СПА*. Орфография его еще не устоялась: отмечено написание строчными кириллическими буквами (*спа*), прописными (*СПА*), а также средствами латинской графики: *sра*, *SPA*. Графическая вариативность, неопределенность семантики и отсутствие слова в лексикографических изданиях свидетельствуют о новизне лексемы. Исследователи отмечают тем не менее ее многозначность (Дробышева 2009, с. 55). Многочисленные примеры показывают необыкновенную словообразовательную активность лексемы *SPA* в составе композитов, где она выступает преимущественно в первой части сложений, именуемых в том числе косметические средства, предназначенные для водных процедур: *спа-косметика*, *спа-гель*, *спа-крем*, *спа-крем-суфле*, *спа-лосьон*, *спа-сыворотка*, *спа-пилинг*, *спа-спрей*, *спа-ампулы*, *спа-маска-пленка* и мн. др.

Большая часть из перечисленных композитов представляет собой конструкции, пока ещё не ставшие инвентарными лексическими единицами. Из-за отсутствия в лексикографических источниках они не поддаются учёту и инвентаризации. Вместе с тем композитная модель обладает краткостью и высокой терминологичностью, что объясняет её высочайшую продуктивность в различных терминсферах, в том числе и в косметической.

Значительный корпус современных косметических средств, их специализация требуют всё новых терминологических лексических единиц, поэтому, кроме композитных моделей, в качестве названий активно используются и атрибутивные расчленённые наименования: *дерматологическая косметика*, *декоративная косметика*, *зелёная косметика*, *косметическое молочко*, *регенерирующий крем*, *пилинговая маска*, *редактирующая маска*, *термальный пилинг*, *туалетная вода*.

Наконец, необходимо отметить активность семантического способа в формировании наименований косметических средств. Значительная часть лексических единиц, русских и заимствованных, приобретает сему *косметическое средство*, тем самым демонстрируя расширение семантического объема. Лексемы *маска*, *сыворотка* и *эмульсия* пришли в состав «косметической» лексики из области медицины, а слова *желе*, *масло*, *молочко*, *мусс*, *пена*, *пенка*, *сливки*, *сметанка* – из кулинарной сферы. Наблюдается формирование новой метафорической семантической модели: продукт питания определенной консистенции → косметическое средство, похожее по консистенции на данный продукт. Можно полагать, что процесс формирования переносных значений еще не завершен, поскольку они в большинстве случаев еще не получили лексикографической фиксации, хотя активно функционируют в косметических и рекламных журналах.

В заключение отметим следующее. Изучение истории и современного состояния тематической парадигмы наименований косметических средств в русском языке позволяет рассматривать её как результат длительного исторического развития. Древнейшими в составе микросистемы являются

наименования гигиенических средств, несколько позднее она пополняется названиями декоративной косметики (XVI в.), XVIII-XIX вв. – время появления наименований ароматических средств. Активное пополнение микросистемы на рубеже XX-XXI вв. вызвано потребностями в обозначении консистенции косметических средств (*гель, желе, молочко* и др.), способа использования (*спрей, стик*), характера косметологического воздействия (*лифтинг, пилинг, скраб, тоник*).

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004 (БТС).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. – М., 1978-1980 (ТСД).

Дробышева Н.А. Джакузи или спа? // Русская речь. – 2009. – №2.

Толковый словарь русского языка: Т. 1-4 / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М., 1935-1940 (ТСУ).

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складчиковой. – М., 2007 (ТСРЯС).

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов: Т. 1-2. – М., 1994 (ИЭСЧ).

Л.В. Лукьянченко, О.В. Смирнова
*Борисоглебский государственный
 педагогический институт*

Семантическая классификация названий народных игр

Для систематизации названий народных игр возьмем классификацию, которую разработала М.А. Ключева в своей работе «Народные подвижные детские игры: к проблеме изучения народной терминологии» (Ключева 2007).

Названия народных игр бывают двух типов:

– названия-термины, указывающие на отдельные элементы игрового действия (например, по названию предмета – лапты (лопатки, которой бьют по мячу) – игра с ее использованием называется *лапта*);

– названия-цитаты вербального материала, звучащего в игре (например, по приговорке «кумушка, дай ключи!» игра называется *кумушка* или *ключи*; или *горелки* от песни, используемой во время игры «Гори, гори ясно, чтобы не погасло...»).

1. Названия-термины.

1.1. Персонажные (название роли игрока или его статуса при победе, проигрыше, например: *водяной, царь, мак, волк, волк и гуси, волк и овцы, ярка, шемела, пень, голубь, олень, уточка, ящер, барыня, сова, бочечки*).

Например, в игре *барыня* барыней называют водящего игрока, который запрещает другим игрокам произносить определенные слова (*черный, белый, да, нет*). В дореволюционной России крестьяне называли барыней жену хозяина поместья, которая в сознании крестьянина была злым и деспотичным человеком, запрещающим все подряд. Слово *барыня*, вероятнее всего, произошло от существительного *боярыня* в результате ассимиляции звуков *оя > а*.

Шемела, ближайшая этимология: ‘метла’, новгор., вологодск., яросл. (Волоцкий), калужск., тамб. (Даль), смол. (Добровольский), шемело то же (Даль), шемела ‘непоседа’, вятск. (Васн.), ‘болтун’, олонецк. (Кулик.) (Фасмер 2004, т. 4, с. 427). Принадлежность этой игры к разделу можно доказать с помощью расшифровки в словаре В.И. Даля: *Шемела*, детская и девичья святочная игра: бег взапуски на корточках, при песне: «не учила меня мать ни ткать, ни прясть, а учила меня мать шемелой играть!» | бес-толковый человек; шеметать и шеметиться, заниматься бездельем, пустячками, метаться туда и сюда, суетиться попусту.

Исходя из этого, можем сделать вывод, что название игра получила по наименованию игроков.

В играх *мак, голубь, пень, олень, сова, уточка, ящер* и др. присутствует элемент обрядовости, так как один из персонажей игры отождествляется с животным, растением и т.д. В эпоху язычества люди верили, что животное имеет определенные качества и человек, посредством обрядов поедания животного или отождествления себя с ним, может приобрести это качество.

1.2. Локативные (названия элементов разметки пространства, например: *классики* или *классы, горыня, котлы, касло, нары*).

В игре *классики* или *классы* – это клеточки, туры игры. Они рисуются на земле или асфальте и по ним прыгают игроки. Слово *класс*, заимствованное, появилось в эпоху Петра I; см. Смирнов 142. Из франц. *classe* от лат. *classis* ‘разряд, сословие, порядок’ (Фасмер, т. 2, с. 244).

Котлом в одноименной игре *котел* зовется центральное место в игре, куда игроки загоняют шары. В данном случае котел символический центр. Заимств. в праслав. эпоху из гот. **katils* или **katilus* (засвидетельствована форма род. мн. *katilē*), которое происходит из лат. *catīnus* или *catillus* ‘блюдо, миска’ (Фасмер 2004, т. 2, с. 351).

1.3. Предметные (названия предметов игры, например: *в мяч, лапта, жгутик, рюха, волосной, ветчина, чита, бутылочка, колечко*).

Волосной – от волос, так как участники игры таскают друг друга за волосы. Возможно, что данная игра уходит корнями в языческую религию. Можно выявить связь с языческим богом Волосом, который по одной из версии был врагом Перуну, и называли его Змеем подземным, злым богом, в честь этого бога устраивали обряд таскания друг друга за волосы (<http://slovisha.chat.ru/volos.htm>). В словаре М. Фасмера ближайшая этимоло-

логия: др.-русс. *Волось*, языческий бог (по Лаврентьевск. летоп., под 907 г., с воинов Олега берется присяга именем Волоса) (Фасмер 2004, т. 1, с. 343).

Лапта. Общеслав. Образована с помощью суф. *-ьта* от той же основы (*лоп-*), что и *лопата*, *лопух*. Др.-русс. *лапта* в результате закрепления аканья на письме (Шанский, Боброва 2004, с. 234). У М. Фасмера имеется несколько разъяснений происхождения слова *лапта*, первое совпадает с данным выше, а второе разъяснение ‘широкая равнина в тундре, поросшая мхом’, мезенск. (Подв.). Вероятно, заимств. из ненецк. *labt* ‘низина’, *lamdo* ‘низкий’ (Фасмер 2004, т. 2, с. 460). Этот факт указывает на то, что название игры можно отнести и к разделу локативные игры. Оба варианта имеют право на существование, это подтверждают и правила игры. Игра проводится на широком, ровном, открытом пространстве и сама палка, которой бьют мяч в игре, называется лапта.

1.4. Акциональные (названия действий, движений, например: *ласси*, *прятки*, *жмурки*, *салки*, *городки*, *кулючки*, *гулючки*, *пылить*, *ухоронка*, *замиралы*, *сигучки*, *нырялки*, *молчанка*).

Название игры *прятки* образовано от глагола *прятать*, ближайшая этимология: прячу, сюда же опрятный, прятанье ‘корчевание земли под пашню’, арханг. (Подв.), опрятывать ‘одевать, убирать (покойника)’ (Мельников), опрятати ‘убрать, обрядить (к погребению)’, словен. ‘годный, ловкий, проворный’ (Фасмер 2004, т. 3, с. 396). Смысл игры заключается в том, что игроки прячутся, а ведущий их ищет. Как видно, игра в прошлом носила сакральный смысл, так как данная этимология относит к значению ‘одевать, убирать (покойника)’.

Жмурки от *жмурить(ся)*, ближайшая этимология: жмурю(сь), жмурки мн., жмура ‘тот, кто жмурится’, ‘прикрывает глаза’; диал., ‘умерший’, первонач. ‘тот, кто зажмурился’ (Фасмер 2004, т. 2, с. 60).

1.5. Орнаментальные (названия фигур движения, поз игроков, положений предметов, например: *стоячие столбики*, *хоровод*, *кандалы*, *каравай* и др.).

Игра *кандалы* относится к данному типу игр, так как игроки в процессе игры образуют цепь, взявшись за руки, и являются будто скованными. От араб. *кайдани* — оковы, путы (<http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary>). Синонимом названия данной игры является наименование *порванные (разрывные) цепи*. *Цепь*, исконно русское слово. Производное от *цепить* (соединять звенья) (<http://slovari.yandex.ru/цепь>).

В игру *каравай* играют на день рождения. Играющие образуют круг и показывают этим, что это каравай, который они испекли. *Каравай*. Общеслав. Обычно толкуется как суф. производное от **korva* ‘корова’ и связывается, чаще всего, со свадебным обрядом (свадебный пирог символизировал плодovitость). Исходное значение в таком случае ‘свадебный пирог’, затем ‘круглый белый хлеб’ и ‘целая буханка хлеба’. Др.-рус. *коровай* >

каравай в результате закрепления аканья на письме (<http://slovari.yandex.ru/каравай>).

1.6. Названия с числительными (третий лишний).

Третий лишний, кругом стоят дети, а один с ремнем бежит за другим. Он за тебя спрячется, ты должен побегать, если не успел убежать, он тебя ремнем ударит, и ты будешь водить.

1.7. Абстрактные названия (родовые) классов загадываемых, называемых, изображаемых предметов, вещей (например: *цвета, города, природа, звери, птицы* и пр.).

2. Названия-цитаты.

В качестве названий-цитат выступают вербальные тексты разного рода, в частности:

2.1. Коммуникативные сигнальные словоформулы, через которые игрок сообщает противнику о начале / конце определенного этапа игры, о каком-то своем действии, командует, в т.ч.:

- обращение-дразнилка со стороны игроков в адрес водящего, провоцирующая его на преследование, например, в игре *у медведя во бору* (“У медведя во бору грибы-ягоды беру...”);

- обращение-вопрос к водящему, просьба, например, в игре *коршун* (“Коршун-коршун, что делаешь?”);

- сообщение водящего о том, что он начинает игру, например, в игре *молчанка* (“Кошка сдохла, хвост облез, кто промолвит, тот и съест”); в игре *нырялки* (“Баба сеяла горох и сказала деду ох”, после чего все игроки погружаются под воду);

- императивные словоформулы (термин И.А. Морозова), в том числе:

- команда действовать (“Кипит!”, игра *в котел*);

- команда прекратить действие (в игре *клеалки* – “Клёк!”, в игре *замиралы* – “Стоп-земля!”), в т.ч. чурание (“Чур, я на дереве” игра *птички на дереве*).

Команда к действию и его отмене может быть даже слита в одном тексте: “Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три – морская фигура на месте замри!” – в игре *море волнуется*.

- эмоциональные выкрики комментирующего характера: призыв о помощи (“чай, чай выручай” – игра с одноименным названием).

2.2. Операционные тексты (термин И.А. Морозова) или перформативы, т.е. описывающие совершаемое в игре действие (например, “У медведя во бору грибы-ягоды беру”, “Уж я сеяла-сеяла ленок” и т.п.) – правда, этот род текстов как названий-цитат относится больше к играм хороводного характера, а не соревновательным.

Система названий народных подвижных игр – это целый комплекс классификаций по разным дифференцирующим признакам, в том числе и семантическому.

Ключева М.А. Подвижные игры: к проблеме изучения народной терминологии // Традиционная культура. – 2007. – № 4. – С. 76-88.

Морозов И.А. Игры народные // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Ред. Н.И. Толстой. – Т. 2. – М., 1999. – С. 380-386.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс]. – М.: Этимологические словари, 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. – М.: Дрофа, 2004.

<http://slovari.yandex.ru>

<http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionar>

<http://slovisha.chat.ru/volos.htm>

Е.А. Маклакова

Воронежская лесотехническая академия

Специфика использования метаязыка описания значения слова

Согласно проведенным исследованиям, описание семантики наименований лиц целесообразно осуществлять посредством специально разработанного для этой цели метаязыка, который имеет следующий вид:

денотативный макрокомпонент значения – архисема (лицо, совокупность лиц), полоразличительный признак (мужской пол, женский пол, мужской / женский пол), интегральный признак тематической группы, дифференциальные признаки в зависимости от их близости к ядру или периферии значения, а также их яркости;

коннотативный макрокомпонент значения – оценочный (одобрительное, неодобрительное, неоценочное) и эмоциональный признаки (неэмоциональное, положительно-эмоциональное, отрицательно-эмоциональное, восторженное, ласкательное, сочувственное, шутливое, пренебрежительное, презрительное, уничижительное);

функциональный макрокомпонент значения – стилистический (книжное, межстилевое, разговорное, сниженное), социальный (общенародное, социально ограниченное), темпоральный (новое, современное, устаревающее, устаревшее), территориальный (общераспространенное, территориально-ограниченное), частотный (высокоупотребительное, малоупотребительное, употребительное, неупотребительное) признаки, а также признаки политкорректности (политкорректное, неполиткорректное, табу политкорректности) и тональность общения (тонально-нейтральное,

почтительное, вежливое, дружеское, фамильярное, оскорбительное, тонально-недопустимое).

При описании семантики наименований лиц были определены и учтены совместимые функциональные, коннотативные и денотативные семы, взаимозависимый и взаимообусловленный характер отношений которых можно выразить в виде следующих противопоставлений сем:

семы малоупотребительное / неупотребительное предполагают наличие сем устаревшее / устаревающее, территориально-ограниченное;

неоценочное, неэмоциональное – официально-деловое, политкорректное, тонально-нейтральное;

малоупотребительное – книжное, специальное;

высокоупотребительное / употребительное – общераспространенное, общенародное, современное;

неодобрительное – отрицательно-эмоциональное / презрительное / уничижительное;

одобрительное – положительно-эмоциональное / ласкательное / восхитительное / шутливое;

женский пол – разговорное / сниженное, при этом мужской пол – межстилевое.

Последний тип отношений сем внутри одной семемы особенно часто выявляется при анализе семантики русских феминизмов, тенденция конструировать которые характерна в значительной степени для разговорной сферы общения. Функциональный стилистический признак у подобных наименований лиц, образовавшихся от стилистически нейтральных языковых единиц с семой межстилевое в своей структуре, в основном описывается семами разговорное или сниженное. Детерминантные отношения констатируются между семами разных макрокомпонентов значения, при которых денотативная сема женский пол предполагает наличие функционально-стилистической семы разговорное:

биолог мужской пол, межстилевое – *биологичка* / *биологиня* женский пол, разговорное;

инспектор мужской пол, межстилевое – *инспекторша* женский пол, разговорное;

поляк мужской пол, межстилевое – *полячка* женский пол, разговорное;

юрист мужской пол, межстилевое – *юристка* женский пол, разговорное.

В ряде случаев в семантике русских производных коллоквиальных наименований лиц детерминантные отношения сем проявляются внутри одного макрокомпонента значения (женский пол – состоит в браке с кем-то) и связаны с изменением в структуре таких семем семантического признака *профессиональная принадлежность* на семантический признак *родственные отношения*:

гангстер мужской пол, межстилевое – *гангстерша* женский пол, состоит в браке с гангстером, разговорное;

генерал мужской пол, межстилевое – *генеральша* женский пол, состоит в браке с генералом, разговорное;

ректор мужской пол, межстилевое – *ректорша* женский пол, состоит в браке с ректором, разговорное.

В случаях полисемии единиц языка детерминантные отношения сем обнаруживаются во всех семемах семантемы как внутри одного макрокомпонента значения, так и между семами двух разных микрокомпонентов значения:

банкирша семема-1 — женский пол, управляет / владеет банком, разговорное; семема-2 — женский пол, состоит в браке с банкиром, разговорное;

докторша семема-1 — женский пол, занимается лечебно-профилактической деятельностью, профессионально, разговорное; семема-2 — женский пол, состоит в браке с доктором, разговорное; семема-3 — женский пол, имеет высшую ученую степень доктора каких-либо наук, разговорное;

морячка семема-1 — женский пол, опытна в морском деле, разговорное; семема-2 — женский пол, состоит в браке с моряком, разговорное.

К проблеме детерминантных отношений сем в структуре семемы относятся понятия согласованной и несогласованной коннотации, когда эмоциональный и оценочный микрокомпоненты семантики того или иного наименования лица либо имеют одинаковый знак, либо их знаки по трехбалльной шкале оценок: «минус, ноль, плюс», — не согласуются. Например, согласованная коннотация фиксируется следующими парами сем: неоценочное — неэмоциональное (0), неодобрительное — отрицательно-эмоциональное / презрительное / уничижительное (–), одобрительное — ласкательное / восхитительное / шутовское (+).

Несогласованная коннотация фиксируется следующими семными парами:

неоценочное (0) — положительно-эмоциональное / ласкательное / сочувственное / шутовское (+), неодобрительное (–) / одобрительное (+) — неэмоциональное (0).

На основании полученных результатов исследования также выявлены несовместимые коннотативные и функциональные семы, которые представлены ниже в виде недопустимых оппозиций сем. Отметим, что отношения несовместимости сем фиксируются как внутри одного макрокомпонента, так и между семами разных макрокомпонентов значения:

неодобрительное × положительно-эмоциональное, неодобрительное × сочувственное,

неодобрительное × шутовское, неодобрительное × восхитительное, неодобрительное × ласкательное, одобрительное × уничижительное, одобрительное × презрительное,

одобрительное × отрицательно-эмоциональное, высокоупотребительное × книжное, книжное × территориально-ограниченное, высокоупотребительное × устаревшее / устаревающее, общенародное × территориально-ограниченное,

употребительное × территориально-ограниченное, употребительное × устаревшее, фамильярное × официально-деловое, тонально-недопустимое × официально-деловое, табу политкорректности × официально-деловое, дружеское × официально-деловое, непolitкорректное × официально-деловое, книжное × непolitкорректное,

книжное × шутовское, книжное × ласкательное, книжное × презрительное, книжное × сочувственное, книжное × уничижительное, книжное × отрицательно-эмоциональное, неодобрительное × официально-деловое, шутовское × официально-деловое,

одобрительное × официально-деловое, сочувственное × официально-деловое, положительно-эмоциональное × официально-деловое,
 восхитительное × официально-деловое, ласкательное × официально-деловое,
 отрицательно-эмоциональное × официально-деловое, презрительное × официально-деловое, уничижительное × официально-деловое, вежливое × уничижительное,
 вежливое × презрительное, вежливое × отрицательно-эмоциональное,
 тонально-нейтральное × презрительное, тонально-нейтральное × уничижительное,
 почтительное × презрительное, почтительное × уничижительное,
 политкорректное × презрительное, политкорректное × уничижительное,
 политкорректное × ироничное, политкорректное × отрицательно-эмоциональное,
 политкорректное × шутовское, политкорректное × ласкательное.

Подчиненные определенной иерархии, отношения сем разных уровней абстракции можно рассматривать и в синтагматическом плане, так как в соответствии с общими закономерностями, действующими в языке, между семами в структуре семемы просматривается некоторое линейное соотношение, напоминающее синтаксические отношения между членами предложения. В структуре значения слова семы выстраиваются в некоторый упорядоченный ряд, складываясь в своеобразную предикацию. К примеру, сема *лицо* как бы управляет семой *вид деятельности*, а та, в свою очередь, семой *местонахождение* в семемах: *курортник* – кто? лицо, которое что делает? лечится и отдыхает, где? на курорте; *пленный* – кто? лицо, которое что делает? находится, где? в плену. Внутрисемемные синтагматические отношения сем отличаются строгой направленностью, которая находит свое отражение в постепенном переходе от более абстрактных к менее абстрактным семам, от архисемы или интегральной семы к дифференциальным семам разного уровня абстракции, по схеме: (кто?) архисема → (что делает? какой / какая?) интегральная сема принадлежности к тематической группе → (как? когда? где?) дифференциальные семы. В ряде случаев такие отношения между семами носят распространенный характер и могут быть также сопоставлены с такими видами синтаксической связи, как, например, комплетивная или атрибутивная.

Таким образом, использование метаязыка описания значения слова или устойчивого словосочетания характеризуется определенной спецификой, которую следует учитывать в данном процессе как промежуточном этапе контрастивного анализа языковых единиц в двух языках, что позволит осуществить последний плодотворно и результативно.

Маклакова Е.А. Национальная специфика семантики наименований лиц (на материале русского и английского языков): Дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 212 с.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – Воронеж, 2004. – 189 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985. – 253 с.

Г.С. Попова
 Борисоглебский государственный
 педагогический институт

Явление синонимии в микросистеме наименований деревьев (на примере названий деревьев *инжир* и *шелковица*)

Инжир... Одно из древнейших культурных растений. По данным археологов, оно культивируется в Азии примерно 5000 лет. В наши дни инжир выращивают и в странах Азии, и в Крыму, в Греции, Италии, Испании.

Слово *инжир* пришло в русский язык в качестве названия заморского фрукта довольно поздно. В словаре русского языка XVIII века слово ещё отсутствует, впервые оно зафиксировано в словарях во второй половине XIX века. В Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова дана следующая информация о происхождении данной лексики: слово *инжир* пришло из персидского языка – *āngīr*.

В Большом толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова предлагается такое толкование: *инжир* – ‘субтропическое плодовое дерево семейства тутовых (фиговое дерево, смоковница); плод этого дерева (фига, смоква)’. Из приведённой дефиниции следует, что в современном русском языке существует несколько номинаций дерева: *инжир*, *смоковница* и расчленённая устойчивая номинация *фиговое дерево*. О наличии в русском языке нескольких синонимичных номинаций: *инжир*, *фига* (*фиговое дерево*), *смоковница* – свидетельствуют и словари синонимов (Александрова 2001, с. 162).

Если лексема *инжир* появилась в системе русского языка лишь в XIX веке, то слово *смоковница* известно русскому языку ещё с XI века, дерево упоминается в Остромировом Евангелии (1056 г.). Лексема *смоковница*, как и родственные *смоква*, *смоковный*, вошла в систему древнерусского языка из старославянского вместе с первыми церковными книгами. Об этом свидетельствует и то, что данная лексема встречается в двух устойчивых выражениях, связанных с Библией: *бесплодная смоковница*, *библейская смоковница*. Смоковница всюду фигурирует в Священном Писании наряду с пальмой как символ плодородной жизни и Божьих благослове-

ний. В Евангелиях Господь не раз говорит о смоковницах, подразумевая людей полезных или ни к чему не годных. В старославянском языке *смоковница* – производное слово: образовано с помощью суффикса *-иц(а)* от прилагательного *смоковный*, но в русский язык оно пришло уже в готовом виде (Боброва 1978, с. 104). Некоторые учёные предполагают, что славянское **smoky* исконно и развивало значение ‘сочная ягода’ (ЭСФ 1986).

Следующая номинация *фига* появилась в русском языке в XVIII веке: то есть позже, чем *смоковница*, но на столетие раньше, чем *инжир*. По мнению П.Я. Черных, эта лексическая единица заимствована из западноевропейских языков без западнославянского посредства. Как предполагают некоторые лингвисты, слово *фига* произошло от *фикус* (ср. народно-латинское *fica* при классическом *ficus*). Родство этих двух лексем не случайно: фиговое дерево – ‘субтропическое дерево семейства тутовых рода *фикус*’ (ИЭСЧ 1999).

Отметим, что в других иностранных языках дерево *инжир* не имеет синонимичных названий, причём западноевропейские номинации восходят преимущественно к латинскому источнику: (англ. *fige*, немец. *Feige*, франц. *figuier*, *figue*, итал. *fico*, испан. *hugiera*), в украинском языке это растение называют *смоковницей*, в казахском – *інжір*.

В русском языке существует ещё одно слово, которое можно отнести к синонимам лексемы *инжир*. Это *сикомор* – ‘южное дерево семейства тутовых с твёрдой древесиной и съедобными плодами; библейская смоковница’ (БТСК 2004). В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова находим уточнение: ‘дерево... со съедобными плодами, напоминающими винную ягоду, фигу’. Интересно, что слово *сикомор* греческого происхождения – *σικόμορος*, где *σικον* ‘фига, инжир’ и *μορον* ‘тут, шелковица’.

Таким образом, уже к XIX веку в русском языке для одного экзотического для России дерева имелось несколько названий, которые известны и в современном русском языке. Отметим, что, согласно словарным данным, из всех перечисленных выше наименований в начале XX века только слово *фига* было в общем употреблении, в то время как *инжир* отмечено пометой «областное», *сикомор* и *смоковница* – «ботаническое» (ТСУ). Но уже к середине XX столетия, согласно показаниям толковых словарей, все эти слова утратили стилевые пометы, став частью общеупотребительной лексики русского языка. Следует отметить, что указанный синонимический ряд включён не во все словари синонимов. Вместе с тем один из самых авторитетных словарей синонимов фиксирует различия, обусловленные степенью частотности употребления лексем анализируемого синонимического ряда, указывая лексемы *смоква* и устойчивую расчленённую номинацию *фиговое дерево* как редкие, а слово *инжир* как наиболее частотное в современном русском языке (Словарь синонимов 1970, т.1). Отметим также, что лексические единицы *смоковница* и *фига* «поддерживаются» в созна-

нии современных носителей русского языка благодаря включению в состав устойчивых сочетаний *бесплодная смоковница*, *фиговый листок*, известных в русской языковой культуре благодаря Библии (Григорьев 2008, с. 82-84; Шанский, Боброва 2001).

Следует сказать, что родственницей инжира называют шелковицу: оба эти растения относятся к семейству тутовых, имеют съедобные плоды, которые очень похожи между собой по вкусу.

Этимология лексемы *шелковица* прозрачна: дерево было названо так потому, что его листва используется на выкормку шелкового червя. Это слово известно на Руси с XVI в., Т.А. Боброва указывает на то, что в словарях оно отмечается с 1746 г. (Боброва 1978, с. 105).

Лексема *шелковица* тоже имеет синоним – *тут* (Александрова 2001, с. 506). Слово *тут* арабского происхождения (*tut*), вошло оно в систему в одно время с *шелковицей*, в XVIII веке, но в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова оно сопровождается пометой «ботаническое, редко», то есть слово было ограничено в употреблении, тогда как *шелковица* была общеупотребительной лексической единицей.

Проделанный в данной статье анализ названий деревьев *инжир* и *шелковица*, а также их синонимичных номинаций подтверждает факт наличия синонимии в микросистеме наименований деревьев в русском языке, хотя в целом данное явление не характерно для анализируемой микросистемы. Особенность рассмотренных синонимов в том, что все они являются в современном русском языке частью общеупотребительной лексики, хотя пришли они разными путями: одни вошли в систему как термины, другие как областной вариант языка, третьи сразу стали общеупотребительными. Значительно чаще в микросистеме наименований деревьев наблюдается не сосуществование синонимических единиц, а вытеснение одного наименования другим, как случилось со словами *боярышник* (оно вытеснило более раннее *глѣд*), *облепиха* (оно заменило слово *дерюза*) или стилевое размежевание лексем (*алоэ* – *столетник* (разг.)).

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 2001.

Балахонова Л.И. К истории слова *инжир* // Диалектная лексика 1969. – Л., 1971. – С. 61-73.

Боброва Т.А. О некоторых названиях деревьев // Русский язык в школе. – 1978. – № 3. – С. 104-106.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004.

Григорьев А.В. Загадки бесплодной смоковницы // Русский язык в школе. – 2008. – № 9. – С. 82-84.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рипол Классик, 2002.

Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – Л.: Наука, 1970-1971.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000 [ТСУ].

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва / Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Прогресс, 1986 [ЭСФ].

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, 1999 [ИЭСЧ].

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Евангельский текст и фразеология русского языка // Снова в мире слова. – М., 2001.

М.С. Похвощева

Военный авиационный инженерный университет

**Лексико-семантическая группа
«наименования военнослужащих»
в современном военном жаргоне**

Современный военный жаргон представляет собой интересную область лингвистических исследований в силу того, что сочетает в себе специфику как собственно профессиональных жаргонов (подобно компьютерному), так и групповых или корпоративных жаргонов (подобно языку наркома-нов).

По определению В.П. Коровушкина, военный жаргон включает в себя лексические единицы, обозначающие «военные профессионально-корпоративные понятия» и выполняющие «коммуникативно-номинативную» (характерную для профессиональных жаргонов) и «эмотивно-эзотерическую» (основную для корпоративных жаргонов) функции (Коровушкин 2003).

Другими словами, военный жаргон не только является средством общения специалистов в неофициальной обстановке и придает образность, выразительность устной речи военнослужащих, но и выступает средством отчуждения от других социальных и профессиональных групп. Эта функциональная специфика военного жаргона нашла свое отражение в его лексическом составе, включающем в себя как профессионально ограниченную лексику, так и лексемы, отражающие явления бытовой сферы, такие как форма одежды, питание, проживание, повседневные обязанности военнослужащих.

Одной из особенностей военного жаргона является то, что он изобилует лексическими единицами, обозначающими воинские звания, должности, профессии и т.д., то есть наименованиями военнослужащих. Это объясняется прежде всего тем, что в военной среде существует строгая иерархия, в

которой значимыми являются не только формальные звание и должность военнослужащего, но и опыт боевых действий, срок службы, принадлежность к роду войск, место службы и др. Множество жаргонных наименований военнослужащих, не имеющих стилистических синонимов в официальной терминологии, прочно вошли в общенародную просторечную лексику русского языка. Например, слова «дух» и «дед», используемые для обозначения военнослужащих срочной службы разных призывов, широко используются не только в разговорной речи, но и в художественных произведениях, в СМИ. Таким образом, военный жаргон выполняет еще и номинативную функцию, то есть обозначение нового понятия, заполнение терминологических лакун.

Рассмотрим лексико-семантическую группу «наименования военнослужащих» подробнее. Она включает в себя 171 лексическую единицу, которые распределяются по 9 подгруппам. Приведем примеры наименований военнослужащих в каждой из них:

1) “по категории военнослужащих”: *фицер* (офицер), *контрабас* (военнослужащий контрактной службы), *кусок* (курсант) и др.;

2) “по званию”: *старлей* (старший лейтенант), *гена* (генерал), *мозги наружу* (полковник, т.к. носит серую каракулевую папаху) и др.;

3) “по должности”: *главком* (главнокомандующий), *каптерищик* (нештатная должность помощника старшины), *комар* (командир роты), *технота*, *маслопуп* (инженер, техник) и др.;

4) “по принадлежности к виду, роду войск”: *десантура* (военнослужащий ВДВ), *сухопутье*, *сапог* (военнослужащий сухопутных войск), *мореман* (военнослужащий ВМФ), *мазута*, *соляра* (военнослужащий мотострелковых, бронетанковых, артиллерийских войск) и др.;

5) “по полученному военному образованию”: *пиджак* (военнослужащий, получивший звание по окончании гражданского вуза, где была военная кафедра), *академик* (офицер, выпускник военной академии), *средник* (военнослужащий, получивший среднетехническое военное образование) и др.;

6) “по сроку службы”.

Данная подгруппа включает в себя 2 микрогруппы: наименования военнослужащих срочной службы: *дух*, *слон*, *желудок*, *зелень*, *лимон*, *огурец*, *пупок*, *салага*, *сын*, *фазан*, *череп*, *чижик*, *шнурок*, *плафон* и др. (солдат первой половины срока службы), *старый жук*, *старик*, *дед*, *дедушка*, *дембель* (солдат, завершающий срочную службу) и наименования курсантов по году обучения, которые описывают специальную нашивку на рукаве, так называемую курсовку, на которой количество полос соответствует курсу: *минус* (курсант первого курса), *равно* (курсант второго курса), *баян* (курсант пятого курса), или описывают службу на разных этапах обучения (*приказано выжить*, *без вины виноватые*, *веселые ребята*, *господа офицеры*).

7) “по опыту боевых действий”: *афганец* (участник войны в Афганистане), *чеченец* (участник чеченской войны) и др.;

8) “по отношению к прохождению срочной службы”: *косарь*, *косорез* (призывник, уклоняющийся от службы в ВС), *альтернативник* (военнослужащий, проходящий альтернативную срочную службу), *белобилетчик* (тот, кто освобожден от военной службы);

9) “по отношению к воинской дисциплине”: *залетчик* (солдат, курсант, нарушающий дисциплину), *самоходчик* (солдат, курсант, самовольно покидающий территорию военной части), *служака* (усердный военный служащий) и др.

Кроме того, во время боевых действий в военном жаргоне появляются лексические единицы, обозначающие наименования врагов, такие как: *дух*, *душман* (афганский моджахед), *чех*, *чича*, *чучмек* (чеченский боевик). Эти лица принимают участие в военном конфликте, однако они не могут быть отнесены к группе военнослужащих, так как не состоят на военной службе.

Выделяемые подгруппы различны по своему количественному составу. Наиболее многочисленными являются подгруппы “по сроку службы” – 56 единиц и “по принадлежности к видам, родам войск” – 49 единиц, что составляет 33% и 29% от общего количества единиц группы соответственно. Важно, что все единицы подгруппы “по сроку службы” относятся исключительно к наименованию рядовых. В официальной терминологии рядовой солдат или курсант стоит на низшей ступени военной иерархии, и данная подгруппа представлена только одной единицей – *солдат* сверхсрочной службы. Однако проведенное исследование показывает, что для рядового состава эта характеристика является одной из наиболее значимых.

Указание на принадлежность к определенным войскам также является значимым для военнослужащих и зачастую выражает пренебрежительное отношение к другим родам войск, например, лексема *мабута* (иногда *мобута*) представляет собой презрительное наименование военнослужащих любых родов войск, кроме ВДВ.

Достаточно многочисленными являются подгруппы “по должности” – 23 единицы (13%) и “по званию” – 17 единиц (10%). Достаточно высокая значимость этих характеристик военнослужащих является неотъемлемой частью военной службы, и жаргонные наименования здесь представляют собой в основном стилистические синонимы существующих уставных званий и должностей, принятых в Российской армии. Однако, интересна неравномерность количества синонимов того или иного звания. Например, из 17 жаргонных наименований званий военнослужащих почти треть (5) обозначают полковника (*полкан*, *полкаш*, *папах*, *баран*, *мозги наружу*), три из которых описывают главный атрибут этого звания – каракулевую папаху.

Самыми малочисленными оказались следующие подгруппы: “по отношению к воинской дисциплине” – 4 единицы (2%), “по отношению к прохождению срочной службы” – 3 единицы (2%), “по опыту боевых дей-

ствий” – 2 единицы (1%). Вероятно, что после войны в Северной Осетии, в которой принимали участие военнослужащие Российской армии, появилась и лексическая единица, обозначающая участие военнослужащего в этой войне, однако широкого применения она пока не получила.

Таким образом, в разговорной речи военнослужащими выделяются значимые для них характеристики, которые зачастую не выражены в уставной терминологии.

Коровушкин В.П. Нестандартная лексика в английском и русском военных подъязыках (понятийный аппарат социолексикологического описания) // Вестник ОГУ. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2003. – №4. – С. 53-59.

И.А. Стернин

Воронежский государственный университет

Коммуникативно-семантический словарь как тип словаря русского языка

Коммуникативно-семантический анализ – это анализ семной актуализации значений исследуемых лексем в контекстах с выявлением употребительных и неупотребительных, современных, устаревших и новых значений, анализом семного варьирования значений в контексте и полевого моделирования семантем исследуемых единиц в современном языковом сознании в сопоставлении с лексикографическими данными.

Осуществление коммуникативно-семантического анализа лексики предполагает:

- выявление зафиксированных контекстов употреблений исследуемых единиц;
- атрибуцию этих употреблений выявленным на предыдущем этапе исследования лексикографическим значениям исследуемых слов;
- выявление характера семного варьирования исследуемых значений в контексте, установление типов семных актуализаций и наиболее частотных, коммуникативно релевантных сем, актуализируемых в разных контекстуальных условиях;
- выявление новых значений, не зафиксированных в имеющихся словарях;
- ранжирование выделенных коммуникативных значений по употребительности и построение на основе полученных частотных данных полевого описания семантем исследуемых слов, определение ядерных и периферийных семем.

Результатом коммуникативно-семантического анализа лексики является обобщенное описание значений исследуемых слов, выявленных в кон-

текстах, как совокупностей сем, которые были актуализованы в разных зафиксированных контекстах. Полученные описания обозначаются как коммуникативные значения слов – то есть значения, описанные как совокупность коммуникативно-релевантных сем.

Коммуникативные значения могут быть описаны в особом типе словаря – коммуникативно-семантическом толковом словаре.

Покажем возможность подобного словаря на материале лексем семантического поля *гость*. Исследование под нашим руководством выполнил Уссейну Талл (Талл 2011).

Большинство единиц поля *гость* оказывается многозначными. Наиболее многозначными являются лексемы *гость* 17, *гостя* 11, *гостевой*, *угощение*, *гостеприимный*, *гостевой* 7, *гостеприимно*, *угощать*, *гостинец* 6, *гостеприимство*, *гостить* 5, устойчивое сочетание *желанный гость* – 7 значений.

Сопоставим значения, полученные путем обобщения лексикографических источников, и значения, выявленные по результатам коммуникативно-семантического анализа материала.

Количество семем, зафиксированных в исследуемых лексемах, таково (по убыванию количества лексикографических значений):

Лексема	Лексикографические значения	Коммуникативные значения
гость	10	17
гостиный	6	11
гостинец (гостинцы)	5	6
угощать	4	6
гостя	3	11
гостьба	3	1
гостинщик	3	1
гостея	3	1
угоститься	3	5
угощение	2	7
гостиная	2	4
гостеприимный	2	7
гостить	2	5
гостенек	2	3
гостек	2	1
гостеприимство	1	5
гостиница	1	2
гостеприимно	1	6
гостевой	1	7
гостинчик	1	4
гостевание	1	2
гостевать	1	2
гостьюшка	1	1

загоститься	1	1
гащивать	1	1
угощатель	1	1
гостеприимец	1	1
гостеприимность	1	1
угостительный	1	1
угоститель	1	1
незванный гость	–	4
высокий гость	–	4
желанный гость	–	7
званный гость	–	2

Как показывает коммуникативно-семантический анализ, практически все лексемы поля имеют заметно больше значений, нежели это отражено в имеющихся словарях русского языка.

Для многозначных единиц поля этот показатель таков: 52 лексикографических и 86 коммуникативных значений, то есть коммуникативных значений в 1,6 раза больше.

Лишь три лексемы – *гостьба*, *гостек*, *гостиницик* – имеют в контекстах меньше значений, чем в словарях. Но все эти три слова в словарях уже отмечены как устаревшие.

Выявление в контекстах значений, не зафиксированных в словарях, не означает, что все эти значения являются новыми для языка. Это касается только части коммуникативных значений, остальная часть отсутствует в словарях в силу тенденции лексикографов обобщать значения при их лексикографическом описании (принцип редукционизма), из-за неполноты охвата имеющимися словарями семантического пространства языка, из-за малочастотности отдельных значений, в силу чего они не попали в поле зрения лексикографов и, возможно, по другим причинам.

Так, чисто случайными причинами объясняется, очевидно, отсутствие в словарях таких значений, как:

Гостиная

В 19-ом - середине 20-го вв. – общественное мероприятие, обычно небольшое, организуемое организацией или частным лицом с культурной или развлекательной целью – 10.

Гостья

1. Женщина, которая прибыла куда-либо по приглашению со специальной или официальной целью – 16.

2. Женщина, живущая в гостинице или посещающая ресторан – 2.

Новыми, возникшими в последнее время, можно считать следующие значения:

Гость

1. Представленное в материалах СМИ лицо, чье мнение имеет новостную важность; ньюсмейкер – 11.

2. Ценный, общественно значимый предмет, представляемый обществу впервые – 3.

3. Предмет, поступивший из-за рубежа – 5.

4. Начальник, проверяющий (*администр., воен.*) – 1.

Гостеприимство

1. Внимание и доброжелательное обслуживание (преимущественно в сфере сервиса) – 5.

2. Дружелюбие, доброжелательное отношение – 3.

Угощение

Еда (*разг., часто ирон.*) – 26.

Гостинец

Нечто, доставляющее неприятность, неприятную неожиданность (*ирон.*) – 16.

Гостиница

Временное помещение для размещения кошек и собак на время отъезда или путешествия их хозяев – 1.

Гостеприимно

1. Притягательно, призывно, привлекая к себе внимание и радуя – 9.

2. Удобно, эффективно – 7.

Гостеприимный

1. Предоставляющий все возможные услуги, возможности – 6.

2. Радующий глаз, доставляющий удовольствие – 3.

3. Притягательный, призывный, привлекающий к себе внимание – 1.

Гостиный

Название торгового центра, крупного магазина, или другого учреждения (рынок, выставочный центр, кафе, банк и под.), обслуживающего большое количество покупателей или клиентов – 135.

Гостить

1. Находиться на чужой территории, территории соперника, нанося ущерб (*разг., воен. или спорт.*) – 3.

2. Временно находиться, пребывать в каком-либо месте с определенной, обычно ознакомительной целью – 21.

Гостевой

1. Присущий команде, выступающей на чужом поле, в гостях – 1.

2. Предназначенный для записи гостей или посетителей на сайте – 25.

Гостинчик

1. Неожиданное неприятное событие, явление (*ирон.*) – 3.

2. Неожиданное приятное событие, явление (*шутл.*) – 2.

Гостенёк

Посетитель (*неодобр., ирон. пренебр.*) – 2.

Всего выявлено 22 значения, которые можно считать относительно новыми – то есть развившимися у исследуемых единиц в последнее время (конец XX – начало XXI веков). При этом установление времени возникновения этих значений не являлось нашей задачей.

Среди коммуникативных значений выявлено также несколько индивидуально-авторских:

Гостеприимство

Помощь в размещении, публикации в журнале – 1.

Гостевой

Предназначенный для получения выпивки (*ирон.*) – 1.

Гостевание

Прием гостей – 2 (оба употребления у одного автора).

Гостевать

Ходить друг к другу в гости – 1.

Количество индивидуально-авторских значений в семантике исследованных единиц невелико.

Выявление частотности отдельного значения или лексемы в целом в текстах «Корпуса русского языка» при коммуникативно-семантическом анализе не обеспечивает абсолютно достоверных представлений о частотности единицы в современном языковом употреблении – те или иные лексемы или значения могли случайно не попасть в состав текстов «Корпуса», могли оказаться за пределами 300 контекстов, которые были определены как достаточные для коммуникативно-семантического анализа единиц поля. Всегда присутствует фактор случайности, связанный с выбором текстов как при составлении Корпуса, так и при проведении нашего исследования.

Так, случайным фактом представляется зафиксированная в текстах единичная частотность для русского языка лексемы *гостеприимность*, единичная частотность значения *начальник, проверяющий (адм., воен.)* слова *гость*. Ни разу не встретилось слово *гостыюшка*, всего 3 раза – *загоститься*, но при этом зафиксировано 3 примера употребления слова *гостьба*, которое практически неизвестно носителям современного русского языка – оно попало в материал из исторических текстов.

Таким образом, конкретные частотные данные, полученные на основе «Корпуса русского языка», имеют относительный характер, здесь присутствует элемент случайности, но при этом эти данные достаточно объективно показывают *относительную употребительность* разных значений в сопоставлении друг с другом в рамках семантемы, что позволяет построить полевую модель семантемы.

У лексической единицы может быть достаточно много значений, в том числе и контекстуальных, но слово, тем не менее, может выходить из упо-

ребления. Таково прилагательное *гостиный*, которое, имея 11 значений, активно используется только в составе устойчивого выражения *гостиный двор*, остальные значения малочастотны и относятся к устаревшим или устаревающим. Таким образом, прилагательное *гостиный* выходит из употребления в русском языке как самостоятельная лексическая единица.

Коммуникативно-семантическое исследование позволило описать *поле-вую организацию семантем* многозначных исследуемых единиц в современном языковом сознании.

Ядро и периферия многозначных семантем (количество значений)

Семантема многозначного слова	Ядро	Бл. пе- риф.	Дальн. пе- риф.	Кр. периф.
гость	1	2	9	5
угостить	1	2	3	—
угощение	1	—	4	2
гостеприимство	1	—	3	1
гостинец	1	—	1	4
гостиница	1	—	—	1
гостиная	1	—	3	—
гостья	1	—	9	—
гостеприимно	1	3	2	—
гостеприимный	1	—	4	2
гостиный	1	—	7	2
гостить	1	2	3	—
гостевой	2	1	1	3
угоститься	1	2	1	1
гостинчик	1	—	3	—
гостенек	1	—	1	1
гостевание	1	—	—	1
гостевать	1	—	—	1
гостьба	1	—	—	2
гостек	1	—	—	1
гостинник	1	—	—	2
гостейка	1	—	—	2
незванный гость	1	—	3	—
высокий гость	1	3	—	—
желанный гость	1	—	3	3
званный гость	1	—	2	—

Представим полученный в результате исследования материал в виде статей коммуникативно-семантического словаря русского языка.

Статьи составлены с учетом лексикографических и коммуникативных значений, с указанием частотности слов и значений, по убыванию относительной частотности значений в употреблении (цифра означает количество

зафиксированных примеров употребления лексемы в данном значении в материалах исследования), что отражает иерархию значений многозначных слов в русском языковом сознании, и с указанием значений, выделяемых словарями, но не зафиксированных в употреблении.

Гость 349

1. Посетитель, приезжий, который по-дружески навещает кого-н. по приглашению или без приглашения с целью повидаться, провести вместе некоторое время, ради застолья, проведения досуга, беседы – 169.

2. Пришедшее, приехавшее, приглашенное или допущенное присутствовать на каком-либо собрании, заседании, празднестве, мероприятии постороннее лицо среди постоянных жителей, участников, делегатов данного собрания, заседания, празднества – 65.

3. Приезжий человек, который прибыл куда-либо с определенной деловой целью, без обязательного приглашения – 51.

4. Посетитель какого-либо учреждения, организации, города, мероприятия – 15.

5. Представленное в материалах СМИ лицо, чье мнение имеет новостную важность; ньюсмейкер – 11.

6. Человек или явление, эпизодически появляющиеся где-л. на какое-л. время, через какие-л. промежутки времени (в сочетании с прил. *редкий, частый, случайный* и под.) – 10.

7. Незванный посетитель, недобрый человек, преступник – 9.

8. Предмет, поступивший из-за рубежа – 5.

9. Явление, которое появляется где-либо неожиданно – 4.

10. Посетитель ресторана, постоялец гостиницы и подобных заведений (*в речи обслуживающего персонала*) – 3.

11. Приглашенный куда-либо посторонний человек – 3.

12. Ценный, общественно значимый предмет, представляемый общественности впервые – 2.

13. *Устар.* До 16 века – крупный русский купец, торгующий с другими городами и зарубежными странами – 1.

14. Начальник, проверяющий (*администр., воен.*) – 1.

Коммуникативно нерелевантные значения:

15. *Устар.* В конце 16 - начале 18 в. член высшей привилегированной корпорации купцов, имевший от царя особую жалованную грамоту «на гостиное имя» и обязанный выполнять сложные казённые поручения (руководство крупными таможнями, казёнными предприятиями, торговля казёнными товарами и под.) – 0.

16. *Устар., истор.* Воры, грабители (особ. на Волге) – 0 .

17. *Устар.* До 16 века – иноземный купец – 0.

Угостить 344

1. С радушием предложить и дать поесть, выпить, попробовать чего-либо – 172.

2. Предложить съесть нечто вкусное, покормить вкусным – 85.
3. Предложить за свой счет выпивку, алкогольные напитки – 63.
4. Накормить, напоить кого-л. в столовой, в кафе, в ресторане и т.п., полностью оплатив все расходы – 14.
5. С радушием развлечь кого-либо, сделать, устроить что-либо приятное кому-л. – 12.
6. Сделать кому-л. что-л. неприятное (обычно неожиданно) (*разг., фам., ирон.*) – 11.

Угощение 314

1. Пища, питье, которыми угощают – 228.
2. Процесс угощения кого-либо, предложение напитков, питья и под. – 39.
3. Еда (*разг., часто ирон.*) – 26.
4. Еда или выпивка, предоставляемые в подарок, бесплатно – 13.
5. Нечто съестное, вкусное, небольшого объема или ассортимента – 6.
6. Побой, удары – 1.
7. Благодарность за оказанную услугу в форме угощения – 1.

Гостеприимство 304

1. Радущие в приглашении, приеме и безвозмездном угощении гостей, посетителей, случайных людей – 293.
2. Внимание и доброжелательное обслуживание (преимущественно в сфере сервиса) – 5.
3. Выражение человеком расположения и готовности помочь другим людям – 3.
4. Дружелюбие, доброжелательное отношение – 3.

Индивидуально-авторское значение:

5. Размещение материалов в журнале – 1.

Гостинец, чаще гостинцы 300

1. Подарок детям, близким людям, хорошим знакомым от близкого человека, чаще что-либо сладкое, вкусное, обычно привезенное откуда-либо в качестве подарка, в знак внимания (*разг. или прост.*) – 283.
2. Нечто, доставляющее неприятность, неприятную неожиданность, *ирон.* – 16.
3. Подарки жениха невесте, вручаемые вслед за помолвкой (малые гостинцы) или после оглашения сговора (большие гостинцы) (*устар.*) – 1.

Коммуникативно нерелевантные значения:

4. Обряд вручения подарков жениха невесте (*устар.*).
5. День вручения невесте подарков жениха (*устар.*).
6. Большая проезжая дорога, по которой ездят чужие, гости (*обл., устар.*).

Гостиница 300

1. Дом для временного проживания приезжающих с меблированными комнатами и обслуживанием – 299.

2. Временное помещение для размещения кошек и собак на время отъезда или путешествия их хозяев – 1.

Гостиная 301

1. Комната в квартире, богатом доме для приема гостей – 282.
2. В 19-м - начале 20-го вв. – общественное мероприятие, обычно, небольшое, организуемое организацией или частным лицом с культурной или развлекательной целью – 10.
3. Общая комната для отдыха, приема посетителей и т.п. в общежитиях, гостиницах, домах отдыха, санаториях и т.п. – 6.
4. Комплект мебели, специально, предназначенный для гостиной комнаты – 3.

Гостья 301

1. Лицо женского пола, которое по-дружески навещает кого-н. по приглашению или без приглашения с целью повидаться, провести вместе некоторое время, ради застолья, проведения досуга, беседы – 215.
2. Явление, предмет, существо, которое появляется где-либо неожиданно или на определенное время – 31.
3. Женщина, которая прибыла куда-либо по приглашению со специальной или официальной целью – 16.
4. Женщина со стороны, пришедшая к кому-либо, посещающая кого-либо, посетительница, приезжая – 13.
5. Предмет, явление иностранного, чужого происхождения, инородный – 8.
6. Неизвестная, пришелец – 6.
7. Лихоманка, лихорадка, тяжелая болезнь – 4.
8. Посетительница какого-либо учреждения, мероприятия – 3.
9. Партнер мужчины по интимным отношениям, любовница – 3.
10. Женщина, живущая в гостинице или посещающая ресторан – 2.

Коммуникативно нерелевантное значение:

11. *Устар. ласкат.* Посетительница, лицо женского пола, пришедшее в гости – 0.

Гостеприимно 228

1. Демонстрируя радушие в приглашении, приеме и безвозмездном угощении гостей, посетителей, случайных людей – 101.
2. С готовностью, предупредительно, с целью доставить удобство другим – 52.
3. Внешним поведением, манерой речи выражая дружелюбие, расположение к собеседнику – 32.
4. Доброжелательно, приветливо, вежливо (о речи) – 27.
5. Притягательно, призывно, привлекая к себе внимание и радуя – 9.
6. Удобно, эффективно – 7.

Гостеприимный 208

1. Демонстрирующий радушие в приглашении, приеме и безвозмездном угощении гостей, посетителей, случайных людей – 193.

2. Предоставляющий все возможные услуги, возможности – 6.

3. Внешним поведением выражающий дружелюбие, расположение – 4.

4. Доброжелательно, приветливо, вежливо (о речи) – 2.

5. Радующий глаз, доставляющий удовольствие – 2.

6. С готовностью, предупредительно, с целью доставить удобство другим – 1.

7. Притягательный, призывный, привлекающий к себе внимание – 1.

Гостиный 174

1. *Соврем.* Название торгового центра, крупного магазина, или другого учреждения (рынок, выставочный центр, кафе, банк и под.), обслуживающего большое количество покупателей или клиентов – 135.

2. *Устар.* Предназначенный для торговли, торговый – 9.

3. *Устар.* Соотносящийся по значению с купцом, обычно иностранным, связанный с ним. гостиная сотня, гостиный сын – 6.

4. Относящийся к гостиной, предназначенный для гостиной (комнаты приемов) – 5.

5. Предназначенный для приезжих, постояльцев – 5.

6. Парадное, нарядное (о платье, одежде) – 5.

7. Связанный с приемом гостей – 4.

8. *Устар.* Свойственный купцам, характерный для них, купеческий – 4.

9. Свойственный гостю, характерный для него – 1.

10. Относящийся к чужеземцам, приезжий – 1.

Коммуникативно нерелевантное значение:

11. Относящийся к гостю.

Гостить 169

1. Посещать кого-либо, проживая в его доме продолжительное время – 98.

2. Временно находиться в каком-либо месте с определенной целью – 21.

3. Навестить, кратко провести кого-либо, пребывая непродолжительное время в его доме (*разг.*) – 9.

4. Ненадолго приезжать куда-либо с какой-либо, обычно ознакомительной целью – 4.

5. Находиться на чужой территории, территории соперника (*спорт., воен., разг.*) – 3.

Коммуникативно нерелевантное значение:

6. *Устар.* Угощать, потчевать. *Гостить* кого-либо.

Гостевой 117

1. Предназначенный для гостей, посещающих чей-либо дом, квартиру – 47.

2. Предназначенный для посторонних лиц, приглашенных или допущенных присутствовать на каком-либо собрании, заседании, празднестве среди

постоянных жителей, участников, делегатов данного собрания, заседания, праздника – 40.

3. Предназначенный для записей гостей или посетителей сайта – 25.

4. Удостоверяющий проживание лица в гостинице – 2.

5. Присущий команде, выступающей на чужом поле, в гостях (*спорт.*) – 1.

6. Предназначенный для хождения в гости (*устар.*) – 1.

Индивидуально-авторское значение:

7. Предназначенный для получения выпивки (*ирон.*) – 1.

Угоститься 28

1. Выпить алкоголя – 12.

2. Попробовать что-либо вкусное, особенное – 7.

3. Поесть или попить (*разг., ирон.*) – 6.

4. Поесть, попить того, чем угощают, в свое удовольствие – 2.

5. Поесть, попить за чужой счет – 1.

Гостинчик 27

1. Подарок детям, близким людям, хорошим знакомым от близкого человека, чаще что-либо сладкое, вкусное, съедобное или несъедобное, обычно привезенное откуда-либо в качестве подарка, в знак внимания (*уменьш.-ласк., разг., устаревающее*) – 19.

2. Дружеское денежное пожертвование близкому человеку (*разг.*) – 3.

3. Неожиданное неприятное событие, явление (*ирон.*) – 3.

4. Неожиданное приятное событие, явление (*шутл.*) – 2.

Гостенек 27

1. Посетитель, приезжий, который по-дружески навещает кого-н. по приглашению или без приглашения с целью повидаться, провести вместе некоторое время, ради застолья, проведения досуга, беседы (*разг., ласк. или пренебр.*) – 25.

2. Посетитель (*неодобр., ирон. пренебр.*) – 2.

Коммуникативно нерелевантное значение:

3. Посетитель ресторана, постоялец гостиницы и подобных заведений (в речи обслуживающего персонала) (*разг., пренебр., устар.*) – 0.

Гостевание 12

1. Пребывание в гостях – 10.

Индивидуально-авторское значение (у одного автора):

2. Прием гостей – 2.

Гостевать 11

1. Жить у кого-нибудь некоторое время в качестве гостя (*обл., нар.-разг., простор.*) – 10.

2. Ходить друг к другу в гости (*разг.*) – 1.

Гостьюшка 4

1. Посетительница женского пола, зашедшая в гости.

Гостьба 3

1. Пирушка, вечеринка, гулянка (*устар.*) – 3.

Коммуникативно нерелевантные значения:

2. Пребывание в гостях (*устар.*) – 0.

3. Разъезды по другим странам с целью торговли, продажи товаров (*устар.*) – 0.

Загоститься 3

1. Задержаться в гостях дольше запланированного или положенного времени.

Гащивать 2

1. Многократно гостить, приходить в гости к кому-либо (*разг., устар.*).

Значение в контекстах встретилось всего 2 раза в текстах конца 19-го века одного автора – Д.Д. Благово. Значение устарело.

Гостёк 2

1. Посетитель, приезжий, который по-дружески навещает кого-н. по приглашению или без приглашения с целью повидаться, провести вместе некоторое время, ради застолья, проведения досуга, беседы (*разг., ласк.*).

Зафиксировано в данном значении в двух контекстах середины 19-го века.

Коммуникативно нерелевантное значение:

2. Посетитель ресторана, постоялец гостиницы и подобных заведений (в речи обслуживающего персонала) (*разг., пренебр., устар.*).

Гостин(н)ик 2

1. Монах, в обязанности которого входит угощение посетителей и гостей в монастыре (*устар.*).

Оба случая употребления зафиксированы в прозе П.И. Мельникова-Печерского, 19-ый век.

Коммуникативно нерелевантные значения:

2. Хозяин, владелец гостиницы (*устар.*) – 0.

3. Сборщик податей с ввозимых товаров (*устар.*) – 0.

Угощатель 2

1. Лицо, которое угощает кого-либо выпивкой.

Оба употребления в текстах 19-го века. Слово устарело.

Гостейник 1

1. Прихлебатель, любитель чужих пиров, обедов.

Слово *гостейник* в контекстах Корпуса встретилось 1 раз в тексте 19-го века П.И. Мельникова-Печерского в значении ‘прихлебатель, любитель чужих пиров, обедов’.

Коммуникативно нерелевантные значения:

2. Человек, проживающий в чужом доме в качестве гостя.

3. Родственник или близкий человек, пришедший на побывку.

Гостеприимец 1

1. Человек, охотно приглашающий, принимающий и угощающий гостей, посетителей, случайных людей.

Слово используется 1 раз в ироническом смысле – сема *ироническое* наведена контекстом. Слово неупотребительно в современном языке.

Гостеприимность 1

1. Проявление радушия в приеме, угощении гостей как черта характера, поведения человека.

Слово неупотребительно в современном русском языке.

Угостительный 1

1. Человек, который любит угощать, охотно угощает людей.

Единичное употребление (Н.В. Гоголь. Мертвые души).

Значение устаревшее, неупотребительно в современном русском языке.

Угоститель 1

1. Человек, который угощает кого-либо, потчует чем-то.

Единичное употребление (Н.И. Греч. Записки о моей жизни).

Слово неупотребительно, вышло из употребления.

Устойчивые словосочетания

Незванный гость – 54

1. Гость, который явился без приглашения – 34.

2. Нежеланная личность, лицо, предмет, явление, животное – 7.

3. Явление, человек, появляющееся или проявляющееся внезапно, неожиданно – 6.

4. Вор, грабитель, преступник, враг, лицо, вторгающееся в чужие владения (чаще *ирон.*) – 6.

Высокий гость – 36

1. Высшее должностное лицо государства, руководитель страны – 15.

2. Социально высокопоставленное лицо, посещающее какое-либо мероприятие, учреждение, дом и требующее особого привилегированного отношения в силу своего статуса – 8.

3. Уважаемый, важный человек, посещающий какое-либо мероприятие, учреждение, дом – 7.

4. Представитель вышестоящей организации, выполняющий контрольные или представительские функции – 6.

Желанный гость – 25

1. Гость, которого всегда ждут и охотно принимают – 14.

2. Лицо, которого хотят видеть на каком-либо официальном мероприятии, в учреждении – 4.

3. Нужный человек – 2.

4. Человек, близкий по духу кому-либо, вызывающий безоговорочное духовное расположение – 2.

5. Явление, образ, воспринимаемый сознанием человека – 1.

6. Предмет, который люди хотят регулярно видеть, пользоваться им – 1.

7. Человек или явление, эпизодически появляющиеся где-л. на какое-л. время, через какие-л. промежутки времени (в сочетании с прил. *редкий, частый, случайный* и под.) – 1.

Званный гость – 9

1. Посетитель, приезжий, который по-дружески навещает кого-н. по приглашению с целью повидаться, провести вместе некоторое время, ради застолья, проведения досуга, беседы – 7.

2. Пришедшее, приехавшее, приглашенное или допущенное присутствовать на каком-либо собрании, заседании, празднестве постороннее лицо среди постоянных жителей, участников, делегатов данного собрания, заседания, празднества – 2.

Коммуникативно-семантический словарь в отличие от обычных толковых словарей позволяет представить коммуникативно релевантные и коммуникативно нерелевантные значения слов, в том числе индивидуально-авторские и групповые, и ранжировать значения по их относительной употребительности в современном языке. Значения слов в таком словаре представлены как наборы сем, реально актуализируемых в текстах.

Талл Уссейну. Семантика и употребление единиц семантического поля *гость* в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011. – 220 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

И.Н. Анисимова
Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова

Особенности семантики относительных прилагательных в пейзажных описаниях русской литературы XX века

Исследование выполнено в рамках госконтракта № 16.740.11.0291 «Лингвистический анализ пейзажных описаний» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

Относительные имена прилагательные, связанные с семантикой *природа*, как правило, несут денотатное, идентифицирующее значение (*еловый лес, предвечерний час, берёзовая опушка*). Пейзажные описания в текстах русской художественной литературы XX века, послужившие материалом для данного исследования, демонстрируют широкое употребление относительных имён прилагательных. В основном такие лексемы представляют собой производные образования от субстантивов, обозначающих разнообразные временные промежутки типа *апрельские (дни), весенние (птицы), летняя (ночь), ленинградское (небо), мартовское (солнце), ночной (ветер), осенняя (тишина)*. Данные лексические единицы ориентируют пейзажные зарисовки относительно времени года или времени суток с характерными для них погодой и уровнем освещения, обусловленными климатическими особенностями средней полосы России.

Как известно, семантическая граница между относительными и качественными прилагательными является в значительной степени условной и подвижной. Относительные прилагательные способны развивать в себе качественные значения, при этом значение предметного отношения перерастает в обусловленный этим отношением качественный признак. Именно такие случаи, имеющие место в составе пейзажного описания, представляют наибольший интерес для исследования. Часто в их использовании проявляются знания о достижениях научно-технического прогресса:

*И нельзя уже различить, что это – пыльная ли **алюминиевая** седина ковыля проросла на скучной, несмелой голубизне степного неба или стала отсвечивать голубизной степь, и уж не отделишь неба от земли, смешались они в молочной пыли* (В.С. Гроссман. Жизнь и судьба).

*... **алюминиевая** тьма ночи* (Ч.Т. Айтматов. Плаха).

*Опрятная пустоватая комната смотрела на солнечную сторону; через настежь раскрытое окно вся она была залита резким, почти **кварцевым** сияньем неба* (Л.М. Леонов. Русский лес).

*При первых же заморозках, отковавших **железную** корку на земле и звонкий лёд на озерах, появился широкий путаный нарыск зверьков по тундре* (В.П. Астафьев. Царь-рыба).

*...огромное, **чугунное**, тяжелое солнце* (В.С. Гроссман. Жизнь и судьба).

*Оттуда, с севера, с полуночных мест наплывает, полнясь в пути **чугунной** тяжестью, долгая ночь* (В.П. Астафьев. Царь-рыба).

*А летней ночью в степи видишь, как **галактический** небоскреб высится весь, – от голубых и белых звездных глыб фундамента до уходящих под мировую крышу дымных туманностей и легких куполов шарообразных звездных скоплений...* (В.С. Гроссман. Жизнь и судьба).

*Ветвистый лиловый зигзаг молнии прорезал небо наискосок, упал где-то рядом, и холодный **металлический** свет проблеснул на тысячах мокрых листьев* (Д.А. Гранин. Иду на грозу).

Приведённые примеры свидетельствуют об определённой тенденции относительных прилагательных, обозначающих металл, из которого сделан характеризуемый предмет, контекстно приобретать переносное качественное значение, связанное со свойствами металла (например, тяжесть, твёрдость) или его внешним видом (например, специфический блеск). Последнее особенно важно для пейзажного описания художественного текста, в большей степени ориентированного на зрительное восприятие объектов природного мира: *...чудилось в таежном **золотом** увядании мощноедыхание какого-то огромного, вечно живого тела* (А.А. Фадеев. Разгром).

Как правило, имеет место метафорический перенос, однако встречаются также случаи семантической трансформации, основанной на метонимии: *Эшелоны разгружались на вновь построенной железной дороге, прямо в степи. Едва рассветало, шумевшие ночью **железные** реки замирали...* (В.С. Гроссман. Жизнь и судьба). Аудиальное впечатление в данном примере художественно воссоздано посредством переноса качества предметов по материалу, из которого они сделаны, на обозначение звука, издаваемого этими предметами.

Итак, относительные имена прилагательные, представленные в литературно-художественном пейзаже XX века, имеют некоторые семантические особенности, связанные с их переосмысленным употреблением.

И.А. Барабушка
Воронежский государственный университет

Город как агент в русской художественной литературе конца XX – начала XXI вв.

Город являлся и является объектом изучения многих научных дисциплин, так как в нем сосредоточены все сферы жизнедеятельности человека: в нем человек живет, работает, развивается как личность. Однако город превосходит человека и по пространственным, и по временным характеристикам, а, следовательно, жители города в большей мере испытывают на себе воздействие, чем способны преобразовать его, человек в большей степени «получает» город, чем «создает» его (Горнова 2006).

В рамках исследования тематической группы «урбанистические реалии» были рассмотрены 2500 примеров, взятых из Национального корпуса русского языка, в которых говорится о городе. Приводимые ниже данные представляют собой результат анализа случаев, в которых лексема «город» выступает в качестве агенса, т.е. источника глагольного действия, субъекта.

Анализ контекстов показал, что люди «городу» не особо нужны. Он самодостаточен и может вас не принять, не допустить к себе и в себя, но может вам и открыться, а может просто использовать вас в своих целях:

Москва его не приняла, а свой город выталкивал (Г. Щербакова. Ангел Мертвого озера // «Новый Мир», 2002);

В своем упорном стремлении к одиночеству город беспощадно выдавливал лишнюю биомассу (Е. Прошкин. Механика вечности (2001));

Вот и снимает город по-хозяйски вольготно дивиденды и сливки с прославивших его имен (М. Гамбурд. Рассказы // «Звезда», 2002);

А уходит самой... только не сейчас, жизнь пока дает свободу ярким цветам, новый город, похожий на неизвестную сказку Андерсена, открывает свои потайные щели (Д. Симонова. Легкие крылышки (2002)).

Иногда «город» выступает в роли некой **машины, грохочущего конвейера, штампующего людей, как товары:**

Небо нависает такое синее, такое пронзительное, что город даже в час пик грохочет почти беззвучно (Г. Прашкевич, А. Богдан. Человек «Ч» (2001));

Больших оригиналов порой производят такие города (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)).

Во многих контекстах можно проследить связь «города» с водой:

1) город как море/вода/то, что течет:

А город – он обязательно найдет щелку, просачивается тоненькими струйками внутрь, под видом приятных мелочей, блесток, стекляшек, маленьких зеркал – вторгается в Инку и наносит ее экологии ущерб (Инка (2004));

2) город – корабль:

Кисейные лапы метели празднично рукоплескали ветру, в ртутном свете фонарей всё двигалось и дышало. Кренясь, город погружался в долгий снегопад... (А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001);

Центр города тонул в неверном свете фонарей (М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все (2001)).

Наряду с этим «городу» приписывают действия, поступки и поведение, присущие живому существу, как то:

– насекомое:

Ни души больше на улице, весь город увяз в сладком клею сна, утон, ушел на дно, не слышит этой ястребицы, не знает про муки ее детеныша (Т. Набатникова. День рождения кошки (2001));

– **животное**, которое может быть как пассивным, так и активным, готовым ко всему хищником, с которым шутки плохи:

А певцы и поэты творили, а императоры воевали, а юристы кодифицировали, а философы подводили подо всё базу – город же прижalsя к земле и ждал, ждал, ждал, чем же всё это кончится! (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978));

Этот город, над которым были подняты ангелы, похожие на распятия, сожрал меня (А. Ефремов. Любовь и доблесть Иоахима Тишбейна // «Октябрь», 2002);

– человек.

Рассматривая разного рода проявления, приписываемые человеку, мы можем выделить в рамках данной категории несколько групп:

1. Физиологические процессы:

а) дыхание:

Но сейчас, спустя много лет, город дышит покоем (Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем (2002));

б) сон:

Проспект постепенно наполнялся движением. Город мучительно пробуждался. Впереди замаячил вход в метро (Е. Прошкин. Механика вечности (2001));

Зябким утром, когда город лениво скидывает ночную негу, а от заиндевевшего асфальта поднимается морозный пар, я иду по пустынным улицам и переулкам к дому Юнеевых (В. Синицына. Муза и генерал (2002));

в) жизнь, существование:

Толик и Город жили своей тайной совместной жизнью (Д. Симонова. Шанкр (2002));

г) физическое страдание:

День постепенно клонился к вечеру; раскаленный, насыщенный выхлопными газами и ядовитыми испарениями горячего асфальта город изнемогал от невыносимой жары (В. Валеева. Скорая помощь (2002));

д) смерть:

Это было первое проявление экстраординарной чеченской энергии. Умирают города, республики и государства. Умирают пляжи, – думал я, нетвердо выбираясь на берег (Э. Лимонов. Книга воды (2002));

Как выяснилось, Иван Иванович – бывший заводчанин, сам, кстати, кандидат технических наук, он прекрасно понимает: город гибнет от промышленного насилия (Р. Солнцев. Полураспад. (2000-2002) // «Октябрь», 2002).

2. Действия/состояния:

а) физические:

Налево под холмом, прочерченный обычной сеткой дождя, блудливо подмигивал огнями бессонный город (М. Бонч-Осмоловская. День из жизни старика на Бёркендейл, 42 // «Звезда», 2002);

Город провожал их дождем и сонливостью, по станции шлепал пес кудлатой породы, прозванный Марли за обилие свисавших чумазых колтунов (Д. Симонова. Курбан (2002));

б) эмоционально-интеллектуальные:

Небоскрежный город впал бы в депрессию, и спустя, как знать, десятилетие или век родилась бы новая Истина (К. Сурикова. Толю из Жуковки знаешь? (2003));

Город охотно ей поддается – мирная сельская ленца, в окно я вижу листву на деревьях, она обманчиво зелена (Л. Зорин. Юпитер (2001) // «Знамя», 2002);

Город сбивает с толку, нарушает бдительность ароматом кофе, запахом карамели, что ползет над Москвой-рекой и мостами, заораживает сочным цветом новеньких домов-парусников, фейерверком иллюминации, негой и покоем темных таинственных ресторанчиков, обольстительными кивками витрин (Инка (2004)).

Таким образом, в сознании современного человека город выходит за рамки совокупности архитектуры и инфраструктуры. Город наделен душой, интеллектом, сознанием; он не просто существует – он действует, и результаты подобного воздействия человек постоянно ощущает на себе.

Горнова Г.В. Переживание города // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». – 2006 // www.omsk.edu.

Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru.

Е.А. Захарова
*Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова*

**Семантико-стилистическая трансформация
устойчивых сочетаний как средство создания
художественного образа в поэзии Р. Рождественского**

Предметом рассмотрения в данной статье являются особенности использования устойчивых оборотов в качестве языкового средства создания выразительного художественного образа в произведениях необыкновенно талантливого поэта второй половины XX века Р. Рождественского. Индивидуально-авторские преобразования в художественной речи рассматривались в работах разных исследователей (А.И. Молоткова, Л.Г. Бабенко, В.Н. Телии, В.М. Мокиенко и мн. др.). В данной работе анализ поэтических текстов выявляет характерные приемы работы поэта с семантикой слова и производится с точки зрения авторской манеры семантико-стилистической трансформации такой группы лексикализованных сочетаний, в которую мы включаем различного рода клише, штампы и шаблонные фразы, т.е. выражения с минимальной степенью фразеологизации.

Выбор поэтического творчества Р. Рождественского в качестве исследуемого материала обусловлен как знаковостью творчества этого поэта для русской литературы и культуры второй половины XX века, так и безусловным талантом и малоизученностью данной сферы его творчества. Это позволяет рассматривать многие из поэтических находок автора не только в окказиональном ключе, но и как актуализацию семантических возможностей пополнения языковых ресурсов современного русского языка. Изучение данного аспекта языка поэта позволяет нам выделить следующие характерные для его стиля приемы трансформации лексикализованных сочетаний.

1. «Мерцание» буквального и фразеологического значения выражения.

Подобный тип реализации семантики слов и выражений необычайно характерен для поэзии Р. Рождественского и составляет характерную особенность его поэтического мышления. Как правило, одновременная демонстрация имеющегося в языке значения выражения и контекстуальное обновление ассоциативных связей, приводящее к появлению новообразования окказионального характера, позволяет поэту под новым углом посмотреть на привычный языковой образ и создать яркий, запоминающийся, динамичный стиховой ритм.

В качестве примера рассмотрим характеризующее все поэтическое мироощущение Р. Рождественского стихотворение «Человек» (Рождественский 1985, т. 1, с. 29). Одноименный художественный образ создается мно-

гократным эхоподобным преломлением выражения *держат себя в рамках*. Узуальное значение данного словосочетания – ‘находиться в неких границах, в пределах чего-либо’, что обычно понимается как моральные ограничения в поведении человека. Через расширение понятия *рамки*, окказионально включающего в свой объем религию («*Пугали богами*»), законы природы («*И в небо глядел. И шел по земле*»), общественные предписания («*А он отвечал дерзко*»), внутренние комплексы человека («*А он презирал страхи*»), поэт в финале создает яркий образ всемогущества Человека, способного преодолеть даже смерть. Такой эффект становится возможным благодаря авторскому переосмыслению свободного сочетания *траурная рамка*, приобретающего семантику смерти.

2. Детерминологизация словосочетаний.

Поэтическая манера Р. Рождественского имеет ряд особенностей, несущих печать его времени. Одной из них является вера поэта в безграничные возможности человека и науки в познании окружающего мира. Вместе с увлечением жизнью во всех ее ежедневных человеческих проявлениях данное качество находит свое отражение в ярком использовании и авторской семантизации различных терминологических словосочетаний. Наиболее заметную группу здесь составляют выражения из сферы точных наук (*радиус действия, гудят биотоки* и т.д.) и общественной жизни (*зал ожидания, писать письмо, круги почета*). В поэтическом творчестве Р. Рождественского данный процесс обычно сопровождается расширением сочетаемостных возможностей всего выражения или его компонентов, в силу чего приобретаются дополнительные коннотативные свойства.

В стихотворении «Радиус действия» (Рождественский 1985, т. 1, с. 50-51) выражение, вынесенное в заглавие, имеет технические характеристики, обозначая ‘область распространения чего-либо’. Однако поэт полностью переводит данное выражение в сферу духовного существования человека, создавая богатую палитру окказиональных значений: *привычка* («*радиус действия обыденной любви*») → *память* («*Слова ее, глаза ее во мне звучали эхом*») → *чувства* («*Есть радиусы действия у гнева и у дерзости*») → *моральные качества* («*Есть радиусы действия у правды и у лжи... у подлости и злобы*») → *истина* («*Есть радиусы действия единственного слова*») → *женщина* («*...судьбой приговоренная жить в радиусе действия сердца моего*»)

В стихотворении «Шум в сердце» (Рождественский 1985, т. 3, с. 68), посвященном памяти о Великой Отечественной войне, автор семантически трансформирует медицинский термин *шумы в сердце*, наполняя его новым содержанием. Использование лексемы *шум* в собирательном значении создает цепочку интересных энантиосемичных окказиональных реализаций данного выражения со значениями: ‘стон больных’ («*госпитальный стон*») с его очевидно эмоционально негативной окраской и ‘шум толпы’, коннотативно принявшей на себя сему радости («*Хмельной. Встающей на дыбы.*

За мертвых и живых пьяны, – солдаты ехали с войны. Солдаты победили смерть!..»). Последняя семантическая трансформация объединяет все значения и нейтрализует негативный фон медицинского диагноза во фразе: «*А где же им еще шуметь?*»

3. Изменение стилистической окраски.

Наиболее характерными для творчества поэта являются изменения в стилистической маркированности устойчивых выражений, происходящих по пути нейтрализации разговорного компонента добавочного значения. Как правило, это происходит одновременно с индивидуально-авторским переосмыслением семантики одного или нескольких элементов сочетания.

Данный тип семантического развития устойчивого выражения хорошо иллюстрирует стихотворение «Вслушайтесь! Вглядитесь!» (Рождественский 1985, т. 1, с. 20-21). В качестве структурообразующего элемента здесь выступает выражение *убить время*, которое проходит сразу несколько ступеней авторской семантизации значения. Последовательная реализация прямого, буквального значения лексемы *убить* – ‘лишить жизни’ («*Убивают время! После – моют руки. Чтоб не оставалось крови на них...*», «*Убивают прямо перед окнами милиции!*») и переносного разговорного ‘потратить зря’, ‘заполнить случайным занятием’ («*Погоду ругают*», «*На площадках лестничных толкуются вдвоем*»), постепенно создает необходимый контекст для трансформации второго компонента выражения – лексемы *время*, которая также сначала сужается в своем значении до *вечера* как ‘некоторой части суток’ («*Зазывают в гости... вечерок... убьем*»), а потом расширяется до индивидуально-авторского обозначения всей ‘человеческой жизни’ («*Убивают собственное время*», «*И никто – ни разу! – не вручает похоронных*»). Таким образом, трансформация данного выражения охватывает не только сферу стилистического применения (происходит нейтрализация разговорной окраски), но и создает яркий и многогранный образ времени, имеющий в творчестве поэта концептуальное значение.

4. Контаминация устойчивых выражений.

Яркий прием авторского изменения общеязыковых моделей устойчивых выражений мы можем наблюдать в стихотворении «Да осенит вас Южный Крест...» (Рождественский 1985, т. 1, с. 294-295). В его основе лежит языковая игра – переключка двух устойчивых сочетаний: *осенить крестом* – ‘перекрестить, делать молитвенный жест в виде креста’ и *Южный Крест* – ‘название созвездия в южном полушарии земного шара, напоминающее формой крест’. Заменяя лексему *крест* названием созвездия, автор не только нейтрализует стилистическую маркированность глагола *осенить* (уст., высок.), но и обыгрывает возникновение окказиональных семантических образований. Примечательно, что оценочная характеристика глагольного сочетания при этом переживает все уровни трансформации, проходя путь от нейтральной оценки ‘сохранить’ («*Ветра, пропахшие корридами*», «*И суматохи карнавальные*», «*И стадион как будто храм*») к положитель-

ной 'благословить' («*И птицы – крохотнее бабочек*», «*И бабочки с размахом птиц*», «*Крадущиеся по горам закаты жирные, кровавые*»); от отрицательной 'сжалиться' («*хибарки посредине мусора*») к положительной 'уберечь' («*неумиряющие деспоты*», «*узники с глазами детскими*», «*народы, будто праздник, добрые*», «*нашедшие слова, которые покорности – наперерез!*»). Таким образом, рефрен «Да осенит вас Южный Крест...», звучащий на протяжении всего стихотворения, наполняется разными смыслами по мере возникновения образов природного, культурного, городского, ментального, исторического аспекта жизни Южной Америки и превращается в лейтмотив, пронизывающий все стихотворение.

5. Изменение семантического объема выражения.

Яркий пример окказионального переосмысления выражения, способствующего сужению семантического объема и возникновению эмоционально-оценочной энантиосемии, мы можем наблюдать в стихотворении «Интересуешься искусством?» (Рождественский 1985, т. 1, с. 27-28).

Ключевое выражение, вынесенное в заглавие, становится предметом языковой игры, притом развитие семантики происходит через изменение всех компонентов. Значение глагола *интересоваться* тесно связано с 'проявлением внимания с целью понять, узнать, вникнуть в суть' и характеризуется устойчивой сочетаемостью с рядом слов абстрактной семантики («*Интересуешься искусством?*»). Однако в стихотворении авторская ирония, временами переходящая в подлинный сарказм, существенно меняет восприятие данного слова благодаря окказиональной наполненности семантики второго компонента выражения – *искусство* («*Интересуешься искусством? Возвышенным, дразнящим, вкусным?.. Разнообразным, а не куцым?..*», «*Прозаик подал на развод*», «*А тот живет с кордебалетом...*»). Эффект постоянного перебивания узувального значения лексемы ('творческое отражение действительности в художественных образах') и индивидуального переосмысления слова ('частная жизнь людей искусства, скандалы и слухи о жизни богемы') ощутимо усиливает конфликт и противопоставляет словосочетания не только по семантике, но и по эмоционально-оценочной коннотации выражений: положительной – 'испытывать духовный интерес к чему-либо' и отрицательной – 'смаковать чужие проблемы'. Вершиной такого переосмысления становится трансформация лексемы *искусствовед*, контекстуальная коннотация которой создает окказиональную словоформу с резко негативной эмоциональной окраской и семантикой, близкой к значению 'сплетник'.

6. Создание устойчивых сочетаний по аналогии.

В создании запоминающегося, яркого художественного образа большое значение имеет каждая деталь, и Р. Рождественский является истинным мастером создания таких неожиданных эффектов. В стихотворении «Вновь нахлынул северный ветер» (Рождественский 2008, с. 352-354) он демонстрирует удивительно тонкое понимание внутренней связи между

двумя любящими людьми, семантически варьируя значение лексемы *кровь*. Образуемый сложный комплекс языкового ('жидкая ткань, образующая кровеносную систему организма и обеспечивающая питание и обмен веществ всех клеток') и индивидуально-авторских значений данного слова ('необходимая составляющая человеческого существования' → 'внешнее воплощение нарушенной гармонии бытия' → 'духовная энергия, жизнелюбие' → 'способ мировосприятия') достигает в конце стихотворения эмоционально-выразительного пика в концептуальном для поэта понимании *крови* как сосредоточии и носителя *боли* – физического и душевного опыта познания мира. И актуализация данного значения происходит в созданных по образцам общеязыковых моделей оборотах *наука любви* → *наука донорства* и *группа крови* → *группа боли*.

Подобный прием, так же сопровождаемый авторской мотивировкой новообразования, мы можем наблюдать в целом ряде стихотворений – о настоящей женщине: *дни рождения* → *года рождения* («*Есть только дни рождения у женщин. Годов рождения у женщин нет*»), о подлинном призвании человека: *круги почета* → *круги забвенья* и т.д.

Таким образом, семантико-стилистическая трансформация устойчивых выражений является важным средством создания художественной выразительности поэтических произведений Р. Рождественского и выполняет несколько значимых функций: обеспечивает художественную выразительность образа, становясь ключевым структурообразующим элементом всего стихотворения, выражает авторскую оценку описываемых явлений, создает эффектные характеристики, подчеркивает детали и тонкую нюансировку авторской мысли.

Разнообразие приемов и преимущественно окказионально-авторское осмысление таких выражений говорит как о яркости и своеобразии поэтического мироощущения его личности, так и об актуальности его творческого подхода к языковым ресурсам.

Рождественский Р.И. Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Худож. лит., 1985.

Рождественский Р.И. Стихотворения. – М.: Эксмо, 2008. – 480 с.

Т.Н. Куренкова
*Сибирский государственный аэрокосмический университет
им. академика М.Ф. Решетнёва*

**Презентация ЛСП «Одежда»
в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова
«Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»**

Современная лингвистика предоставляет в распоряжение исследователя разнообразные методы и приемы системно-структурного анализа семантики языка. Среди них в работы лингвистов разных стран прочно вошел термин «поле» (Feld, field, champ). Любое языковое поле – это инвентарь элементов, связанных между собой структурными отношениями, элементы поля имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию. Поле может объединять однородные и разнородные элементы, в структуре поля выделяются микрополя. Поле состоит из ядерных и периферийных конstituентов. Ядро консолидируется вокруг компонента – доминанты, ядерные конstituенты наиболее специализированы для выполнения функций поля, систематически используются, наиболее частотны и обязательны для поля, выполняют функцию поля наиболее однозначно. Часть функций приходится на ядро поля, часть – на периферию, граница между ядром и периферией не четкая, следовательно, конstituенты поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого и наоборот. Разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов.

Представляется, что в понятии поля удалось найти такую величину, которая позволяет с большой степенью адекватности описать микроструктурные взаимодействия слов, происходящих на уровне семантики в разных аспектах языковой системы.

Многие произведения художественной литературы, несомненно, потеряли бы большую часть своего своеобразия, очарования и колорита, если бы из их текстов были бы изъяты, казалось бы, не столь уж важные предложения, связанные с темой «Одежда». Более того, они просто необходимы для передачи особенностей, нравов и обычаев той или иной эпохи и культуры. По тому, как человек одет, мы можем судить о его социальном статусе и культурном уровне. У каждого народа своя языковая картина мира. Особое внимание в произведениях авторов разных стран и эпох привлекает описание одежды, нарядов, украшений, без этого невозможно описание любого персонажа, а тем более главных героев. И это объяснимо, ведь тема одежды в той или иной степени волнует каждого человека в его повседневной жизни и, значит, является актуальной на любом историческом этапе развития общества. Более того, одежда, наряды, обувь, аксессу-

ары изменяются с течением времени, иногда очень существенно. Читая произведения позапрошлого или прошлого века, встречаешься со словами, значение которых уже не понятно большинству наших современников. А значит, исследование слов с семантикой одежды полезно как с исторической, культурной, так и филологической точки зрения.

Рассмотрим произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Исследование проводилось на фактическом языковом материале, полученном в результате сплошной выборки из произведений И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок».

Объем исследованных текстов составляет 171033 слова. В ходе исследования было обнаружено 808 лексических единиц, которые могут быть отнесены к лексемам с семантикой одежды, что составляет 0,47% от всех слов данных произведений. После исключения повторов проанализировано 235 лексических единиц, составляющих ЛСП «Одежда». В процентном отношении они составляют 0,14% от всех слов.

В построенном и проанализированном ЛСП «Одежда» было выделено 9 микрополей: «Головные уборы», «Обобщающие названия одежды», «Одежда для верхней части тела», «Одежда для нижней части тела», «Одежда для верхней и нижней частей тела», «Обувь», «Верхняя одежда», «Части одежды», «Аксессуары», которое, в свою очередь, распадается на два подполя с ядрами «Драгоценности» и «Другие виды аксессуаров». Рассмотрим количественный состав микрополей более подробно. Так, микрополе «Головные уборы» содержит после исключения повторов 34 лексические единицы, что составляет 14,47% лексем ЛСП «Одежда» в исследуемых произведениях. Микрополе «Обобщающие названия одежды» (19 лексем, 8,09%), «Одежда для верхней части тела» (36 лексем, 15,32%), «Одежда для нижней части тела» (31 лексема, 13,19%), «Одежда для верхней и нижней частей тела» (23 лексемы, 9,79%), «Обувь» (27 лексем, 11,5%), «Верхняя одежда» (11 лексем, 4,68%), «Части одежды» (9 лексем, 3,83%), «Аксессуары» (45 лексем, 19,15%): подполе «Драгоценности» (32 лексемы, 13,61% от всех лексем ЛСП «Одежда» и 71,11% от лексем микрополя «Аксессуары»), подполе «Другие виды аксессуаров» (13 лексем, 5,53% от всех лексем ЛСП «Одежда» и 28,89% от лексем микрополя «Аксессуары»).

Как видно из вышеприведенных данных, после исключения повторов в ЛСП «Одежда» самым крупным микрополем является микрополе «Аксессуары». На втором месте по объему находится микрополе «Одежда для верхней части тела». Третье место занимает микрополе «Головные уборы». Самым небольшим по объему микрополем является микрополе «Части одежды».

Таким образом, нельзя сказать, что представленные микрополя ЛСП «Одежда» значительно отличаются по объему. За исключением самых

крупных и мелких микрополей, остальные микрополя занимают около 10% всего ЛСП.

Исследуем одно из микрополей с целью выделения дифференциальных признаков.

Микрополе «Головные уборы» состоит из 34 лексем, что составляет примерно 14,47% от общего числа лексем лексико-семантического поля «Одежда». Данное микрополе является третьим по величине в ЛСП после исключения повторов. Лексические единицы микрополя «Головные уборы» могут быть дифференцированы на основе следующих признаков:

1) 'материал изготовления': а) ткань (*чепец*); б) кожа (*замшевая кепка с кожаным козырьком*); в) солома (*канотье*); г) металл (*каска*); д) мех (*напаха*). Например: *Действительно, в некотором отдалении от концессионеров стоял молочно-голубой от страха Кислярский в чесучовом костюме и канотье* (ДС 378);

2) 'происхождение и ношение': а) на Западе (*цилиндр*); б) на Востоке (*чалма*). Например: *Грязная, захватанная руками чалма появилась вслед за афишей* (ЗТ 39);

3) 'наличие козырька': а) с козырьком (*утиный картуз*); б) без козырька (*тюрбан*). Например: *Отец Федор заявил, что этим же вечером должен выехать по делу, и потребовал, чтобы Катерина Александровна сбегала к брату-булочнику и взяла у него на неделю пальто с барашковым воротником и коричневый утиный картуз* (ДС 38);

4) 'количество материала для изготовления': а) большое количество (*тюрбан*); среднее количество (*шляпа*); малое количество (*кепка*). Например: *По фуникулерам подымались в город мордатые иностранцы, шахматные леди, австралийские поклонники индийской защиты, индусы в белых тюрбанах, приверженцы испанской партии, немцы, французы, новозеландцы, жители бассейна реки Амазонки и завидующие васюкинцам – москвичи, ленинградцы, киевляне, сибиряки и одесситы* (ДС 323);

5) 'предназначение': а) защищать от холода (*зимний шлем*); б) защищать от жары (*чалма*). Например: *Взвод красноармейцев в зимних шлемах пересекал лужу, начинавшуюся у магазина Старгико и тянувшуюся вплоть до здания губплана, фронтон которого был увенчан гипсовыми тиграми, победами и кобрами* (ДС 78);

6) 'вытянутость по вертикали': а) вытянута по вертикали (*туальденоровый колпак*); б) не вытянута по вертикали (*кепка*). Например: *Изредка только попадалась кепка, а чаще всего черные, дыбом поднятые патлы, а еще чаще, как дыня на баштане, мерцала загоревшая от солнца лысина, на которой очень хотелось написать химическим карандашом какое-нибудь слово* (ЗТ 26).

Таким образом, мы рассмотрели только небольшую часть возможного анализа лексико-семантического поля «Одежда» в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», «Золотой теленок» и одного

из его микрополей. Выявление лексических единиц, их анализ и классификация по микрополям, построение структуры поля, выделение дифференциальных признаков внутри микрополей, определение объема каждого микрополя как части единого ЛСП, сравнение микрополей между собой – все это неотъемлемые элементы анализа любого ЛСП. За рамками данной статьи остались такие необходимые элементы анализа, как анализ типов связей между лексемами внутри микрополя, стилистические особенности лексем микрополя, средства выражения и т.д.

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. – Новосибирск: Ассоциация «ВИКО», 1992. – 576 с.

Список сокращений названий источников

ДС – Двенадцать стульев

ЗТ – Золотой теленок

Е.В. Михайлова

Белорусская государственная академия музыки

Образ симфонии как одна из важнейших частей образа музыки в поэтическом дискурсе

Образ музыки является универсальным, поэтому он реализуется в различных дискурсах. Это ментальное образование, которое объективируется при помощи музыкальных лексических единиц; текстов, в которых они употреблены (биографий композиторов и музыкантов; описаний музыкальных инструментов, музыкальных жанров; направлений и стилей в музыке; рассуждений о концертах и музыкальных конкурсах и т.д.); а также различных монологических высказываний в том случае, если они посвящены теме музыки или касаются ее в прямом или переносном смысле и т.д. Объектом нашего рассмотрения является дискурс поэтических произведений.

Самое точное вербальное воплощение образ музыки получает при помощи музыкальной лексики. Эта лексика не является однородной по составу: «Анализ массива слов, в которых живет музыкальный смысл, представляет собой особый лексический пласт – подсистему общелитературного языка, заключающую в себе конституирующие лексические группы: музыкальную терминологию; терминологические лексико-семантические варианты; квазитермины; музыкальную лексику; безэквивалентную музыкальную лексику; слова общего языка» (Щукина 2006, с. 100). Особо сле-

дует упомянуть о «...тех словесных, а также символических обозначениях (буквах, цифрах, графических знаках), которыми более или менее обильно уснащены нотные тексты музыкальных произведений» (Корыхалова 2000, с. 4). Эти обозначения «...относятся к характеру музыки, содержат указания темпа и его колебаний, динамики и артикуляции, касаются техники исполнения» (Корыхалова 2000, с. 4). Они называются «...исполнительскими указаниями или музыкально-исполнительскими терминами...» (Корыхалова 2000, с. 4). Многие исполнительские указания, «...помимо основного, уже достаточно емкого смысла, имеют дополнительные (коннотативные) созначения» (Корыхалова 2000, с. 6). Так, динамические указания в музыке «...имеют не столько акустический, сколько художественно-эстетический смысл» (Корыхалова 2000, с. 6). Работая с подобными обозначениями, следует обращать внимание на «...историческую изменчивость их значения и употребления» (Корыхалова 2000, с. 8) и т.д. Каждая музыкальная лексическая или символическая единица обозначает определенный образ, имеющий и эмоционально-экспрессивную составляющую. Важную роль в создании образа музыки играет тот факт, что музыка – искусство интонационное, причем это дает ей возможность еще полнее отображать содержание: «...музыкальное искусство не сводится к простому копированию, подражанию, описанию действительности. Более полным отражением сущности музыкального искусства становится чувственное, эмоциональное выражение» (Хомицкая 2003, с. 102). Существуют даже музыкальные семантические ряды или комплексы: «Как в интонации речевой (человеческой речи), так и в музыкальной различимы некоторые относительно постоянные и характерные звукосопряжения, постоянные постольку, поскольку постоянны вызывающие их причины. Они являются тем же, чем в речевой интонации ее различные категории, виды и оттенки. Повторяясь в музыкальных произведениях той или иной эпохи, они образуют своего рода музыкальные семантические (обладающие определенным смыслом, значением) ряды или комплексы “музыкальных речений”, раскрывающие содержание музыки как одной из форм общественного сознания» (Асафьев 1978, с. 56).

Использование музыкальной лексики осуществляется в различных произведениях (музыкальных, поэтических и т.д.); особенно велика ее роль там, где есть возможность широкого развития образов. Таковую возможность предоставляет поэтический дискурс.

Вся музыкальная лексика имеет важное значение, но одним из наиболее значительных ее пластов, по нашему мнению, являются названия музыкальных жанров. Это большое количество слов, разделённых на группы (инструментальные, вокальные жанры и т.д.) и обозначающих различные способы воплощения содержания, его обработки и др. Не случайно то, что значение жанра ранее входило в семантику термина *музыка*. Так, С. Щукина приводит значения этого слова в XVII веке, ссылаясь на иссле-

дование Д. Дробининой: «1) музыкальная пьеса, мелодия (позднее слово “музыка” в этом значении было вытеснено специальными терминами)...» (Щукина 2002, с. 88).

Одним из наиболее сложных и концептуально насыщенных жанров является симфония. Этот термин претерпел эволюцию: «Слово *symphonia* в переводе с греческого означает всего лишь созвучие. В Древней Греции так называли приятное сочетание звуков. Позднее им стали обозначать то оркестр, то вступление к танцевальной сюите. В начале XVIII века этот термин заменял нынешнее понятие увертюры» (Михеева 1996, с. 122). Первые симфонии в нынешнем понимании жанрового обозначения появились в Европе во второй половине XVIII века. Завершилось формирование жанра в творчестве Й. Гайдна, а в фазу расцвета он вступил у В. Моцарта и Л. Бетховена. Симфония «...сформировалась окончательно в странах немецкого языка» (Михеева 1996, с. 122), что говорит о ее высокой интеллектуальности. В составе симфонии закрепились четыре части.

Симфония – синтетический жанр, нуждающийся в междисциплинарном подходе. Это – «...самый сложный жанр бестекстовой музыки, наиболее полно воплощающий свое время» (Михеева 2005, с. 258). Он и сегодня развивается и модифицируется. В частности, в белорусской симфонии второй половины XX века проблема ее концепционно-семантического обновления решалась различными путями, среди которых «...безусловное предпочтение отдано межжанровому взаимодействию и синтезу» (Волкова 2002, с. 20), при этом интегрируются «...не только разные жанры, но и разные виды искусства (поэзия и музыка, слово и музыка)» (Волкова 2002, с. 20).

Образ симфонии воплощен в поэтическом дискурсе. Прежде всего, он реализован в названиях произведений. Н. Огарев в стихотворении «Героическая симфония Бетховена (*Памяти А. Одоевского*)» связывает характер Третьей симфонии великого композитора и образы казненных и сосланных на каторгу декабристов: *«Я вспомнил вас, торжественные звуки, // Но применил не к витязю войны, // А к людям доблестным, погибшим среди муки // За дело вольное народа и страны; // Я вспомнил петлей пять голов казненных // И их спокойное умершее чело, // И их друзей, на каторге сраженных, // Умерших твердо и светло»* (Музыка 1985, с. 65). Звуки музыки героического характера заставляют поэта сожалеть о том, что он не может так умереть за свое дело: *«Мне слышатся торжественные звуки // Конца, который грозно трепетал, // И жалко мне, что я умру без муки // За дело вольное, которого искал»* (Музыка 1985, с. 65). Кроме этого, Н. Огарев в поэтической форме воспроизводит структуру симфонии (вероятнее всего, большой оркестровой пьесы как части оперы, имевшей три составные части): «I часть – быстрая, активная – воплощала героические образы, торжественные или воинственные; II – медленная – была связана с лирикой: здесь слышались проникновенные интонации лирических арий; в III части находили выражение бытовые ситуации, она проносилась в стремительно

легком танцевальном движении» (Для слушателей 1967, с. 6). Поэт назвал стихотворение «Симфония», каждая его часть – одна строфа (Музыка 1987, с. 78). Первая часть «Allegro» представляет собой высказывание лирической героини, содержащее предположение о чьей-то гибели: «*“Вот слышишь, – она мне сказала, – // Какой тут и крик и стон, // Как будто кто гибнет сначала // И кто-то потом схоронен”*» (Музыка 1987, с. 78). Вторая часть «Adagio» характеризуется автором прежде всего в эмоциональном плане: «*А после торжественно, стройно // Широкая песня идет – // И все в ней спокойно, спокойно, // Но мало надежд принесет*» (Музыка 1987, с. 78). Третья часть «Presto» является очень сложной: «*А тут начинается бремя, // Раздор, и тревога, и гнет... // И миру разрушиться время, // И все, что живое, замрет*» (Музыка 1987, с. 78).

А. Жемчужников написал стихотворение «Отголосок Девятой симфонии Бетховена» (Музыка 1985, с. 85). Размышляя о выдающемся музыкальном произведении, поэт считает, что оно является своеобразным памятником талантливейшему композитору: «*В ней гений выразил мятежность дум печальных, // Борьбу, мечтательность, святых восторгов клик, – // И памятник себе из мыслей музыкальных // Громадой звучно воздвиг*» (Музыка 1985, с. 85). Названной симфонии Л. Бетховена посвятил одноименное стихотворение и К. Случевский. Возможно, поэта поразило то, что впервые в истории жанра симфония немецкого композитора стала синкретической – музыка в ней соединилась со словами: «Девятая симфония – произведение глубоко новаторское. Впервые в симфонию вводится пение. Этот смелый прием оказался Бетховену необходимым. Развитие идеи симфонии подсказывало включение пения как Голоса Человечества; конкретность слова потребовалась для итоговой формулировки главной мысли грандиозной философской концепции» (Для слушателей 1967, с. 62). Он даже не может точно определить, что произвело на него большее впечатление – слова или звуки: «*Слушаю, слушаю долго, – и образы встали... // Носятся шумно... Но это не звуки, а люди... // ... // Нет! Я не в силах молчать: иль словами скажитесь, // Или же звуков мне дайте – сказать, что придется!..*» (Музыка 1985, с. 97). А. Апухтин создал стихотворение «Судьба (К 5-й симфонии Бетховена)» (Музыка 1985, с. 94-96). Концепция симфонии проясняется благодаря фразе композитора, которая относится к первой теме: «*“Так судьба стучится в дверь”*» (Для слушателей 1967, с. 57). Поэт воплощает образ судьбы: «*С своей походною клюкой, // С своими мрачными очами, // Судьба, как грозный часовой, // Повсюду следует за нами. // Бедой лицо ее грозит, // Она в угрозах поседела, // Она уж многих одолела, // И всё стучит, и всё стучит: // Стук, стук, стук...*» (Музыка 1985, с. 94-95). Этот образ напоминает о конечности всего в жизни: богатства, молодости, славы, счастья, любви (Музыка 1985, с. 95-96). М. Матусовский – автор стихотворения «Седьмая симфония в Москве» (Стихи 1982, с. 98). В нем показано восприятие поэтом симфонии Д. Шостаковича, рассказывающей

о Великой Отечественной войне языком музыки. Погода и сама музыка настраивали на ощущение холода: *«Наверное, помните вы, // Как стужа тогда пронизала // Ночные кварталы Москвы, // Подъезды Колонного зала»* (Стихи 1982, с. 98) и др. Инструменты в оркестре как будто ждали дирижера: *«Когда композитор бочком // Пробрался к подножью рояля, // В оркестре смычок за смычком // Проснулись, зажглись, просияли»* (Стихи 1982, с. 98). Музыка создала у слушавших ее людей ощущение метели: *«Как будто из мрака ночей // Дошли к нам порывы метели. // И сразу у всех скрипачей // С подставок листы полетели»* (Стихи 1982, с. 98). Музыка произвела такое действие на слушателей, что все увидели гораздо больше, чем было написано в нотах, а самое главное – жизнь и смерть вместе: *«И эта ненастная мгла, // В траншеях свиставшая хмуро, // Никем до него не была // Расписана как партитура. // Над миром катилась гроза. // Еще никогда на концерте // Так близко не чувствовал зал // Присутствия жизни и смерти»* (Стихи 1982, с. 98). Одна музыкальная фраза словно дошла из блокадного Ленинграда до Москвы: *«Она прорывала кольцо // Блокадных ночей Ленинграда. // Гудела в глухой синеве, // Весь день пребывала в дороге // И ночью кончалась в Москве // Сиреной воздушной тревоги»* (Стихи 1982, с. 98).

А. Созаев в стихотворении «Снежная симфония» (пер. с балкарского Л. Шерешевского) соединяет свое восприятие первого снега и впечатление от прослушанных произведений П. Чайковского и созерцания памятника великому русскому композитору: *«Снег идет... Он так робко ложится на площадь, // Словно первую гамму играет на ощупь. // Снег идет... Пьедестал осыпает гранитный // В тихом темпе, в стеснительном медленном ритме. // Но Чайковский к беззвучью его, словно к звуку, // Протянул вдохновенно изящную руку...»* (Стихи 1982, с. 193). Поэт реализует образ П. Чайковского-дирижера: *«И над улицей в гуле машинного бега // Дирижирует белой симфонией снега»* (Стихи 1982, с. 193). А. Созаев ассоциирует снег и звук, и кажется, что памятник композитору утопает в созвучиях, а белый цвет рождает ощущение серебра: *«Снег струится, – и памятник, строгий, певучий, // Утопает в снегу, словно в море созвучий, // И Чайковского облик – не бронза и камень, // А медалью серебряной в площадь вчekanен»* (Стихи 1982, с. 193).

Объективируется рассматриваемый образ и в текстах поэтических произведений. А. Жемчужников признается читателям, что очень любит музыку, но иногда звучание музыкальных инструментов неприятно ему: *«Я музыку страстно люблю, но порою // Настроено ухо так нежно, что трубы, // Литавры, и флейты, и скрипки – не скрою – // Мне кажутся резки, пискливы и грубы»* (Музыка 1987, с. 196). Поэт хочет первозданного звучания симфонии, передающего именно то, что вложил в нее маэстро, однако он стремится не к инструментальному исполнению: *«Но пусть инструменты иные по нотам // Исполнят ее, – и не бой барабана // И вздох, изда-*

ваемый длинным фаготом, // Дадут нам почувствовать *forte* и *piano*. // Нет, хор бы составили чудный и полный // Гул грома, и буря, и свист непогоды, // И робкие листья, и шумные волны... // Всего не исчислишь... все звуки природы!» (Музыка 1987, с. 196). В. Брюсов использует слова из семантического поля 'музыка' для описания погоды: «Закат ударил в окна красные // И, как по клавишам стуча, // Запел свои напевы страстные; // А ветер с буйством скрипача // Уже мелодии ненастные // Готовил, ветвями стуча. // Симфония тоски и золота, // Огней и звуков слитый хор...» (Музыка 1987, с. 205). К. Бальмонт посвятил свое стихотворение «Великий обреченный» известному русскому симфонисту А. Скрябину. Слово *симфония* поэт использует для обозначения эмоциональной сферы великого музыканта, стремящегося к синтезу прочувствованных явлений внешнего мира: «Он чувствовал симфониями света, // Он слиться звал в один плавающий храм – // Прикосновенья, звуки, фимиам // И шествия, где танцы как примета...» (Музыка 1985, с. 113). Глава поэмы А. Белого «Первое свидание» посвящена воспоминаниям о симфонических концертах Московского отделения Русского музыкального общества, которые он слышал весной 1901 года (Музыка 1985, с. 130): «И – сердца бег, и – сердца стук. // Сердца – бегут: на звуки... Верьте, – // В субботу вечером наш круг // На Симфоническом концерте...» (Музыка 1985, с. 131). Он описывает подготовку инструментов («О, невозможные моменты: // Струнят и строят инструменты...» (Музыка 1985, с. 132) и др.), дирижера В. Сафонова («Взойдет на дирижерский пульт, // Пересекая рой поклонов, // Приподымая громкий культ, // Седой, почтенный жрец: Сафонов» (Музыка 1985, с. 132) и др.) и др. В стихотворении «Арфа» Вс. Рождественский пишет о том, как звук арфы заглушается другими инструментами оркестра при исполнении симфоний: «И, мужая в разросшейся теме, // Где со скрипками спорит металл, // Грозным рокотом бурное Время // Оглушительно рушится в зал. // И несется в безумном разгоне // Водопадом, сорвавшимся с гор, // В круговерти и вихре симфоний // На разодранный в клочья простор» (Стихи 1982, с. 50). В стихотворении «Чайковский» поэт употребляет имя существительное *симфония* для описания сложного и своеобразного внутреннего мира композитора («Иль пусть уж уносят горячие кони // От славы и сплетен, венков и газет // В отчаянье, в грохот миров и симфоний, // Где рушится счастье, где памяти нет» (Музыка 1985, с. 150)), пишет о различных произведениях великого композитора, останавливаясь на Шестой («Патетической») симфонии, вершине его симфонического творчества («В осеннем затишье уездного Клина // В окне, где под ветром качается сад, // Шестая симфония, словно лавина, // Идет, нарастая, сквозь грохот преград» (Музыка 1985, с. 151)). Н. Крандиевская-Толстая во время Великой Отечественной войны думает об этой же симфонии П. Чайковского, подлинно национальном произведении, и выражает эти мысли в поэтическом сочинении: «И музыка с ветром. И я узнаю // Тебя, многострунную бурю

твою, // Чайковского стон лебединый, – Шестая, // По-русски простая, по-русски святая, // Как Родины голос, не смолкший в бою!» (Музыка 1985, с. 181). В. Инбер в поэме «Пулковский меридиан», написанной в 1941-1943 годах, упоминает Седьмую симфонию Д. Шостаковича, особо выделяя ощущение холода, рождаемое этим произведением: [Муза] «Она шептала пишущим: “Дружок, // Не бойся, я с тобой перезимую”. // Чтобы согреть симфонию Седьмую, // Дыханьем раздувала очажок» (Музыка 1985, с. 182). С. Городецкий в стихотворении «Музыка», также созданном в годы войны, считает, что Пятая симфония Д. Шостаковича – это музыка, достойная того, чтобы жить в веках, и она действует сильнее, чем речь: «И мига средь веков ища, // Достойного веков, // Вдруг “Пятой” Шостаковича // Сверкнет сильнее слов» (Музыка 1987, с. 31). М. Алигер в своих произведениях употребляет имя существительное *симфония* («Помогая ходу истории, // пробуждая совесть и честь, // героические оратории // и симфонии в мире есть» (Стихи 1982, с. 104) и др.). Н. Ленау упоминает о симфониях Л. Бетховена в стихотворении «Бюсту Бетховена»: «В бурном трепете симфоний, // В блеске вихря их святого...» (пер. с немецкого В. Левика) (Стихи 1982, с. 209). Н. Рыленков в цикле «Бетховен» пишет о симфонии, которую великий композитор решил посвятить Н. Бонапарту: «В те дни Бетховен посвятить решил // Ему свое любимое творенье. // Симфонию о мужестве в борьбе, // О счастье жить торжественно и просто, // Нигде, ни в чем не уступать судьбе // И утверждать над смертью превосходство» (Музыка 1985, 198), однако затем, узнав от друзей подробности его деятельности, разорвал посвящение и растоптал его (Музыка 1985, с. 199). К. Некрасова передает свое восприятие Девятой симфонии Л. Бетховена, у нее есть желание объективировать музыкальные образы при помощи графических: «Прекрасное мы чувствуем по облику времен, – // если бы Девятую симфонию Бетховена // вычертить в чертежах, – // она бы уподобилась утру // на улице Горького...» (Музыка 1987, с. 128).

Итак, образ симфонии – одна из очень важных частей образа музыки и соответствующего концепта. Не случайно то, что поэты используют этот образ в своих произведениях, причем он помогает реализовать не только музыкальную тематику. Широта и разноплановость этого музыкального жанра позволяют ему отображать жизнь в ее различных проявлениях. Л. Михеева указывает: «Любая симфония – это целый мир. Мир художника, ее создавшего. Мир времени, ее породившего» (Михеева 1996, с. 124). В поэтическом дискурсе сформированы следующие черты образа симфонии: ее большой размер, глубокое концептуальное содержание, философский характер, связь со значительными общественными событиями и с другими видами искусства, разнообразие инструментов, задействованных в ее исполнении.

Асафьев Б.В. (Игорь Глебов) Путеводитель по концертам (Словарь наиболее необходимых музыкальных терминов и понятий) / Ред. Т.Н. Ливанова. – Изд. 2-е, доп. – М.: Сов. композитор, 1978. – 200 с.

Волкова Л.А. Музыка и слово в белорусской симфонии 1970-90-х годов // Весці Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі. – 2002. – № 2. – С. 20-25.

Для слушателей симфонических концертов. Краткий путеводитель / М.Г. Арановский [и др.]. – Изд. 2-е, дополненное. – Л.: Музыка, 1967. – 280 с.

Корыхалова Н.П. Музыкально-исполнительские термины: Возникновение, развитие значений и их оттенки, использование в разных стилях. – СПб.: Композитор, 2000. – 272 с.

Михеева Л. Музыкальный словарь в рассказах. – М.: ТЕРРА, 1996. – 176 с.

Михеева Л.В. Словарь юного музыканта. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2005. – 333 с.

Музыка в зеркале поэзии: [Сб. стихов. В 3-х вып.] / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Каца. – Л.: Сов. композитор, Ленингр. отд-ние, 1985. – Вып. 1: «...Нам музыка звучит». – 240 с.

Музыка в зеркале поэзии: [Сб. стихов. В 3-х вып.] / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Каца. – Л.: Сов. композитор, Ленингр. отд-ние, 1987. – Вып. 3: «Что в музыке?...». – 304 с.

Стихи о музыке. Русские, советские, зарубежные поэты: [Сборник] / Сост. А.Н. Бирюкова, В.М. Татаринцев / Под общ. ред. В. Лазарева. – М.: Сов. композитор, 1982. – 224 с.

Хомицкая М.Г. Возникновение и пути формирования понятия интонации в теории исполнительского искусства // Весці Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі. – 2003. – № 4. – С. 99-105.

Щукина С.К. Иностранные языки в оптимизации и развитии музыкального образования в Республике Беларусь. – Весці Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі. – 2006. – № 8. – С. 95-104.

Щукина С.К. Источники и пути формирования русской музыкальной терминологии // Весці Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі. – 2002. – № 2. – С. 85-89.

А.К. Свистова

Воронежский государственный университет

Синестезия как способ номинации эмоций на примере осязательной синестезийной метафоры (в русской и немецкой поэзии XIX века)

Синестезии – образные выражения, связанные с переносом ощущения в иную чувственную сферу, всегда наличествовали в поэзии в разных проявлениях и в разной степени. Синестезией называется употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств (Григорьева 2004, с. 24). Различают такие разновидности синестезии, как зрительная (световая и цветовая), вкусовая, слуховая (звуковая), обонятельная, осязательная. Осязательная синестезия подчеркивает силу переживаний и детализирует описание эмоционального состояния на основе актуализации физического ощущения.

В поэтических текстах наличествуют окказиональные образования, относящиеся к осязательной разновидности синестезии. В настоящей статье мы стараемся также показать специфику осязательной разновидности синестезии как способа номинации вариантов эмоций на материале русских и немецких поэтических текстов XIX века.

При семемном анализе и описании примеров использована методика, разработанная З.Д. Поповой и М.М. Копыленко, и терминология воронежской теоретико-лингвистической школы, связанная с выделением пяти основных типов семем, которые может выражать лексема – денотативная первая семема (Д1), денотативная вторая семема (Д2), коннотативная первая семема (К1), коннотативная вторая семема (К2) (Копыленко, Попова 1978).

Рассмотрим группу существительных, обозначающих эмоциональные состояния, в сочетании с прилагательными *мягкий* и *sanft, gelind, mild, daunenweich*.

*...Ужель опять ни страх перед судьбой,
Ни мягкая надежда исцеленья...
Не взяли верх...?*

Н. П. Огарев. Настоящее и думы

Мягкая надежда (К1Д1) – полусбывшееся ожидание, почти ставшее реальностью.

*Я в новый мир перехожу
И с грустью нежной и заветной
На милый север свой гляжу.*

А.А. Фет. Графине С.А. Толстой

Нежная грусть (К1К1) – любовь с оттенком тоски, светлое сожаление о расставании с любимым или о том, чего нет рядом.

*Лишь проснешься, прибегают,
С нежной радостью в глазах,
Мать, отец тебя лобзают
И качают на руках.*

И.И. Дмитриев. К младенцу

Нежная радость (К1К1) – любовь к ребенку родителей, приятное волнение от встречи с ним.

*Доколе мне тоской мятежной
Ты не явила страсти нежной,
Я должен был, я сам хотел
Таить мой бедственный удел...*

И.И. Козлов. Абидосская невеста

Нежная страсть (К1К1) – любовь, сердечное влечение.

*К окну прикинув головой,
Я поджидал с тоскою нежной,
Чтоб ты явилась – и с тобой*

Помчаться по равнине снежной.

А.А. Фет. У окна

Нежная тоска (K1K1) – любовь и мечты, приятное волнение в предвкушении чего-л. маловероятного (несбыточного), очень желанного.

*Точно голубь светлую весною,
Ты **веселья нежного** полна,
В первый раз, быть может, всей душою
Долго сжатой страсти предана...*

А.Н. Майков. «Точно голубь светлую весною...»

Нежное веселье (K1D1) – светлое настроение, ничем не омраченное состояние, вызванное возникающей любовью.

*Как мило взор его смиренный
Дичится взора твоего;
Кипят, тобою вдохновенны,
Восторги нежные его!*

Н.М. Языков. Поэт

Нежные восторги (K1K1) – любовь как зарождающееся сильное чувство, побуждающее к действиям.

*Когда я в очи вам гляжу,
Предавшись **нежному томленью**,
Слегка о прошлом я тужу,
Но рад, что сердце нахожу
Еще способным к упоенью.*

Е.А. Баратынский. К...

Нежное томление (K1K1) – влюбленность, смешанная с меланхолией.

*Любовью упоенный,
В смятенье **нежного стыда**,
Он только смеет иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитым локоном играть...*

А. С. Пушкин. Евгений Онегин

Нежный стыд (K1K1) – скрываемое, в легкой степени проявляемое смущение, влюбленность.

Все словосочетания, содержащие прилагательное *нежный* и интерпретированные как K1K1, обозначают разные степени любви – предчувствие (**нежная тоска**), возникновение (**нежное веселье**, **нежное томление**, **нежный стыд**), начало (**нежная радость**, **нежная страсть**, **нежные восторги**), завершение (**нежная грусть**).

А теперь посмотрим, какие смыслы выражаются в немецкой поэзии при помощи прилагательных *sanft, gelind, mild, daunenweich*.

*Des Todes Anfang zwar bringt mit ein hartes T;
Das Ende zeucht nach sich alsdann ein lindes D;*

*Das Mittel ist ein O: es ist ein Augenblick,
So kümmt für harte Pein ein immer **sanftes Glück**.*

F. Logau. Des Todes Buchstaben

Sanftes Glück [мягкое (приглушенное) счастье] – удовольствие, вызванное окончанием анализа графического образа слова *смерть* (Tod) (K1K1).

*Wird die Kraft des Denkens überspannt:
Weg mit Weisheit! bis **gelinde Freude**
Wiederum den Geist ermannt.*

L. Goeckingk. An Exter

Gelinde Freude [мягкая (слабая, умеренно выраженная) радость] – умеренно воодушевляющее удовольствие, вызванное сделанным открытием, придающее уверенности (K1K1).

*Der Apfelbaum prangt grün und weiß
Auf zartbegras'ter Weide;
Der Wonneruf des schönen Mais
Weckt uns zu **sanfter Freude**.*

J.Salis-Seewis. Mailed

Sanfte Freude [мягкая (досл. приглушенная) радость] – душевный подъем, вызванный наступлением весны (K1K1).

*Dich sah ich, und die **milde Freude**
Floß von dem süßen Blick auf mich;
Ganz war mein Herz an deiner Seite
Und jeder Atemzug für dich.*

J.W.Goethe. Willkommen und Abschied

Milde Freude [мягкая (сострадательная) радость] – влюбленность (K1K1).

*...den ganzen Tag, den langen Tag
sehnt er sich nach der Nacht zurück,
nach ihrem **daunenweichen Glück**
und unhörbaren Stundenschlag.*

G. Sack: Die drei Reiter

Daunenweiches Glück [мягкое как пух счастье] – благостное настроение от просыпаний, возникновению которого способствовал сон на мягкой постели (K1D2).

В немецких примерах преобладают индивидуально-авторские номинации в отличие от русских примеров с участием прилагательного **нежный**, системно обозначающих любовь.

Рассмотрим еще одну группу существительных, обозначающих эмоциональные состояния, в сочетании с прилагательными **сухой** и **rauh**.

***Тоска сухая** вновь готова
Снедать бесплодно дни мои.
Скажите мне! Ужель душою
Я опустел и вас забыл?*

Н.П. Огарев. «Я вам сказать хотел бы много...»

Сухая тоска (К1Д1) – сильное, опустошающее переживание, вызванное утратой смысла жизни.

Не то холодная, суровая тоска,

***Сухая скорбь** разуверенья.*

Е.А. Баратынский.

«Есть милая страна, есть угол на земле...»

Сухая скорбь (К1Д1) – горестное состояние духа, опустошение от потери веры.

В русских примерах прилагательное **сухой** несет идею ‘душевного опустошения’, все существительные, обозначающие переживания, представлены в Д1.

Прилагательное **rauh** в немецких примерах выражает сему ‘осозание’.

Der Frühling meiner Zeit und Anfang erster Tage

*Verschwand in Angst und Ach und **rauh**er Traurigkeit*

Mein Weinen und Verstand bejammerte die Plage

Die mir auf dieser Welt die rauhe Not bereit.

Chr. Gryphius. Auf einer nahen Anverwandtin Tod

Rauhe Traurigkeit [шершавая (шероховатая) печаль] – настолько реальная, кажется, что ее можно потрогать (К1Д1).

Von Gott beschert, bleibt unverwehrt

Der ungestüm April läst dennoch Veilken blühen.

*Mir kann, was Gott mir gönnt, kein **rauhes Glück** entziehen.*

F. Logau. Sinngedichte

Rauhes Glück [шершавое счастье] – сильное счастье, почти осязаемое на ощупь (К1Д1).

Отмечено, что в значении рассматриваемых словосочетаний в условиях определенного контекста происходит семантический сдвиг, являющийся следствием взаимного влияния существительного и прилагательного. Выявлено, что при образовании составных номинаций для оттенков эмоций имеют место семантическое согласование и семантическое несогласование. Семантическое согласование – это повтор той или иной семы, свойственной обоим членам словосочетания, семантическое несогласование – отсутствие такого повтора (Гак 1971, с. 381).

При семантическом несогласовании в словосочетание объединены компоненты с разной семантической направленностью: **нежная тоска**, **нежный стыд**, **rauh**e Traurigkeit (шершавая (шероховатая) печаль), **нежное веселье**, **rauh**es Glück (шершавое счастье) **sanfte Freude** (мягкая (приглушенная) радость), **milde Freude** (мягкая (сострадательная) радость), **gelinde Freude** (мягкая (слабая, умеренно выраженная) ненавязчиво выражаемая радость). В случаях семантического несогласования со-

здается составная номинация для эмоции, ранее не имевшей языкового знака.

При семантическом согласовании за счет сем прилагательного происходит варьирование степени переживания чувства, обозначаемого существительным: **мягкая надежда**, **daunenweiches Glück** (*мягкое как пух счастье*), **sanftes Glück** (*мягкое (приглушенное) счастье*), **нежная грусть**, **нежная радость**, **нежная страсть**, **нежное томление**, **нежные восторги**, **сухая тоска**, **сухая скорбь**.

Таким образом, в рассмотренных словосочетаниях происходит преобразование значения одного из компонентов или словосочетания в целом.

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1972. – С. 381-387.

Григорьева О.Н. Цвет и запах власти: учеб. пособие. – М., 2004. – 248 с.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1978. – 143 с.

Метафора в языке и тексте / В.Г. Гак, В.Н. Телия, Е.М. Вольф и др. / Отв. ред. В.Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 174 с.

Фирдевс Бураихи Карим
Воронежский государственный университет

Семантические трансформации деструктивных глаголов в художественном тексте как средство создания образности

В группу деструктивных глаголов входят лексические единицы, объединённые семантическим компонентом «каузировать не быть», который может быть разграничен по двум аспектам: 1) уничтожить объект полностью (*сжечь письмо*); 2) уничтожить целостность объекта и/или функциональную структуру (*сломать стул*). В художественном тексте данные глаголы могут быть использованы в сочетаниях окказионального характера, что обуславливает изменения в их семантической структуре.

Как указывает О.Н. Чарыкова, глагол *разбить*, как правило, сочетается с существительными, называющими твердые предметы из камня (*кирпич, дом*), металла (*чугунок, пушка, оружие, грузовик, танк, самолет, паровоз*), дерева (*бочка, рамка для картины, весло, доска, лодка*) и относящимися к самым разным лексико-семантическим группам (Чарыкова 2003). Кроме того, данный глагол в системе языка может вступать в сочетания с существительными, называющими объекты, наделенные признаком хрупкости (*стекло, окно, лампа, бутылка, градусник, графин, чашка, бутылка, ваза, алмаз, лед* и т.д.). Во всех подобных сочетаниях глагол употребляется в

первичном денотативном значении и в его семантической структуре существенную роль играют дифференциальные семы-конкретизаторы: «посредством удара, о твердый предмет, расчленишь, твердое целое, на части». Данный глагол в системе языка может выступать и в других семемных статусах – Д2 (*разбить армию*) и К1 (*разбить надежды, счастье*).

В художественном тексте встречаются не отмеченные в словаре, а следовательно, несистемные сочетания рассматриваемого глагола:

*Вот чтобы **разбить** эту страшную совокупность фактов..., я и взялся защищать это дело* (Ф.И. Достоевский);

*...сторонний наблюдатель начинал думать, что хорошо бы ударить со всей силой, **разбить** вдребезги это застывшее очарование* (А.Н. Толстой);

*Токарев **разбил** молчание гортанным перехватом баса...* (Н. Островский).

В приведенных примерах окказиональной сочетаемости глагол утрачивает дифференциальные семы-конкретизаторы, в его семной структуре на первое место выходит архисема «уничтожить» и потенциальная сема «трудность», которая приобретает статус дифференциальной, что и обуславливает трансформацию семемы в К1.

Несколько иначе происходит трансформация семантической структуры глагола в следующем примере:

*То хрупкое лето волною **разбито**.*

И море остыло. И гавань размыта (В. Коробов).

Семема сохраняет архисему «каузировать не быть» и актуализирует потенциальную сему «легкость», которая указывает на отсутствие усилий при совершении процесса.

***Ветры** сникли, **разбились** и замерли...* (В. Высоцкий).

В данном примере актуализирована сема «разделение».

Довольно: не жди, не надейся –

Рассейся, мой бедный народ!

*В пространство пади и **разбейся***

*За годом **мучительный** год* (А. Белый).

Контекст репрезентирует значение «прекратить существование, исчезнуть», при этом семема трансформируется в первичную коннотативную.

Таким образом, окказиональная сочетаемость данного глагола обуславливает такие модификации его семантической структуры, которые служат цели наиболее адекватного отражения индивидуального мировосприятия каждого из авторов приведенных текстов.

Глагол *сокрушать* – *сокрушить* имеет значение «разрушать, разбивать, ломать», подчеркивая интенсивность действия, и используется как более экспрессивный синоним названных единиц. В качестве необычных сочетаний этого глагола в рамках анализируемого материала были отмечены следующие:

*Идеология, которую нам предстоит **сокрушить**, вырвать с корнем, уничтожить бесследно, не просто витает в воздухе...* (А. Чаковский).

*Третий воскликнул: «Братья,
Сокрушим нашу ветхую душу!*

Лишь новому меху дано

Вместить молодое вино!» (В. Брюсов).

В данных сочетаниях глагол содержит в своей семной структуре только два семантических компонента: «уничтожить» и «интенсивность», выступая в статусе семемы К1.

Глагол *рушить* в русском языке имеет первичное денотативное значение «ломая, разрушая, валить на землю», первичное коннотативное – «уничтожать, приводить в полное расстройство, разваливать». Модификация семемы К1 данного глагола обусловила возможность следующих несистемных сочетаний:

*Такие испытания не каждый может перенести спокойно. В них **рушатся** человеческая слава, исчезает влияние...* (А.С. Макаренко).

*А в это время в кабинете надрываются телефоны, **рушатся** назначенные **рандеву**...* (И. Ильф, Е. Петров).

В данных контекстах, кроме архисемы «уничтожить», актуализируются потенциальные семантические признаки «быстро, резко, окончательно».

Как все, пойму, умру, убью,

*Как все – **себя разрушу**...* (З. Гиппиус).

Контекст, актуализируя в семантической структуре глагола, кроме архисемы «каузировать не быть», семантический признак «нарушение цельности», передает значение «уничтожить себя как личность».

Глагол *рвать* с различными приставками чаще всего вступает в сочетания с существительными, объединенными тематическими признаками «мягкий», «тонкий» (*письмо, бумага, ордер, рубашка, парус, кружево, тело человека и животного*), выступая в этих сочетаниях в статусе семемы Д1. В значении «разъединить что-либо соединенное, сомкнутое» данный глагол употребляется с существительными *круг, кольцо, цепь, узы, пути* и т.д. Часто подобные сочетания имеют переносное значение, поскольку в качестве их референта выступает тот или иной вид отношений. Нетрадиционными представляются следующие сочетания данного глагола:

*С утра сильный ветер **разорвал** дождевые **облака**...* (А.Н. Толстой).

Чтоб стали пышными луга,

*Весна **порвала водомет*** (К. Бальмонт).

*У ног моих **шуршит разорванная влага**,*

Струится в воздухе громада Карадага (В. Рождественский).

*Лечу, **разрывая** пальцами **воздух**,*

И все не могу упасть (А. Сурков).

*Я – где ваши машины
Воздух рвут на шоссе...* (А. Твардовский).

*Я хочу порвать лазурь
Успокоенных мечтаний* (К. Бальмонт).

Разорву эту ложь, связывающую меня, чего бы это мне ни стоило...
(А.Н. Толстой).

Во всех этих сочетаниях глагол утрачивает конкретные семы «растягивать, действуя двумя или несколькими разнонаправленными силами». И если в сочетании с существительными *облака, водомет, влага, воздух* сохраняется сема «разделить» и семему глагола можно рассматривать как вторичную денотативную, то в двух других примерах этот семантический компонент тоже утрачивается и семема включает только архисему «уничтожить» и актуализованные потенциальные семы «резко», «решительно» и приобретает статус K1.

Аналогичный процесс происходит и с семантической структурой глагола *разодрать* – экспрессивного синонима предыдущей лексемы в следующих контекстах:

*Ракета раздирала небосвод,
Клинообразной птицей трепетала...* (С. Поделков).
*В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он
Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разъявшихся времен* (М. Волошин).

Это образное сочетание очень ярко передает трагизм сомнений, трагизм внутренней борьбы в душе человека, посетившего «сей мир в его минуты роковые».

Интересно и употребление рассматриваемого глагола с другой приставкой:

*С неба, изодранного о штыков жала,
Слезы звезд просеивались, как мука в сите...* (В. Маяковский).

Поэт описывает ситуацию объявления войны, и воинственный пыл толпы так воздействует на его мировосприятие: небосвод ассоциируется с куском ткани, через многочисленные отверстия которого, словно проколотые штыками, проходит свет звезд.

Глагол *раздавить* имеет значение «надавив или сжав, сломать, смять, расплющить». Системной является сочетаемость данного глагола с существительными, называющими людей, животных, насекомых, а также некоторые неодушевленные объекты (например, *шхуну раздавило льдами*). Во

всех подобных сочетаниях названный глагол употребляется в первичном денотативном значении. Нестандартной является сочетаемость данной лексемы в следующем примере:

*Надо ... **раздавить** кость, внушить чувство своей правоты и повести за собой* (М. Шолохов).

Семема рассматриваемого глагола претерпевает в приведенном контексте следующие изменения: утрачиваются дифференциальные смыско-конкретизаторы, и на первый план, кроме архисемы «уничтожить», выходит потенциальная сема «усилие», что обуславливает трансформацию семемы в К1.

Близка по значению данному глаголу лексема *расплющить*, представленная в таком контексте:

*Нет, не **расплющить** нашей любви*

Даже и времени колесу! (И. Сельвинский)

Необычными представляются и некоторые сочетания глагола *растоптать*, близкого по семантике рассмотренным глаголам, с существительными.

Пусть найдут в законах трибуналов

*Те **параграфы** и те **года**,*

*Что в земной дороге **растоптала***

Дней моих разгульная орда (Н. Тихонов).

Не этой песней старой

***Растоптанного** дня*

Интимная гитара

Ты трогаешь меня (И. Уткин).

В приведенных примерах глагол утрачивает конкретные семы и на первый план выходит интегральная сема «каузировать не быть» и потенциальные семантические компоненты «грубо, низко, издевательски».

Интересны примеры с глаголом *растрелять*, основное значение которого – «убить выстрелами из огнестрельного оружия». Поэтому окказиональным является следующее сочетание:

*И к утру **растреляли** свободное горное эхо,*

И брызнули камни, как слезы из глаз (В. Высоцкий).

Выстрелы нарушили тишину и заглушили все естественные звуки. Посредством необычной сочетаемости эта ситуация так репрезентирована поэтом в стихотворении, что передает всю силу его боли и гнева, страстное неприятие войны и не может оставить читателя равнодушным, вызывая у него адекватные эмоции.

Особая эмоциональность и экспрессивность достигается при помощи окказиональной сочетаемости и в следующем контексте этого автора:

Поэты ходят пятками по лезвию ножа

*И **режут** в кровь свои босые **души*** (В. Высоцкий).

Здесь актуализируются семантические компоненты «боль», «страдание». Эти же семы актуализованы в такой его строчке:

И ужас режет души пополам...

Интересно употребление глагола *резать* и другими поэтами:

*Локти резали ветер, за полем – лог,
Человек добежал, почернел, лег* (Н. Тихонов).

*Солнечной ласточкой резать лазурь,
Прыгать дельфином – товарищем бурь* (В. Рождественский).

В данных контекстах актуализируется дифференциальная сема «разделить» и потенциальная сема «усилие».

Почти такой же набор сем и в следующем примере из стихотворения В. Рождественского:

*Плечом взрезаю синь, безумствую на воле
В прозрачной, ледяной, зеленоватой соли.*

Представляется, что, кроме выше названных, актуализованы семы «резко, энергично».

Во многих глаголах уничтожения, указывающих на способ действия, содержится сема «инструмент». Так, Ю.Д. Апресян следующим образом определяет семантическую структуру глагола *рубить*: «с размаху ударять острым инструментом по X-у, возможно, деля X на части» (Апресян 1974, с. 116). Данный глагол довольно часто сочетается с существительными, называющими людей (*пленные, красноармейцы, казаки*), группу древовидных растений, расположенных на одной территории (*лес, сад, роща, виноградник*), другие группы существительных, объединенных признаком «из дерева». На фоне системной сочетаемости чрезвычайно интересным представляется следующее употребление этого глагола:

*И ассонансы, точно сабли,
Рубнули рифму сгоряча!* (И. Северянин).

Ассонанс – созвучие гласных звуков в рифме – рассматривается в этом стихотворении как признак новизны в системе стихосложения, нарушение традиционных способов рифмовки.

Таким образом, значение деструктивных глаголов в художественном тексте обогащается, они приобретают возможность вступать в различные смысловые связи и ассоциации для более полного выражения мыслей автора, владеющих им чувств, индивидуального мировосприятия. Это осуществляется в результате расширения сочетательных возможностей слов, а также специфической, индивидуально-авторской организации их семантической структуры. Наличие в семанте той или иной лексемы различных по типу сем дает возможность автору путем создания различных контекстных условий актуализировать одни и нейтрализовать другие в целях создания художественного образа. Частотность индивидуальных сочета-

ний, их функциональная нагрузка обуславливают своеобразие идиостиля и отражают специфику индивидуальной картины мира художника слова.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.

Чарыкова О.Н. Окказиональная сочетаемость в художественном тексте как средство репрезентации индивидуально-авторской картины мира // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2003. – Вып.4. – С.237-245.

КОГНИТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.С. Бабарыкина
Северодвинский филиал ПГУ им. М.В. Ломоносова

Роль эмоциональной оценки в восприятии художественного образа ребенка в произведениях Дж. К. Роулинг

Известно, что в современной аксиологии существуют огромные различия в интерпретации оценки и сходных с ней явлений (Говердовский 1977; Шаховский 1983; Телия 1986; Вострякова 1998 и др.).

Под оценкой понимается такое определение объекта, при котором выявляется его положительное / отрицательное значение для субъекта (Арутюнова 1999).

Эмоциональные оценки связаны с ощущениями, физическим и психическим чувственным опытом. Они ориентируют человека в природной и социальной среде, способствуя его аккомодации, достижению комфортности.

Проанализировав 8148 контекстов, отобранных методом сплошной выборки из 7 произведений о Гарри Поттере Дж. К. Роулинг (Rowling I-IV), мы пришли к выводу о том, что эмоциональная оценка выражается достаточно часто. В структуре художественного концепта CHILD были выявлены следующие концептуальные признаки, связанные с эмоциональной оценкой: *'hatred'*, *'punishments for children'*, *'threats'*, *'mockery'*, *'happiness'*.

Концептуальный признак *'hatred'* эксплицируется посредством глагола *hate* и сравнением в тех случаях, когда оценка исходит от ребенка и направлена по отношению к другим персонажам. Например: *Harry had never believed he would meet a boy he hated more than Dudley, but that was before he met Draco Malfoy...* (Rowling I, с. 143).

В ситуациях, где оценивается сам детский персонаж, концептуальный признак *'hatred'* эксплицируется с помощью глаголов *hate* и *dislike*: *...and Uncle Vernon hated having Harry in the house* (Rowling IV, с. 40).

Когда речь идет об оскорблении и унижении самого ребенка, в пространстве художественного текста эмотивное значение ненависти передается с помощью лексем *anger*, *burn with anger*, *angrily*, *furiously*, *rage*: *...Harry tried to concentrate on his food, but his hands shook and his face was starting to burn with anger* (Rowling III, с. 25).

Когда речь идет об оскорблении родителей детских персонажей, негативная оценка выражается в тексте описательно. Например: *Mr. Malfoy*

*ripped the sock off the diary, threw it aside, then **looked furiously** from the ruined book to Harry. «You'll **meet the same sticky end as your parents one of these days**, Harry Potter,» he said softly* (Rowling II, с. 337).

Иногда в художественных контекстах отрицательную оценку с точки зрения взрослого получают поступки ребенка. Концептуальный признак *'hatred'* в таких случаях эксплицируется посредством единиц *hatred, furiously, hate*: *Harry's loathing of Snape was matched only by **Snape's hatred of him**, a hatred which had, if possible, intensified last year, when Harry had helped Sirius escape right under Snape's overlarge nose...* (Rowling IV, с. 194).

Признак *'punishments for children'* эксплицируется посредством прямых номинаций: глаголом *punish* и существительными *punishment, detention*. Например: *Being shut in a dungeon for an hour and a half with Snape and the Slytherins, all of whom seemed determined **to punish** Harry as much as possible for daring to become school champion, ...* (Rowling IV, с. 326).

Указанный концептуальный признак может иметь и имплицитное выражение. Например: *Once, Aunt Petunia, tired of Harry coming back from the barbers looking as though he hadn't been at all, **had taken a pair of kitchen scissors and cut his hair so short he was almost bald except for his bangs**, which she left «to hide that horrible scar»* (Rowling I, с. 24).

В индивидуально-авторских контекстах концептуальный признак *'mockery'*, выраженный эксплицитно, актуализируется в направлении от ребенка к ребенку или от ребенка к взрослому. Для этого писательница прибегает к использованию словосочетаний *laugh at, shake with laugh, burn with laugh, with laughter, smother with laughter, mock*: ... *He tried not to look at Malfoy, Crabbe, and Goyle, who **were shaking with laughter*** (Rowling I, с. 137).

Как правило, насмешки вызывает внешний вид персонажа. Например: ***Dudley had laughed himself silly at Harry**, who spent a sleepless night imagining school the next day, where he was already **laughed at** for his baggy clothes and taped glasses...* (Rowling I, с. 24).

Насмешка может выражаться эксплицитно через обращение взрослого к ребенку путем сочетания прилагательных *silly, stupid, foolish, idiot* с существительным, обозначающим пол детского персонажа: *«**Idiot boy!**» snarled Snape, clearing the spilled potion away with one wave of his wand...* (Rowling I, с. 139).

Негативная оценка ребенка может выражаться в виде обращения – оскорбления *rotter*. Например: *...Peeves wasn't helping matters; he kept popping up in the crowded corridors singing «Oh, **Potter, you rotter** ...» now with a dance routine to match...* (Rowling II, с. 235).

В тех случаях, когда употребляется только фамилия детского персонажа, обращение нередко звучит язвительно: *«Get out of the way, **Potter**, you're in enough trouble already,» snarled Snape...* (Rowling III, с. 360). Позитивная оценка выражается посредством добавления приложения *Mr., Miss* к фами-

лии персонажа. Например: ...«*Welcome back, Mr. Potter, welcome back*» (Rowling I, с. 69).

Концептуализация положительно оцениваемых поступков героев осуществляется оценочными формулами *good of, very good*. Например: «*Very good,*» *said Lupin, smiling* (Rowling III, с. 238).

Нередко отношение взрослых к детям проявляется при сравнении детских персонажей друг с другом. При этом один персонаж получает эксплицитную положительную оценку, а другой (другие) – имплицитную отрицательную. Например: *The Dursleys had a small son called Dudley and in their opinion there was no finer boy anywhere* (Rowling I, с. 1).

Негативная оценка, приписываемая поступкам детей, репрезентируется в концептуальном признаке ‘*threats*’. Угрозы в художественном тексте передаются посредством глагола *to warn* и направлены только в сторону мальчиков: «*I’m warning you now, boy – any funny business, anything at all – and you’ll be in that cupboard from now until Christmas*» (Rowling I, с. 24).

Концептуальный признак ‘*happiness*’ в рассматриваемом произведении ассоциируется с восхищением, радостью и восторгом и выражается описательно через слова и словосочетания типа *want an autograph, a great wizard, applaud appreciatively, kiss, hug, delighted* и под. Например: «*Hermione!*» «*Harry – you’re a great wizard, you know*» (Rowling I, с. 286).

Для передачи концептуального признака ‘*happiness*’ используются синтаксические конструкции, которые оформляются в тексте восклицательным знаком. Например: «*Zograf! Levski! Vulchanov! Volkov! Aaaaaaand – Krum!*» «*That’s him, that’s him!*» *yelled Ron, following Krum with his Omnioculars* (Rowling IV, с. 119).

Описывая проявления радости ребенка, Дж. К. Роулинг использует усиительные частицы *too, so*, наречия *more than, extremely*. Например: *Turning, he saw Fred, George, and Lee Jordan hurrying down the staircase, all three of them looking extremely excited...* (Rowling IV, с. 285).

Подводя итоги, отметим: эмоциональная оценка детских персонажей другими людьми и оценка окружающего мира глазами ребенка репрезентированы через концептуальные признаки ‘*hatred*’, ‘*punishments for children*’, ‘*threats*’, ‘*mockery*’, ‘*happiness*’. Актуализация концептуальных признаков ‘*punishments for children*’, ‘*mockery*’, ‘*threats*’ обусловлена ситуативно. В пространстве рассматриваемых произведений чаще реализуется негативная эмоциональная оценка.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Вострякова Н.А. Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998. – 18 с.

Говердовский В.И. Опыт функционально-типологического описания коннотации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 17 с.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 144 с.

Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие к спецкурсу. – Волгоград: Волгоградский гос. пед. ин-т, 1983. – 96 с.

Rowling J.K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone. Scholastic. New York. 1998. – 312 p. (в тексте – Rowling I).

Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. Scholastic. New York. 1999. – 341 p. (в тексте – Rowling II).

Rowling J.K. Harry Potter and the Prizoner of Azkaban. Scholastic. New York. 1999. – 403 p. (в тексте – Rowling III).

Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of the Fire. Bloomsbury. London. 2000. – 800 p. (в тексте – Rowling IV).

Е.В. Вовк

*Борисоглебский государственный
педагогический институт*

Методы изучения и описания национального коммуникативного идеала

Коммуникативный процесс и все действия, связанные с ним – это сложное явление, поэтому изучаются с помощью совокупности приемов исследования (опросы, анкетирование, эксперименты и др.), направленных на сбор и анализ данных, отражающих реальное состояние коммуникативных процессов в обществе.

Коммуникативный идеал как стереотипный образ национального сознания формируется в русском языковом сознании на базе концепта «идеальный собеседник», который рассматривается языковым сознанием как со стороны его активной речевой деятельности (говорение), так и со стороны его роли как слушателя в коммуникативном процессе.

По определению, предложенному И.А. Стерниным, под коммуникативным идеалом понимается стереотипное представление об идеальном собеседнике, представленное в сознании народа. Это совокупность признаков собеседника, которые люди, принадлежащие к определенной коммуникативной культуре, рассматривают как желательные, приятные, обеспечивающие положительное отношение к собеседнику и желание вступить с ним в контакт, поддерживать коммуникативные отношения.

Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным под концептом мы понимаем дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении,

об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету (Попова, Стернин 2007, с. 34).

Анализ концепта через язык является наиболее простым и надежным средством выявления содержания концепта, так как вербальное выражение находят большинство концептов, функционирующих в обществе, а когнитивная интерпретация данных языка предоставляет возможность достаточно точно судить о когнитивном наполнении концепта.

Для описания и изучения концепта «идеальный собеседник» мы использовали лексико-фразеологические и лингвокогнитивные методы исследования:

- описательный метод, включающий приемы наблюдения, сопоставления, обобщения и классификации полученного материала;
- метод количественного анализа языкового материала;
- семантико-когнитивный метод (описание ментальных структур через анализ языковых средств их объективации);
- контекстуально-экспликативный метод (экспликация смысла единицы в паремиях, фразеологизмах, художественном тексте, Интернет-пространстве);
- психолингвистические методы (направленный ассоциативный эксперимент, свободный ассоциативный эксперимент, метод субъективных дефиниций);
- метод полевой стратификации.

Концепт может быть актуализован при помощи следующих языковых средств:

- лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка;
- прямыми номинациями (лексемами в прямом значении);
- косвенными, образными номинациями (лексемами в переносных значениях);
- свободными словосочетаниями;
- фразеологическими единицами;
- текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов);
- синонимическими средствами языка, в том числе эвфемизмами, единицами разных частей речи, словообразовательно связанными с основными лексическими средствами вербализации концепта (однокоренные слова);
- паремиями (пословицами, поговорками);
- афористикой (бытующими афоризмами, раскрывающими разные стороны концепта);
- субъективными дефинициями;

- публицистическими и художественными текстами;
- ассоциатами на словесные стимулы.

Важнейшим этапом семантико-когнитивного исследования является когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых единиц. Именно этот этап процедуры лингвокогнитивного исследования «переводит» языковые данные в когнитивные и позволяет приступить к моделированию концепта. Однако результаты, полученные традиционными лингвистическими методами, часто нуждаются в проверке на соответствие современному состоянию сознания носителей языка. Поэтому после семного описания или после этапа выявления когнитивных признаков возможно провести верификацию полученных данных путем обращения к носителям языка (Попова, Стернин 2007, с. 67).

Последним этапом когнитивного исследования является построение модели концепта. Под лингвокогнитивным моделированием концепта, как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, понимается «упорядоченное, структурированное описание содержания концепта в когнитивных терминах... Моделирование концепта осуществляется на базе когнитивной интерпретации результатов лингвокогнитивного исследования <...> Любое когнитивное исследование концепта носит вероятностный, гипотетический характер, поскольку всегда основывается на ограниченном языковом и экспериментальном материале, а также потому, что концепты как элементы личной концептосферы человека в значительном своем объеме индивидуальны» (Попова, Стернин 2007, с. 6).

Описание полевой организации концепта делается в опоре на индекс яркости, актуальность тех или иных когнитивных признаков в структуре концепта.

Результатом полевой стратификации концепта является представление структуры исследуемого концепта как полевой структуры – ядра, ближней, дальней и крайней периферии. Итогом моделирования концепта в рамках лингвоконцептологического исследования является словесное или графическое представление содержания концепта в виде полевой структуры.

Мы описали лишь некоторые методы и приемы, используемые при изучении и описании содержания и структуры концептов, которые могут быть использованы и при описании коммуникативного идеала как компонента русской языковой картины мира. Однако перечень методов может быть продолжен. Следует обратить внимание на тот факт, что использование данных методик в различных сочетаниях может увеличить продуктивность исследования и дать информацию о большем количестве выделяемых признаков исследуемого концепта.

С.Г. Дюжакова
Воронежский государственный университет

Обозначение эмоциональной привязанности в русском языке

(на материале фразеологизмов и паремий)

Данная работа посвящена исследованию лексико-фразеологических средств объективации концепта «эмоциональная привязанность» в русском языке, выявление содержания и структуры которого представляет большой интерес в силу высокой субъективности семантики и вместе с тем широкой употребительности номинирующих его единиц в речи.

В силу частотности употребления и максимальной обобщенности семантики ключевым словом номинативного поля концепта «эмоциональная привязанность» является лексема «любовь». Для выявления номинативного поля концепта «эмоциональная привязанность» необходимо выявить синонимы ключевого слова-номинанта концепта. В результате обработки данных Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова выделен ряд лексем, к которым были также добавлены однокоренные слова. В результате в номинативное поле концепта «эмоциональная привязанность» вошли следующие лексемы (47): *амуры, благоволение, благоволить, благорасположение, благосклонный, доброжелательство, доброжелательный, доброжелатель, вождение, вожденный, вождеть, влечь, влечение, завлечь, увлечь, увлечься, увлеченный, увлечение, любовь, любить, любимый, любвеобильный, влюбить, влюбиться, влюбленный, влюбленность, влюбчивый, мания, манить, порыв, привязанность, привязаться, пристрастие, преданность, преданный, расположение, расположенный, расположить, симпатия, симпатизировать, склонность, страсть, страстный, стремление, тяготение, тяготеть, эмоциональный.*

На следующем этапе были проанализированы словарные дефиниции лексем, объективирующих концепт «эмоциональная привязанность», а также фразеологизмы и паремии, в которых встретились данные лексемы. В ходе анализа дефиниций выяснилось, что не все однокоренные слова и синонимы объективируют концепт «эмоциональная привязанность». К примеру, лексема «склонность», являющаяся по данным словаря синонимом лексемы «любовь», является компонентом номинативного поля другого, близкого по содержанию концепта «предрасположенность, расположение к чему-либо» (например, *склонность к полноте, склонность к самоанализу*).

Из номинативного поля исследуемого концепта на данном этапе были исключены лексемы *привязанность, мания, манить, пристрастие, склонность, страстный, стремление, стремиться, тяготеть*.

Анализ семантики и когнитивная интерпретация выявленных в результате анализа семантических компонентов позволили выявить совокупность когнитивных признаков, образующих концепт «эмоциональная привязанность» в языковом сознании:

- предполагает любовные похождения, ухаживание (*амуры разводить*),
- доброжелательное отношение к кому-н., благосклонность (*благоволение, благоволить, благосклонный*),
- хорошее отношение, интенсивность чувства (*благорасположение*),
- доброжелательное отношение к кому-н., предполагает содействие (*доброжелательный, доброжелательство, доброжелатель*),
- чувство к кому-н., страстное, неконтролируемое, очень сильное, предполагает желание, влечение (*вожделение, вожделенный, вожделеть*),
- увлекающее, манящее (*влечь*),
- чувство к кому-н., предполагает склонность к кому-л. (*влечение*),
- манящее кого-н., увлекающее кого-н. (*завлечь*),
- чувство, непостоянное, недолгое (*увлечь, увлечься, увлечение*),
- чувство, глубокое, эмоциональное, заключается в привязанности, предполагает направленность мыслей к кому-н., расположение к кому-н., стремление быть рядом с кем-н. физически, сильное, предполагает предмет любви, искреннее, самоотверженное (*любовь, любить*).

Со словом *любовь* выявлены многочисленные паремии, анализ которых также пополняет состав когнитивных признаков исследуемого концепта:

- страх разрушает чувство (*Всяк страх изгоняет любовь*),
- может приносить горе, несчастье (*Где любовь, там и напасть; Полюбив, нагорюешься*),
- предполагает согласие (*Где любовь, там и совет*),
- основано на совести (*Где совестно, там и любовно*),
- дается Богом (*Где любовь, тут и бог; Бог – любовь*),
- церковное венчание еще не гарантирует любовь (*Крестом любви не свяжешь*),
- предмет любви может меняться (*Лакома овца к соли, коза к воле, а девушка к новой любви*),
- имеет внешнее проявление (*Любви, огня да кашля от людей не спрячешь*),
- заметно окружающим (*Любви, огня да кашля от людей не спрячешь*),
- начинается со взгляда (*Любовь начинается с глаз; Глазами влюбляются*),
- трудно избавиться, сильное чувство, быстро не проходит (*Любовь не пожар, а загорится – не потушишь*),
- длительное (*Любовь – кольцо, а у кольца нет конца*),
- предмет любви может быть необъясним (*Любовь зла, полюбит и козла*),
- нерациональное чувство (*Любовь слепа; Любовь ни зги не видит*),

- высшая ценность (*Нет ценности супротив любви*),
- основано на одинаковых привычках (*Равные обычаи – крепкая любовь*),
- может приносить горе, несчастье (*У моря горе, у любви вдвое*),
- может быть в любом возрасте (*Люби все возрасты покорны*),
- может быть поверхностной, легкомысленной (*Крутить любовь*),
- нельзя заставить полюбить (*Бояться себя заставишь, а любить не принудишь*),
- может привести к гибели (*И любишь, да губишь*),
- можно разрушить (*Кабы люди не сманили, и теперь бы любила*),
- любовь и критика неразделимы (*Кого журят, того и любят; Кого журю, того люблю*),
- любимого человека бьют (*Кто кого любит, тот того и бьет; Кого люблю, того и бью*),
- любовь к девушкам приносит мучения, любовь к молодым женщинам приносит успокоение (*Кто любит девушек – на мученье души; кто любит молодухек – на спасенье души*),
- предполагает ответное чувство, взаимность (*Любила, а ничем не подарила*),
- предполагает физические столкновения (*Любит (люби), как душу, а трясет (тряси), как грушу*),
- любовь может быть ложной (*Любит, как волк овцу; Любит и кошка мышку*),
- переживание за других (*Любить – чужое горе носить, не любить – свое сокрушить!*),
- трудное чувство (*Любить тяжело; не любить тяжело того*),
- предполагает внимание (*Любить хоть не люби, да почаще взглядывай!*),
- бывает разная (*Мать дитя любит, и волк овцу любит*),
- приносит радость (*Милее всего, кто любит кого*),
- любовь и горе приходят к каждому (*Нельзя не любить, да нельзя и не тужить*),
- предполагает терпение и огорчения (*От того терплю, кого больше люблю*),
- любить надо молодых (*Пей вино, да не брагу; Люби девку, а не бабу*),
- оставляет длительные воспоминания (*Старая любовь долго помнится; Люби, да помни*),
- предметом любви может быть не лучший человек (*Полюбится сова лучше ясного сокола*),
- у любящего теплая рука (*Тепла рука у милого, так любит*),
- любить трудно, не видется с предметом любви мучительно (*Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не видит его*),

– любить трудно, а не любить – еще мучительнее (*Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не любит никого*),

– чувство к чужому мужу губительно (*Чужого мужа полюбить – себя погубить*),

– непостоянное чувство (*Цвели цветики, да поблекли; любил молодец красну девицу, да покинул*).

Отмечаем широкую языковую объективацию концепта *эмоциональная привязанность* – 39 лексем; таким образом, номинативное поле концепта довольно объемное. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в паремиях встречаются далеко не все слова, репрезентирующие концепт «эмоциональная привязанность», – это лишь лексемы «любовь», «любить», «влюбиться». Остальные единицы номинативного поля концепта «эмоциональная привязанность» в пословицах и поговорках не встретились, то есть имеют нулевую фразеологическую активность. Однако в составе одной из поговорок была обнаружена имеющая в словаре помету «просторечие» лексема «втюриться», которая не была выявлена в ходе лексикографического анализа: *Втюрился, как рожей в лужу*.

Концепт может быть описан как полевая структура – в терминах ядра и периферии. На следующем этапе исследования был рассчитан индекс яркости каждого из выделенных когнитивных признаков как отношение количества актуализаций данного признака в лексемах, фразеологизмах и паремиях к общему числу проанализированных лексем, фразеологизмов и паремий (86 единиц).

На основании относительной яркости когнитивных признаков была проведена полевая стратификация концепта «эмоциональная привязанность» и выделены его ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия.

В **ядро** концепта вошли следующие признаки: чувство к кому-н. (0,19), предполагает влечение (0,13), сильное (0,10).

На **ближней периферии** находятся признаки: доброжелательное отношение (0,08), непостоянное (0,06) страстное (0,06).

К **дальней периферии** относятся признаки: симпатия к кому-н. (0,04), интенсивность (0,04), хорошее отношение к кому-н. (0,04), очень сильное (0,04), искреннее (0,04), эмоциональное (0,04), возникает внезапно (0,04), может принести горе, несчастье (0,04), предполагает предмет любви (0,03), чувственное (0,03), неконтролируемое (0,03), предполагает желание (0,03), предполагает физические столкновения (0,03), глубоко радуется, приносит радость (0,03), потребность в ком-н. (0,03), благосклонность к кому-н. (0,02), доброжелательное отношение (0,02), увлекающее человека (0,02), предполагает согласие (0,02), манящее кого-н. (0,02) предполагает склонность к кому-л. (0,02), может побуждать к чему-н. (0,02), глубокое (0,02), начинается со взгляда (0,02), предполагает направленность мыслей к кому-н. (0,02), предполагает стремление быть рядом с кем-н. физически (0,02), страстно ожидаемое (0,02), оставляет длительные воспоминания (0,02),

стремление к близости к кому-н. (0,02), самоотверженное (0,02), предполагает ссоры (0,02), основано на верности по отношению к кому-н. (0,02), постоянное (0,02), предполагает терпение к недостаткам (0,02), недолгое (0,02), заключается в привязанности (0,02), основано на преданности (0,02).

К крайней периферии относятся признаки: предполагает любовные похождения (0,01), предполагает ухаживания (0,01), предполагает содействие (0,01), временная влюбленность (0,01), можно заставить влюбиться (0,01), предполагает расположение к кому-н. (0,01), разрушает чувство страха (0,01), основано на совести (0,01), дается Богом (0,01), церковное венчание еще не гарантирует любовь (0,01), предмет любви может меняться (0,01), имеет внешнее проявление (0,01), заметно окружающим (0,01), трудно избавиться (0,01), быстро не проходит (0,01), длительное (0,01), предмет любви может быть необъясним (0,01), нерациональное чувство (0,01), высшая ценность (0,01), основано на одинаковых привычках (0,01), основополагающее чувство человека (0,01), может быть в любом возрасте (0,01), может быть легкомысленным и поверхностным чувством (0,01), нельзя заставить полюбить (0,01), может привести к гибели (0,01), можно разрушить (0,01), неразделимо с критикой (0,01), любимого человека бьют (0,01), любовь к девушкам приносит мучения (0,01), любовь к молодым женщинам приносит успокоение (0,01), предполагает ответное чувство, взаимность (0,01), предполагает благодарность (0,01), может быть ложным (0,01), переживание за других (0,01), предполагает трудности (0,01), предполагает внимание (0,01), бывает разная (0,01), любовь и горе приходят к каждому (0,01), предполагает терпение и огорчения (0,01), любить надо молодых (0,01), предметом любви может быть не лучший человек (0,01), у любящего теплые руки (0,01), любить трудно (0,01), не видятся с предметом любви мучительно (0,01), любить трудно, а не любить – еще мучительнее (0,01), чувство к чужому мужу губительно (0,01), может быть несколько предметов любви (0,01), чувство любви можно внушить (0,01), привязанность (0,01), может быть страстной (0,01), мгновенно проявляющееся (0,01), душевный подъем (0,01), предполагает стремление к кому-н. или стремление сделать что-н. (0,01), предполагает благоприятное отношение к кому-н. (0,01).

Также был высчитан совокупный индекс яркости отдельных зон концепта:

ядро – 0,42;

ближняя периферия – 0,20;

дальняя периферия – 0,97;

крайняя периферия – 0,54.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что все зоны концепта различаются по яркости, при этом ближняя периферия имеет наименьшую яркость. Яркость ядра сравнительно невелика, а наиболее яркими оказываются зоны дальней и крайней периферии, что свидетельству-

ет о значительной субъективности концепта в сознании носителей языка. Также обращает на себя внимание тот факт, что большинство концептуальных признаков, находящихся на крайней периферии, выделены преимущественно из паремий, большинство из которых в современном языке не употребляется. Заметная совокупная яркость признаков дальней и крайней периферии концепта свидетельствует о том, что большая часть когнитивных признаков концепта при их объективации в языковых единицах находит актуализацию лишь в немногочисленных единицах номинативного поля, и, следовательно, эти когнитивные признаки не являются существенными для исследуемого концепта в языковом сознании народа и, возможно, не являются коммуникативно релевантными. Данные признаки требуют верификации контекстуальным или психолингвистическим анализом.

Отметим, что по лексикографическим данным концепт «эмоциональная привязанность» выступает как неочеченный концепт, что находится в определенном противоречии с эмпирическими представлениями носителей языка. В связи с этим лексикографический анализ концепта следует признать недостаточным, результаты должны быть дополнены контекстуальным анализом единиц номинативного поля в контекстах разных жанров, а также психолингвистическим анализом единиц номинативного поля.

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – 7-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, 1999.

В.В. Колесникова

Кубанский государственный технологический университет

**Лингвопоэтическое описание художественного концепта:
концептуальный анализ
(на примере концепта «душа» в произведениях Б. Пастернака)**

Художественный концепт – универсальный элемент системы смысла художественного текста, поэтому художественный концепт является объектом анализа в лингвопоэтическом описании текста (Проскуряков 2000, с. 12). Лексический уровень художественного текста играет особую роль в выражении его смысла. Это позволяет определить слово как «базовую единицу, эксплицирующую концепт, обращенную к композиционно-тематической структуре речевого произведения и наделенную определенными лексикосистемными и функциональными свойствами» (там же).

В лингвистике существует два основных подхода, определяющие направление концептуального анализа и методики его проведения:

«отсистемный», заключающийся в лексикографическом описании ключевых слов – экспликаторов концепта, а также в контекстном анализе функций и отношений между экспликаторами, и «оттекстовый» – анализ концепта в тексте. Исследование художественного концепта происходит в рамках «оттекстового» подхода, поэтому определение концептуального анализа как «метода исследования, предполагающего *выявление концептов, моделирование их* на основе концептуальной общности средств их лексической репрезентации в узусе и тексте и *изучение концептов* как единиц концептуальной картины мира языковой личности автора, ”стоящего за текстом“» (Болотнова 2003, с. 83) оказывается наиболее подходящим.

В нашем исследовании «оттекстовый» подход представляет большой интерес, так как анализ художественного концепта «душа» производится на основе текстового материала – поэзии и прозы Б. Пастернака. Л.Г. Бабенко предлагает такую методику концептуального анализа: «...во-первых, выявление набора ключевых слов текста, во-вторых, описание обозначаемого ими концептуального пространства, в-третьих, определение базового концепта (концептов) этого пространства» (Бабенко и др. 2000, с. 85).

При разработке методики концептуального анализа художественного концепта, реализованного в того или иного рода художественном тексте, для нас теоретически значимым явилось предположение о том, что текстовое структурирование художественного концепта связано с тремя уровнями, выделение которых практикуется в современной семиотике при исследовании знаковых систем:

- 1) с уровнем синтактики (синтактика содержит валентностные характеристики единиц);
- 2) с уровнем семантики, связанным с содержательной стороной выделенных единиц;
- 3) с уровнем прагматики, позволяющем рассматривать знак в его «обращенности» к системе ценностей (Воробьев 1997, с. 68-69).

Как показал анализ текстового материала (произведений Б. Пастернака), уровень синтаксического развертывания художественного концепта представлен текстовыми образованиями функционального характера, которые нами рассматриваются в качестве таких функциональных единиц, как синтагматический ряд – сочетания художественного слова-концепта «душа» с прилагательными, наречиями, предикатами. В произведениях Б. Пастернака слово-концепт «душа» представлено в многообразии сочетаний, каждое из которых, благодаря связям с другими единицами, способствует образованию дополнительных лексических значений в индивидуальном стиле автора.

В рамках художественного текста слово-концепт «душа» приобретает максимальную семантическую многоплановость. В семантической структуре произведений Б. Пастернака слово *душа* приобретает значимость концепта, поскольку особый смысл, вкладываемый автором в это слово, дале-

ко выходит за рамки его общепринятого понимания. Выделенные единицы участвуют в создании индивидуально-авторских смысловых комплексов, интерпретация которых является одной из основных задач анализа идiosферы художественного концепта на уровне семантики.

Исследование прагматического уровня языковой реализации художественного концепта «душа» позволяет определить его ценностные характеристики – место в языковой картине мира Б. Пастернака, индивидуально-авторское отношение к явлениям, о которых говорится в поэтических текстах, в прозе, а также субъективную оценку, которая реализуется в контексте произведений. В.И. Карасик подчеркивает важную роль «ценностно-оценочного» компонента в структуре художественного концепта: «Оценка является характеристикой явления в рамках культуры, отражает ценностные ориентиры общества, культуры определенного этноса» (Карасик 2004, с. 157).

Необходимо отметить, что для анализа художественного концепта «душа» в нашей работе мы также придерживались теоретических положений одного из путей концептуального анализа, предложенного З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. Это «оттекстовый» путь анализа, который специально применяется для исследования концептов, реализованных в того или иного рода текстах. Для анализа художественного концепта учеными рекомендуется следующее: «Выбирается ключевое слово (имя заданного концепта). Затем на материале разработанных текстов составляется картотека примеров с этим словом и выявляется весь круг лексической сочетаемости этого слова. Подобный анализ классов слов, с которыми сочетается ключевое слово, позволяет установить важнейшие черты соответствующего концепта» (Попова, Стернин 2001, с. 14-15).

Ключевым словом в нашем исследовании является слово *душа* – имя художественного концепта. На материале текстов Б. Пастернака (поэзии и романа «Доктор Живаго») нами была составлена картотека примеров со словом *душа*. Это позволило не только выделить основные сочетательные особенности художественного концепта, но и установить индивидуально-авторские дефиниции в употреблении слова *душа*. Их описание позволило понять особенности мировидения писателя. Затем нами были рассмотрены парадигматические и синтагматические связи лексемы *душа*, выявлено высокое число валентностей и сильный обобщающий потенциал художественного концепта «душа» в поэтическом творчестве Б. Пастернака.

Итак, изучение художественного текста в рамках когнитивной парадигмы, специфику которой составляет высокая степень антропоцентризма, дает возможность: 1) установить закономерности художественного мышления и воображения того или иного автора; 2) репрезентировать фрагменты концептуальной картины мира писателя, определить место в ней данного художественного концепта; 3) составить модель художественного концепта, воплощенного в творчестве писателя/поэта, учитывая индивидуальный

уровень семантических представлений, связанных с данным художественным концептом. Лингвопоэтическое описание художественного концепта помогает осуществить концептуальный анализ, путь и методику которого лингвист выбирает в соответствии с целями своего исследования.

Бабенко Л.Г., Васильева И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 534 с.

Болотнова Н.С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 3-4. – 276 с.

Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1997. – 160 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – 192 с.

Проскуряков М.Р. Концептуальная структура текста: лексико-фразеологическая и композиционно-стилистическая экспликация: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2000. – 36 с.

А.С. Куркина

Воронежский государственный университет

Регулятивность коммуникативной личности

А.П. Чехова

(по письмам к братьям 1875–1897 годов)

Регулятивность – это стремление в общении к модификации поведения собеседника (Лемяскина 2000, с. 36). Для коммуникативной личности А.П. Чехова характерна высокая степень регулятивности. Писателя не просто интересуют моральный, социальный, духовный аспекты личности адресата, он, так или иначе, активно воздействует на адресата с целью совершенствования каких-либо сторон его личности, изменения мировоззрения, образа жизни или профессиональной деятельности собеседника.

Самыми распространенными речевыми жанрами при общении с разными категориями адресатов выступают жанры побуждения к индивидуальной или совместной деятельности и побуждения (призыва) к совершенствованию писательского мастерства.

Наиболее ярко регулятивная сторона коммуникативной личности А.П. Чехова проявляется в общении с братьями Александром и Николаем. Назовем ее основные признаки.

1. Стремление к открытому нравоучению и морализаторству (вертикальное доминирование в разговоре, силовой стиль общения).

Эту черту своей коммуникативной личности писатель осознавал. В одном из писем своему адресату А.П. Чехов, шутя над собой, пишет:

«Читайте мне мораль и не извиняйтесь. Ах, если б Вы знали, как часто в своих письмах я читаю мораль молодым людям! Даже в привычку вошло. У меня фразы длинные, размазанные, а у Вас коротенькие. У Вас лучшие выходит» (А.С. Суворину) (т. 3, с. 105).

Стремление А.П. Чехова к морализаторству ярче всего просматривается в ранних письмах братьям Николаю и Александру Чеховым (с 1879 г. по 1888 г.). Несмотря на то, что братья старше Антона Павловича, писатель нередко доминирует в общении с ними, демонстрируя позицию более опытного и мудрого человека. В 1886 году тенденция писателя к морализаторству проявляется наиболее ярко. А.П. Чехов пишет 4 серьезных письма-поучения (нравоучения): три – брату Александру и одно – Николаю, в которых пытается воздействовать на их поведение, отношение к людям и к жизни.

При этом в речевом поведении А.П. Чехова проявляется отсутствие компромиссов, используется тактика давления и подчинения адресата своей позиции. Писатель дает критическую оценку действиям собеседника, разъясняет «истину» через воплощение в наглядном примере (нередко в качестве примера предлагает свою модель поведения).

В письмах братьям А.П. Чехов использует категорические императивы, многочисленные речевые формулы прямого поучения и назидания: *«помни», «помни каждую минуту», «так помни же», «помятуй», «уважай ты себя, ради Христа», «старайся быть...», «не бойся показаться...», «берегись...», «не употребляй...», «пиши и бди на каждой строке»; «бди, блюди и пыхти»* и т. д.

2. Склонность к созданию объемных и информативных поучающих текстов.

«Письма-поучения» А.П. Чехова братьям информативно весьма насыщены. Он развернуто излагает этические императивы, приводит много оценочных высказываний в адрес собеседника. Для писателя характерно многословие и пристрастие к детальному анализу действий адресата:

«Сейчас Николка сунул мне на прочтение твое письмо. Вопрос о праве «читать или не читать», за неимением времени, оставим в стороне. <...> Благовидности и обстоятельности ради прибегну к рамкам, к системе: стану по ниточкам разбирать твое письмо, от «а» до ижицы включительно. Я критик, оно – произведение, имеющее беллетристический интерес. Право я имею как прочитавший. Ты взглянешь на дело как автор – и все обойдется благополучно. Кстати же, нам пишущим, не мешает по-пробовать свои силишки на критиканстве. Предупреждение необходимо: суть в вышеписанных вопросах, только; буду стараться, чтобы мое тол-

кование было по возможности лишено личного характера» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 53).

3. Категоричность и резкость суждений при оценке.

«Что Николка неправ – об этом и толковать не стоит. Он не отвечает не только на твои письма, но даже и на деловые письма; невежливее его в этом отношении я не знаю никого другого. <...> Балалаечней нашего братца трудно найти кого другого. И что ужаснее всего – он неисправим...» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 53-59).

«Я на тебя не шутя сердился и уехал сердитым, в чем и каюсь теперь перед тобой. В первое же мое посещение меня оторвало от тебя твое ужасное (выделено А.П. Чеховым. – А.К.), ни с чем не сообразное обращение с Н<атальей> А<лександровной> и кухаркой. Прости меня великодушно, но так обращаться с женщинами, каковы бы они ни были, недостойно порядочного и любящего человека. Какая небесная и земная власть дала тебе право делать из них своих рабынь? Постоянные ругательства самого низменного сорта, возвышение голоса, попреки, капризы за завтраком и обедом, вечные жалобы на жизнь каторжную и труд анафемский – разве всё это не есть выражение грубого деспотизма? Как бы ничтожна и виновата ни была женщина, как бы близко она не стояла к тебе, ты не имеешь права сидеть в ее присутствии без штанов, быть в ее присутствии пьяным, говорить слова, которых не говорят даже фабричные, когда видят около себя женщин. Приличие и воспитанность ты считаешь предрассудками, но надо ведь щадить хоть что-нибудь, хоть женскую слабость и детей – щадить хоть поэзию жизни, если с прозой уже покончено» (Ал.П. Чехову) (т. 3, с. 120-121).

4. Использование прямых апелляций как способа воздействия на адресата в письмах-поучениях.

Наиболее часто писатель прибегает к следующим приемам:

– апелляция к классическому университетскому образованию адресата, которое не должно позволять ему поступать неправильно:

«Вам дано было классическое образование, между тем Вы ведете себя так, будто получили образование реальное. Прошу Вас опомниться» (Ал.П. Чехову) (т. 6, с. 344-345);

«Еще раз ради аллаха! ... Что для других опасно, то для университетского человека может быть только предметом смеха, снисходительного смеха, а ты сам всей душой лезешь в трусы!» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 177-178);

«Милый мой, да ведь нужно же долги платить! Нужно (выделено А.П. Чеховым. – А.К.) во что бы то ни стало, хотя бы армяшкам, хотя ценою голодухи... Если университетские и пишущие люди видят в долгах страдания, то что же остается остальным?» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 229).

– апелляция к таланту и прекрасным душевным качествам адресата как не позволяющим поступать неправильно:

«Деспотизм преступен трижды. <...> Для тебя не секрет, что небеса одарили тебя тем, чего нет у 99 из 100 человек: ты по природе бесконечно великодушен и нежен. Поэтому с тебя и спросится в 100 раз больше» (Ал.П. Чехову) (т. 3, с. 120-122);

«Ты прекрасный стилист, много читал, много писал, понимаешь вещи также хорошо, как и другие их понимают, – и тебе ничего не стоит написать брату (Николаю. – А.К.) хорошее слово. ...Ты на это способен... Ведь ты остроумен, ты реален, ты художник. (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 53-59).

– апелляция к собственному поведению как образцовому:

«Хорош был бы я, если бы надел на Зембулатова дурацкий колпак за то, что он незнаком с Дарвиным!» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 53-59);

«И к чему делать долги? Прости за этот сытый вопрос, но, ей богу, он не нотация. Ведь без долгов легко обойтись. Я по себе сужу, а на моей шее семья, к<ото>рая гораздо больше твоей, и провизия в Москве в 10 раз дороже, чем у вас» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 229);

«А я бы на твоём месте, будь я семейный, никому бы не позволил не только свое мнение, но даже и желание понять. Это мое «я», мой департамент, и никакие сестрицы не имеют права (прямо-таки в силу естественного порядка) совать свой, желающий понять и умилиться нос! Я бы и писем о своей отцовской радости не писал... Не поймут, а над манифестом посмеются – и будут правы. Так-то...». (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 53-59).

5. Тенденция к вербальному формулированию правил поведения в общении с братьями.

В поучительных письмах братьям А.П. Чехов очень часто прибегает к формулировкам правил этического, эстетического, морального и нравственного поведения человека. Эти правила писатель формулирует при помощи:

– генерализованных высказываний:

«Когда у мужа и жены нет денег, они прислуги не держат – это обыкновенное правило...» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 229);

«Всякий имеет право жить с кем угодно и как угодно – это право развитого человека ...» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 53-59);

«Лучше не любить, чем любить деспотической любовью. Ненависть гораздо честнее любви Наср-Эддина, который своих горячо любимых персов то производит в сатрапы, то сажает на колы» (Ал.П. Чехову) (т. 3, с. 122);

«... кто мнит себя виноватым, тот всегда ищет себе оправдания извне: пьяница ссылается на горе, Пулята на цензуру, убегающий с Якиманки ради блуда ссылается на холод в зале, на насмешки и проч.» (Н.П. Чехову) (т. 1, с. 221-225);

«Ни один порядочный муж или любовник не позволит себе говорить с женщиной <...> грубо, анекдота ради иронизировать постельные отношения <...>. Это развращает женщину и отдаляет ее от бога, в которого она верит. Человек, уважающий женщину, воспитанный и любящий не позволит себе показаться горничной без штанов, кричать во всё горло: «Катя, подай урыльник!»... (т. 3, с. 121);

«...в человеке величаем мы не человека, а его достоинства, именно то божеское начало, которое он сумел развить в себе до высокой степени» (М.Е. Чехову) (т. 2, с. 18-19);

В письме брату Николаю А.П. Чеховым составлен даже своеобразный «моральный кодекс» для интеллигентного человека с большим количеством генерализованных высказываний:

«Дело в том, что жизнь имеет свои условия... Чтобы чувствовать себя в своей тарелке в интеллигентной среде, чтобы не быть среди нее чужим и самому не тяготиться ею, нужно быть известным образом воспитанным... <...> Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять следующим условиям:

1) *Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... <...>.*

2) *Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом. <...>.*

3) *Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.*

4) *Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам, они чаще молчат.*

5) *Они не унижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздыхали и нянчились с ними. Они не говорят: «Меня не понимают!» или: «Я разменялся на мелкую монету! Я б<...>!!», потому что всё это бьет на дешевый эффект, пошло, старо, фальшиво...*

6) *Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями, рукопожатие пьяного Плевако, восторг встречного в Salon'e, известность по портерным... <...>.*

7) *Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом. <...> К тому же они брезгливы...*

8) *Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинкт... <...> Им нужны от жен-*

щины не постель, не лошадиный пот, <...> не ум, выражающийся в умение надуть фальшивой беременностью и лгать без усталости... Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть не <...>, а матерью... Они не трескают походя водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи. Пьют они только, когда свободны, при случае... Ибо им нужна *mens sana in corpore sano* (здоровый дух в здоровом теле (лат.)). – А.К.).

И т.д. Таковы воспитанные... Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно прочесть только Пикквика и вызубрить монолог из «Фауста». Недостаточно сесть на извозчика и поехать на Якиманку, чтобы через неделю удрать оттуда... Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час... Поездки на Якиманку и обратно не помогут. Надо смело плюнуть и резко рвануть... Иди к нам, разбей графин с водкой и ложись читать... хотя бы Тургенева, которого ты не читал... <...> Самолюбие надо бросить, ибо ты не маленький... 30 лет скоро! Пора! Жду... Все мы ждем... Твой А. Чехов» (Н.П. Чехову) (т. 1, с. 221-225).

– императивов:

«Ты знаешь, что ты прав, ну и стой на своём, как бы ни писали, как бы ни страдали... В (незаискивающем) протесте-то и вся соль жизни, друг» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 53-59);

«В отношениях с людьми побольше искренности и сердца, побольше молчания и простоты в обращении. Будь груб, когда сердит, смейся, когда смешно, и отвечай, когда спрашивают!» (Ал.П. Чехову) (т. 3, с. 27);

«Кстати об эстетике. Извини, голубчик, но будь родителем не на словах только. Вразумляй примером. Чистое белье, перемешанное с грязным, органические останки на столе, гнусные тряпки, супруга с буферами наружу и с грязной, как Конторская улица, тесемкой на шее... – всё это погубит девочку в первые же годы. На ребенка прежде всего действует внешность» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 88-89);

«В самом деле, если твой Николай туповат в науках, то помалости приспособляй его к художествам и ремеслам. Учи его не только рисовать, но и чертить. Вооружи его также хорошим почерком. Во всяком разе иметь надо в виду ближайшую цель: кусок хлеба. На папеньку-то ведь и на дядюшек надежда плохая» (Ал.П. Чехову) (т. 5, с. 238).

– выражений с модальной окраской:

«Не следует унижать людей – это главное. Лучше сказать человеку «мой ангел», чем пустить ему «дурака», хотя человек более похож на дурака, чем на ангела» (М.Е. Чехову) (т. 2, с. 18-19).

«Милый мой, да ведь нужно же долги платить! Нужно (выделено А.П. Чеховым. – А.К.) во что бы то ни стало, хотя бы армяшкам, хотя ценою голодухи... Если университетские и пишущие люди видят в долгах страдания, то что же остается остальным?» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 229);

«Дети святы и чисты. Даже у разбойников и крокодилов они состоят в ангельском чине. Сами мы можем лезть в какую угодно яму, но их должны окутывать в атмосферу, приличную их чину. Нельзя безнаказанно похабничать в их присутствии, оскорблять прислугу или говорить со злобой Н<аталье> А<лександровне>: «Убирайся ты от меня ко всем чертям! Я тебя не держу!» Нельзя делать их игрушкой своего настроения: то нежно лобызать, то бешено топтать на них ногами» (Ал.П. Чехову) (т. 3, с. 121-122);

«Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожество. Не смешивай «смиряться» с «сознавать свое ничтожество» (М.П. Чехову) (т. 1, с. 29).

6. Стремление к смягчению поучительной и категоричной тональности общения после завершения нравоучения.

После нравоучений или параллельно с ними А.П. Чехов, как правило, предпринимает некоторые меры по смягчению тональности общения и нивелированию напряженности в разговоре с адресатом. Писатель использует следующие коммуникативные приемы:

– призывы к адресату быть великодушным и не сердиться на адресанта за мораль:

«Не сердись за мораль. Пишу тебе, ибо мне жалко, досадно... Писака ты хороший, можешь заработать вдвое, а ешь дикий мед и акриды... в силу каких-то недоразумений, сидящих у тебя в черепе...» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 177-178);

«Будь великодушен и считай недоразумение поконченным. Если ты прямой и не хитрый человек, то не скажешь, что это письмо имеет дурные цели, что оно, например, оскорбительно и внушено мне нехорошим чувством. В наших отношениях я ищу одной только искренности. Другого же мне ничего больше не нужно. Нам с тобой делить нечего. Напиши мне, что ты тоже не сердишься и считаешь черную кошку не существующей» (Ал.П. Чехову) (т. 3, с. 120-122).

– напоминание адресату о его достоинствах:

«Уверяю тебя, что как брат и близкий тебе человек я тебя понимаю и от всей души тебе сочувствую... Все твои хорошие качества я знаю, как свои пять пальцев, ценю их и отношусь к ним с самым глубоким уважением. Я, если хочешь, в доказательство того, что понимаю тебя, могу даже перечислить эти качества. По-моему, ты добр до тряпичности, великодушен, не эгоист, поделяешься последней копеечкой, искренен; ты чужд зависти и ненависти, простодушен, жалеешь людей и животных, не ехиден, не злопамятен, доверчив... Ты одарен свыше тем, чего нет у других: у тебя талант. Этот талант ставит тебя в обособленное положение: будь ты жабой или тарантулом, то и тогда бы тебя уважали, ибо таланту всё прощается. Недостаток же у тебя только один. В нем и твоя ложная

почва, и твое горе, и твой катар кишок. Это – твоя крайняя невоспитанность. Извини, пожалуйста, но veritas magis amicitiae (истина дороже дружбы (лат.). – А.К.)» (Н.П. Чехову) (т. 1, с. 222-223).

7. Многочисленность коротких шуточных поучений и наставлений «мимоходом» (вне связи с контекстом письма).

Кроме писем, написанных А.П. Чеховым с явной целью поучать и наставлять своих братьев (особенно Александра), мы встречаем множество писем братьям иной целенаправленности, но почти всегда содержащих хотя бы несколько шуточно-наставительных фраз в начале, середине или чаще всего в конце письма при прощании.

Тональность речи в таких поучениях и наставлениях нарочито строгая. Писатель использует категорические императивы, модальные и генерализованные высказывания, речевые акты требования слушаться адресанта. А.П. Чехов шуточно демонстрирует в общении с братьями вертикальное доминирование (разговаривает с ними как старший и более опытный с младшими), используя коммуникативную игру, в которой он обычно играет роль «отца-благодетеля». Поучая и наставляя адресата, А.П. Чехов открыто противопоставляет себя ему, призывает брать с него пример, демонстрирует свое «превосходство» в выражениях и подписях, явно дискредитирующих собеседника, а также апеллирует к авторитетному мнению третьего лица, которое негативно оценивает поведение адресата:

«Нада слушаться» (Ал.П. Чехову) (т. 2, с. 23);

«Веди себя хорошо» (Ал.П. Чехову) (т. 2, с. 241);

«Сегодня придет Маша, и я поговорю с ней насчет лета, а пока веди себя хорошенько, не воняй и не топчи сзади брюк! И ходи по гладкому! Твоей фамилии передай мое искреннее сожаление, что у нее такая глава. Твой благодетель А. Чехов» (Ал.П. Чехову) (т. 6, с. 128);

«Будь здоров и не будь утюгом. Помни, что ты обязан мне многими благодеяниями и что ты, как бы ни было, бедный родственник, который должен меня почитать, так как у меня собственное имение и лошади. У тебя же злыдни. К тому же у тебя слабость к спиртным напиткам. Исправься! Сожалеющий о тебе брат твой, собственник и полезный член общества А.Чехов» (Ал.П. Чехову) (т. 5, с. 292);

«Будь здоров, невредим, водки не пей, похоть удерживай, пиши передовые, а репортерство брось» (Ал.П. Чехову) (т. 3, с. 77);

«Детей пори. Пиши для «Будильника» (Ал.П. Чехову) (т. 2, с. 89);

«Не блуди, неблудим будеши, а ты блудишь. По животу бить можешь: медицина, возбраняя соитие, не возбраняет массажа» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 42);

«Кто в письмах к старшим позволяет себе глупые остроты, тот не заслуживает внимания. Надо трудиться и поменьше вообразать о своих мнимых достоинствах. И надо также брать пример со старших» (Ал.П. Чехову) (т. 6, с. 296);

«Я говорил про тебя Толстому, и он остался очень недоволен и упрекал тебя за развратную жизнь» (Ал.П. Чехову) (т. 6, с. 68).

8. Высокая доля активных побуждений братьев к творческой деятельности.

В одном из своих писем А.П. Чехов признается, что часто «вмешивается» в дела своего брата Николая, стимулируя его к творческой деятельности:

«Живет Николай у меня, пока очень степенно. Работает. Присылайте ему тем, но только через мои руки. Когда я вмешаюсь, то дела его идут живее» (Н.А. Лейкину) (т. 3, с. 13).

Коммуникативное поведение А.П. Чехова при побуждении брата Александра к писательской деятельности отличается экспрессивностью, многочисленностью речевых формул наставления, поучения и назидания в виде императивов и генерализованных высказываний. Писатель не просто упрекает брата в том, что он мало пишет, а настоятельно требует, чтобы тот взялся за перо. Вместе с этим А.П. Чехов призывает брата совершенствовать свой слог и быть ответственным за каждое написанное им слово:

«Отчего ты мало пишешь? Что за безобразие? У «Сверчка» и «Будильника» сплошная вакансия, а ты сидишь, сложил ручки и нюнишь, как Гершка, когда его во сне кусают блохи. Почему ленишься работать в «Осколки»? Все те рассказы, которые ты прислал мне для передачи Лейкину, сильно пахнут ленью. Ты их в один день написал? Из всей массы я мог бы выбрать один отличный, талантливый рассказ, остальное же всё достойно пера таганрогского Живчика» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 230-232);

«Но самое главное: по возможности бди, блюди и пыхти, по пяти раз переписывая, сокращая и проч., памятуя, что весь Питер следит за работой братьев Чеховых. <...> Помни же: тебя читают» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 177);

«Уважай ты себя, ради Христа, не давай рукам воли, когда мозг ленив! Пиши не больше 2-х рассказов в неделю, сокращай их, обрабатывай, дабы труд был трудом. Не выдумывай в рассказе страданий, которых не испытывал, и не рисуй картин, которых не видел, — ибо ложь в рассказе гораздо скучнее, чем в разговоре... Помни каждую минуту, что твое перо, твой талант понадобятся тебе в будущем больше, чем теперь, не профанируй же их... Пиши и бди на каждой строке, дабы не нафунтить... <...> Так помни же: копти над рассказами. Сужу по опыту» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 230-232).

С целью большего воздействия на адресата наряду с требованиями и критикой А.П. Чехов прибегает к различным апелляциям:

– апелляция к основной мотивации писательской деятельности – возможности заработать деньги:

«Пиши, набредешь на истинный путь. Лишний заработок окупит свою прелестью первые неудачи» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 88);

«Тебе нужно написать две-три пьесы. Это пригодится для детей. Пьеса – это пенсия» (Ал.П. Чехову) (т. 3, с. 164);

«Надо тебе сказать, что сотрудничество твое в «Осколках» будет далеко не лишним. Рабочие там нужны и Лейкин с удовольствием завозится с тобой. Пиши рассказы в 50-80 строк, мелочи *et caetera*... Посылай сразу по 5-10 рассказов..., сразу их напечатают. Плата великолепная и своевременная. Посылай сам в Питер. Главное: 1) чем короче, тем лучше, 2) идея, современность, *à propos*, 3) шарж любезен, но незнание чинов и времен года не допускается» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 63);

«Переводи мелочи. Мелочи можно переделывать на русскую жизнь, что отнимет у тебя столько же времени, сколько и перевод, а денег больше получишь». (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 45);

«А главное – папаше и мамаше кушать нада. Пиши. Мухи воздух очищают, а пьесы очищают нравы» (Ал.П. Чехову) (т. 3, с. 189).

– **апелляция к таланту адресата с параллельным сожалением, что он не реализуется:**

«Ты и в произведениях подчеркиваешь мелюзгу... А между тем ты не рожден субъективным писакой... Это не врожденное, а благоприобретенное... <...> Эх! Пропадает даром материал. Хоть бы в письмах его совал, подкураживал Николкину фантазию... Из твоего материала можно ковать железные вещи, а не манифесты. Каким нужным человеком ты можешь стать!» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 53-59).

– **апелляция к авторитетному мнению третьего лица:**

«Заключая сию мораль выдержкой из письма, которое я на днях получил от Григоровича: «для этого нужно: уважение к таланту, который дается так редко... берегите Ваши впечатления для труда обдуманного, обделанного, писанного не в один присест... Вы сразу возьмете приз и станете на видную точку в глазах чутких людей и затем всей читающей публики...». Другой великий авторитет, имя же ему Суворин, пишет мне: «Когда много пишешь, далеко не всё выходит одинаково хорошо». <...> Так помни же: копти над рассказами» (Ал.П. Чехову) (т. 1, с. 230-232).

9. Частотность кратких шутливых побуждений адресата к писательскому труду.

В письмах А.П. Чехова среди шутливых побуждений брата Александра к писательской деятельности чаще всего встречаются побуждения-угрозы и побуждения-снисхождения:

«Сегодня же напишу Суворину, чтобы он перестал тебя печатать, так как публика жалуется» (Ал.П. Чехову) (т. 6, с. 182);

«Для «Русской мысли» пиши, я попрошу, чтобы сжалились над тобой (жена, дети) и приняли твою статью; но я не буду в редакции говорить, что ты мне брат, а то неловко, подумают, что я простого звания» (Ал.П. Чехову) (т. 6, с. 361).

10. Допустимость грубых слов в шутливых побуждениях-упреках
«Отчего ты не работаешь в «Осколках»? Неужели ты уже так зазнался и возмечтал о себе, что даже и деньги тебе не нужны? Гандон ты такой!» (Ал.П. Чехову) (т. 2, с. 33).

Обобщая, можно утверждать, что вмешательство писателя в жизнь братьев рассматривается им как некий стимул для адресата совершить определенное усилие над собой. Верхняя граница регулятивности коммуникативной личности А.П. Чехова обозначается достаточно четко. Она особенно очевидна в аффективных речевых жанрах, то есть «жанрах, ориентированных на непосредственное воздействие на адресата» (Степанов 2005, с. 155).

Аффективность как один из компонентов речевого поведения писателя проявляется в письмах-поучениях через стремление к формулировкам нравственных и этических правил, широкое употребление генерализованных высказываний и к таким способам воздействия на адресата как прямые апелляции: 1) апелляция к общечеловеческим моральным и этическим нормам; 2) апелляция к таланту и прекрасным душевным качествам адресата как не позволяющим поступать неправильно; 3) апелляция к классическому университетскому образованию адресата, которое не должно позволять ему поступать неправильно; 4) апелляция к собственному поведению как образцовому; 5) апелляция к авторитетному мнению третьего лица.

В серьезных письмах-поучениях писатель наиболее часто апеллирует к университетскому образованию адресата и к собственному поведению как образцовому, а в шутливых поучениях – к авторитетному мнению третьего лица.

Наряду с высокой степенью аффективности писатель в речевом поведении с братьями ярко демонстрирует высокую степень императивности (побуждения к действию, поступку). Императивность выражается в категорической тональности речи писателя, многочисленных высказываниях с модальной окраской и широком употреблении императивов.

В рамках жанров поучения, нравоучения (назидания) А.П. Чехов демонстрирует позицию вертикального доминирования в общении с братьями. Для речевого поведения писателя в данном случае характерны тактика давления на адресата и подчинения его своей позиции, указание на невозможность компромиссов, разъяснение «истины» через воплощение в наглядном примере (нередко в качестве примера А.П. Чехов предлагает свою модель поведения), присвоение себе права на авторитетное слово.

Можно сделать вывод, что А.П. Чехов в письмах-поучениях и письмах-назиданиях своим братьям нарушает некоторые принципы бесконфликтной коммуникации:

а) критикует и осуждает собеседника, негативно оценивает его действия, тем самым изначально заставляет адресата обороняться и, возможно, занимать агрессивную позицию по отношению к адресанту;

б) нарушает коммуникативную симметрию (принижает личность собеседника);

в) подчеркивает разницу между собой и адресатом (не в пользу адресата).

Таким образом, стиль общения писателя с братьями можно определить как «силовой стиль» (Основы теории коммуникации 2007, с. 208), когда адресант (А.П. Чехов) – активный субъект, претендующий на избранность, а адресаты (братья) – объект воздействия. «Силовой стиль» в чеховских письмах братьям может быть выражен как в серьезной, так и в шутливой тональности. В современной теории коммуникации такой стиль общения носит определение «силового стиля».

Следует отметить, что А.П. Чехов в серьезных письмах-поучениях стремится к смягчению «силового стиля» общения обычно за счет самоиронии, апелляций к дружеским или родственным отношениям и призывов быть великодушным к адресанту и не сердиться на него.

Шутливая форма «силового стиля» в общении с братьями реализуется А.П. Чеховым обычно в коммуникативной игре «в отца благодетеля».

Прослеживается зависимость степени регулятивности речевого воздействия писателя от степени важности жизненных приоритетов, мировоззренческих позиций и интересов писателя. Чем значимей для самого А.П. Чехова та или иная деятельность или жизненная ценность, тем активнее и настойчивее он ее пропагандирует.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 12 томах. – М.: Наука, 1974. – Т. 1-6.

Лемякина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. – Воронеж, 2000. – 195 с.

Основы теории коммуникации: учебник / Под ред. проф. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2007. – 615 с.

Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 400 с.

Т.В. Михайлова
Волгоградский государственный университет

Лексема «catastrophy/e» в английском языковом сознании (по данным словарей)

Первым этапом исследования содержания концепта является определение ключевого слова концепта и анализ его значения по лексикографическим источникам.

Рассмотрим лексикологические сведения о семантике лексемы *catastrophy/e* в английском языке.

Впервые термин был использован в 1540 г. (<http://www.etymonline.com>). Лексема произошла от греческого «*katastrofn* – overturning, overthrowing, to upset, to overturn, to overthrow, to turn down», что означает «опрокидывать, ниспровергать, поражать». Данная лексема происходит от двух основ: «*sa-ta-*», означающая «down, downward, against, in accordance with, entirely, completely» – вниз, против, в согласии, полностью и «*-strophe*», означающая «turning, twisting, whirl, to turn, to twist» – поворот, кручение, рывок, завиток (Klein, с. 118).

Толковые словари английского языка дают следующие дефиниции лексемы «catastrophe»:

- 1) a great and usually a sudden and widespread disaster (Webster 1968, p. 106; Wehmeier 1996, p. 95; Little 1959, p. 274-275; Pearsall, Trubler 2006, p. 229);
- 2) any misfortune or failure, fiasco (Webster 1968, p. 106);
- 3) a disastrous end, ruins (Webster 1968, p. 106; Pearsall, Trubler 2006, p. 229);
- 4) the point in a drama following the climax and introducing the conclusion, a final event, generally unhappy – the denouement (Webster 1968, p. 106; Little 1959, p. 274-275; Pearsall, Trubler 2006, p. 229);
- 5) a sudden, violent disturbance of the earth (Webster 1968, p. 106);
- 6) very bad event or situation that happens and that may hurt a lot of people involved (Crawley, p. 94; Longman, p. 202);
- 7) smth. that causes great trouble (Crawley, p. 94);
- 8) a sudden and unexpected event that causes great suffering or damage, and destruction (Longman, p. 202; Hornby 1983, p. 90; Macmillan 2005, p. 211; Hawker 2006, p. 133; Collins 2003, p. 167);
- 9) a terrible event in which there is a lot of destruction or many people are injured or die (Longman, p. 202);
- 10) an event producing a subversion of the order or system of things (Little 1959, p. 274-275; Pearsall, Trubler 2006, p. 229);

11) a sudden and violent physical change – depression (Little 1959, p. 274-275);

12) used about an event that causes serious difficulty for a particular person or group of people (Macmillan 2005, p. 211).

Обобщая имеющиеся лексикографические данные, можно выделить следующие значения лексемы «catastrophe»:

1) огромное и обычно внезапное, широкомасштабное бедствие, землетрясение, которое может привести к разрушениям и ущербу, заставить людей страдать или привести к их ранению и даже смерти (объективировано в 9 словарях);

2) очень плохое событие, ситуация, в которой оказываются люди, неудача, провал, несчастье, которые причиняют горе, трудности человеку или группе людей и являются причиной внезапного и сильного физического и психического ухудшения состояния человека (объективировано в 5 словарях);

3) часть художественного произведения, которая следует после кульминации и предшествует заключению, содержащая описание негативного события, несчастья (объективировано в 3 словарях);

4) событие, которое нарушает привычный порядок хода вещей и ведет к негативным последствиям (объективировано в 2 словарях);

5) внезапное сильное физическое изменение, вызывающее депрессию (объективировано в 1 словаре).

Русско-английские словари дают следующие варианты перевода лексемы «катастрофа»:

1) f. – catastrophe, disaster, accident (Wheeler 1995, p. 565);

2) catastrophe, disaster (Hinton 2003, p. 431);

3) catastrophe, disaster, accident (Тайбе 1998, с. 195);

4) catastrophe, disaster, convulsion, catastrophism (Алексеев 1998, с. 195);

5) catastrophe, disaster, crash, disastrous effects (Смирницкий 1985, с. 236);

6) catastrophe, disaster (О'Брайан, p. 50, 95).

Русско-английские словари дают следующие варианты перевода лексемы «катастрофический»:

1) catastrophic, disastrous (Алексеев 1998, с. 195);

2) catastrophic(al), disastrous (Смирницкий 1985, с. 236).

Таким образом, русское слово «катастрофа» имеет следующие варианты перевода в английском языке: *catastrophe, disaster, accident, convulsion, crash, disastrous effects*; а «катастрофический» – *catastrophic(al), disastrous*.

Английское слово «catastrophe» имеет следующие варианты перевода в русском языке:

1) катастрофа, гибель, несчастье, развязка в драме, геологическая катастрофа (Мюллер 1995, с. 304);

2) катастрофа, несчастье, развязка (Аракин 1997, с. 88);

3) случай (Глазунов 1998, с. 55);

4) катастрофа, бедствие (Англо-русский словарь 1994, с. 55, 98);

5) катастрофа, бедствие, несчастье, беда, гибель, трагический исход, катаклизм, переворот, крутой перелом, развязка в драме, разрыв непрерывности (*матем.*) (Апресян 2002, с. 333);

6) катастрофа, гибель, несчастье, развязка (Мюллер 1997, с. 106);

7) катастрофа, бедствие, несчастье, беда, гибель, катаклизм, переворот, перелом, развязка (Апресян 1987, с. 264).

Таким образом, английскому слову «*catastrophe*» в русском языке соответствуют: *катастрофа, гибель, несчастье, развязка в драме, случай, бедствие, беда, трагический исход, переворот, крутой перелом, разрыв, катаклизм*, из чего следует вывод о том, что лексемы «катастрофа» и «*catastrophe*» многозначны как в русском, так и в английском языках.

При анализе словарей обнаружилось, что у лексемы «*catastrophe*» есть такие однокоренные слова, как:

1) сущ. *cataclysm* – (англ.) a sudden, violent disaster or event, that causes change, for example a flood or a war. – (рус.) это внезапное сильное бедствие, например, наводнение или война;

2) сущ. *catastrophism* – (англ.) the theory of catastrophes – (рус.) это теория катастроф (научная гипотеза о перерождении жизни из одного состояния в другое);

3) сущ. *catastrophist* – (англ.) a person, who follows the theory of catastrophes – (рус.) это человек, который придерживается теории катастроф (книжн.) (Klein 1971, p. 118; Little 1959, p. 274-275; Апресян 2002, с. 333; Апресян 1987, с. 264; Pearsall, Trumble 2006, p. 229);

4) прил. *catastrophic* – (англ.) bringing about ruin or misfortune, causing great sufferings – (рус.) нечто приносящее разрушения, несчастье, приводящее к несчастью и страданиям;

5) прил. *catastrophical* – (англ.) disastrous, widespread, causing a catastrophe. – (рус.) что-то бедственное, широкомасштабное, вызывающее катастрофу (Webster 1968, p. 106; Klein 1971, p. 118; Wheeler 1995, p. 565; Wehmeier 1996, p. 95; Longman, p. 202; Апресян 2002, с. 333; Мюллер 1997, с. 106; O'Brian, p. 50; Апресян 1987, с. 264; Hornby 1983, p. 90; Macmillan 2005, p. 211; Collins 2003, p. 167; Pearsall, Trumble 2006, p. 229);

6) наречие. *catastrophically* – smth. that costs very much – то, что очень дорого обходится (Webster 1968, p. 106; Klein 1971, p. 118; Longman, p. 202; Macmillan 2005, p. 211; Pearsall, Trumble, p. 229).

Таким образом, однокоренные с «*catastrophe*» лексемы представлены различными частями речи.

Что касается синонимов, то у слова «*catastrophe*» они следующие: *accident* – случай, *casualty* (редк.) – несчастный случай (Розенман 1999, с. 12-13; Коллинз 1999, с. 123), *calamity* – бедствие, *cataclysm* – катаклизм, *debacle* – катастрофа, *disaster* – беда (Мюллер 1997, с. 304), *misfortune* – беда, *misadventure* – несчастный случай, *misery* – страдание, горе, *affliction* – го-

ре, несчастье, бедствие, *denouement* – развязка (Девлин 2005, с. 60), *tragedy* – трагедия (Collins 2003, р. 154), *trial* – испытание, *tribulation* – страдание, беда (Webster 1968, р. 130), *ruin* – гибель, крушение (Hawker 2006, р. 133).

У прилагательного «catastrophic(al)» были выявлены следующие синонимы: *disastrous* – ужасный, *defeating* – поражающий, *overthrowing* – поражающий, *routing* – разрушительный (Webster 1968, р. 130).

Синонимический ряд, как мы видим, достаточно обширный как у существительного «catastrophe», так и у прилагательного «catastrophic(al)», что свидетельствует о широте их номинативных возможностей. Анализ значений членов синонимических рядов исследуемого слова методом синонимической семантической дифференциации позволяет выделить такие семантические признаки лексемы *catastrophe*, как: *причиняет разрушения, влечёт несчастья, беда, причиняет страдания и мучения, горе, это трагедия, ужасная, поражающая, разрушительная*.

У лексемы «catastrophe» выделяются также следующие антонимы: *benefit* – благодеяние, польза, *blessing* – благословение, *boon* – дар, благо, *comfort* – комфорт, *success* – успех (Мюллер 1997, с. 304), *benediction* – благословение, *favor* – благосклонность, *prosperity* – процветание, *privilege* – привилегия, *pleasure* – удовольствие, *happiness* – счастье (Девлин 2005, с. 60), *vistory* – перспектива, *triumph* – торжество (Webster 1968, р. 130; Hawker 2006, р. 133).

Анализ значений членов антонимического ряда исследуемого слова позволяет приемом семантической оппозиции выделить такие семантические компоненты слова *catastrophe*, которые указывают на то, чего человек может лишиться, если он столкнётся с катастрофой: *лишает всех благ, лишение комфорта, утрата успеха и процветания, лишение перспективы, потеря привилегий, лишение удовольствия и счастья*.

В словарях по отдельным отраслям науки и энциклопедиях были выявлены следующие значения слова «catastrophe»:

- 1) *ecological catastrophe* – экологическая катастрофа, гибель (Баринов 1997, с. 55; Столяров 1998, с. 175; Мамулян 2005, с. 127);
- 2) *accident* – несчастный случай, катастрофа (Никошкова 2006, с. 13);
- 3) *natural disaster* – природное бедствие (Столяров 1998, с. 175);
- 4) *environmental disaster* – экологическая катастрофа;
- 5) *man-made disaster* – антропогенная катастрофа;
- 6) *weather disaster* – погодная катастрофа;
- 7) *accident* – происшествие, авария, повреждение, катастрофа (Столяров 1998, с. 175; Жданова 1998, с. 743);
- 8) *technotronic catastrophe* – техногенная (технологическая) катастрофа;
- 9) *casualty* – авария, гибель людей, ущерб, потеря (Мамулян 2005, с. 126);
- 10) *computer disaster* – отказ, неисправность компьютера;

11) *weather-related disaster* – стихийное бедствие, вызванное атмосферными условиями;

12) *automobile accident* – автомобильная авария, *fatal accident* – фатальный случай, *flight accident* – авария самолёта, *industrial accident* – промышленная авария, *motor accident* – несчастный случай на мотоцикле, *road traffic accident* – дорожная авария (Горохов 2001, с. 6, 60, 59, 143; Жданова 2000, с. 9, 105; Мамулян 2005, с. 17);

13) *mining disaster* – катастрофа на шахте, *railway disaster* – железнодорожная катастрофа, *sea disaster* – морская катастрофа (Жданова 2000, с. 226; Мамулян 2005, с. 255), *disaster* – поражение (Никошкова 2006, с. 89);

14) *Chernobyl catastrophe* – чернобыльская катастрофа, *environmental catastrophe* – катастрофа в окружающей среде, *natural catastrophe* – природная катастрофа (Коваленко 2001, с. 104).

Приведённые словосочетания позволяют выделить такие семантические признаки лексемы «catastrophe», как: *бедствие, разрушение, в природе, на море, в сфере экологии, приводит к смертности, может вывести систему из строя, приводит к природным катаклизмам, может нанести ущерб экономике, результат стихийных бедствий, результат антропогенного влияния, может быть техногенной, влечёт повреждения, является случайностью, причиняет ущерб, на шахте, на дороге, на транспорте, на предприятии.*

Обобщая результаты лексикографического анализа семантики слова *catastrophe* и его однокоренных слов, синонимов, антонимов, терминов, можно следующим образом описать значения данной лексемы в английском языке (в скобках приводится количество словарей, в которых данная сема выявлена):

1. *Внезапное (12), неожиданное (12), широкомасштабное (13), разрушительное (13), стремительно нарастающее (4), неотвратимое (5), природное или техногенное бедствие (18), природный катаклизм (13), потоп (5), землетрясение (1), происходит в природе (8), на море (2), на шахте (2), на дороге (5), на транспорте (4), на предприятии (4),*

влечёт несчастья (17), смерть людей (4), причиняет огромный ущерб (5), огромные разрушения (13), влечёт повреждения (3), наносит ущерб экономике (2), лишает людей комфорта (1), лишает благ (1),

причиняет страдания и мучения (12), беда (6), трагедия (2), ужасная (2), причиняет горе (1).

2. *Плохое событие, которое причиняет страдания и мучения (12), лишает успеха и процветания (1), перспективы (2), привилегий (1), удовольствия и счастья (1),*

причиняет страдания и мучения (12), беда (6), это трагедия (2), ужасная (2), причиняет горе (1).

3. Бедствие (18), переворот (2), нарушает порядок или систему (2), выводит систему из строя (3), причиняет страдания и мучения (12), беда (6), это трагедия (2), ужасная (2), причиняет горе (1).

Остальные значения, выявленные методом обобщения словарных дефиниций толковых словарей, не подтверждаются как отдельные значения при анализе однокоренных слов, синонимов, антонимов, терминов, что означает, что они являются периферийными в семанте лексемы *catastrophe* в английском языке.

-
- Алексеев М.Н. Русско-английский геологический словарь. – М.: Руссо, 1998.
 Англо-русский словарь. – Кишинёв: Лумина, 1994.
 Апресян Ю.Д., Гальперин И.Р. Большой англо-русский словарь. – Том 1. – М.: Русский язык, 1987.
 Апресян Ю.Д. Новый большой англо-русский словарь. – Том 1. А-Ф. – М.: Русский язык, 2002.
 Аракин В.Д. Англо-русский словарь. – М.: Русский язык, 1997.
 Баринев С.М., Борковский А.Б., Владимиров В.А. Большой англо-русский политехнический словарь. – Том 1. – М.: Руссо 1997.
 Глазунов С.А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики / С.А. Глазунов. – М.: Русский язык, 1998.
 Горохов П.К. Англо-русский словарь по общественной и личной безопасности. – М.: Руссо, 2001.
 Девлин Джозеф. Словарь синонимов и антонимов английского языка. – М.: Центрполиграф, 2005.
 Жданова И.Ф. Англо-русский экономический словарь. – М.: Русский язык, 2000.
 Жданова И.Ф. Русско-английский внешнеторговый и внешнеэкономический словарь. – М.: Русский язык, 1998.
 Коваленко Е.Г. Англо-русский экологический словарь. – М.: ЭТС, 2001.
 Коллинз В. Выбор слов: словарь английских синонимов. – СПб, 1999.
 Мамулян А.С. Англо-русский полный юридический словарь. – М.: Эксмо, 2005.
 Мюллер В.К. Англо-русский словарь. – М.: Русский язык, 1995.
 Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – М.: Русский язык, 1997.
 Никошкова Е.В. Англо-русский словарь по психологии. – М.: Руссо, 2006.
 О'Брайен М.А. Русско-английский и англо-русский словарь. – М.: АСТ, 2003.
 Розенман А.И., Апресян Ю.Д. English-Russian dictionary of synonyms. – М.: Русский язык, 1999.
 Смирницкий А.И. Русско-английский словарь. – М.: Русский язык, 1985.
 Столяров Д.Е., Кузьмин Ю.А. Большой англо-русский политехнический словарь. – Том 1. А-Л. – М.: Руссо, 1998.
 Таубе А.М. Русско-английский словарь. – М.: Русский язык, 1998.
 Хидекель С.С. Русско-английский объяснительный словарь. – М.: АСТ, 2006.
 Collins H. Новый учебный словарь английского языка. – М.: АСТ, 2003.
 Crawley A. Oxford elementary learner's dictionary. – Oxford University Press, p.428.
 Hawker Sara. Compact Oxford dictionary and Thesaurus. – Oxford: OUP, 2006.
 Hinton Julie. English-Russian and Russian-English dictionary. – СПб: Зенит, 2003.
 Hornby A.S. Oxford Student's dictionary of current English. – Oxford: OUP, 1983.
 Klein's comprehensive etymological dictionary of the English language. – NY: Elsevier publishing company, 1971.

Little William. The shorter Oxford English dictionary. – V5. A-M. – Oxford: At the Clarendon Press, 1959.

Longman dictionary of contemporary English. – p. 1668.

Macmillan English dictionary for advanced learners. – Oxford, 2005.

Pearsall Judy, Trumble Bill. Oxford English reference dictionary. – Oxford: OUP, 2006.

The new Webster's Encyclopedic dictionary of the English language. – NY, Gramary Books, 1997.

Webster's new dictionary of synonyms. – USA: Massachusetts, Springfield, 1968.

Wehmeier Sally. Oxford word-power dictionary. – Oxford: OUP, 1996.

Wheeler Marcus. The Oxford Russian-English dictionary. – М.: Престиж, 1995.

<http://www.etymonline.com>.

А.Ю. Никитина

Чувашский государственный университет

им. И.Н. Ульянова

Языковая личность Екатерины II: лексико-семантические особенности

С конца XX – начала XXI века в лингвистике наблюдается постоянный рост интереса к личностному аспекту изучения языка. Современные исследователи речевой коммуникации все большее внимание уделяют изучению взаимосвязи и взаимовлияния языка и общества, языка и человека, тому, как «в языковых единицах отразился сам человек во всем многообразии его проявлений» [Формановская 1998, с. 5]. Соответственно в научный обиход широко вводится понятие «языковая личность».

В настоящее время известны различные подходы к изучению языковой личности: этносемантическая личность (С.Г. Воркачев), элитарная языковая личность (О.Б. Сиротинина), словарная языковая личность (В.И. Карасик), русская языковая личность (Ю.Н. Караулов) и т.д. Однако единого определения данного понятия в языкознании нет. Так, согласно В.И. Карасику, языковая личность – это «человек, существующий в языковом пространстве, в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслов текстов» (Карасик 2003, с. 99). У С.Г. Воркачева под «языковой личностью» понимается «закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре – личность словарная, этносемантическая» (Воркачев 2001, с. 66). То есть понятие языковой личности полисеманлично, и разнообразие под-

ходов к определению данного термина свидетельствует о его фундаментальности и сложности.

В нашем исследовании мы опираемся на концепцию языковой личности, разработанную Ю.Н. Карауловым. Он под языковой личностью определяет «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» (Караулов 1989, с. 3). Он выделяет три уровня рассмотрения языковой личности: вербально-семантический, когнитивный и мотивационный. Вербально-семантический уровень отражает степень владения обыденным языком. На когнитивном уровне происходит установление иерархии смыслов и ценностей в картине мира личности. На прагматическом уровне важны цели, мотивы, интересы, коммуникативные установки говорящего, здесь происходит ориентация на целенаправленное использование речевых актов в социальном взаимодействии.

В связи с этим, на наш взгляд, представляется актуальным вопрос изучения языковой личности исторического деятеля, в частности, личности Екатерины II, потому что личность говорящего или пишущего оказывает значительное влияние на форму речи, на выбор необходимых языковых средств выражения.

Эпистолярное наследие Екатерины II Великой отличается не только тематическим и вербально-семантическим богатством на нулевом уровне его языковой личности. Оно обладает высокой степенью экспрессивности, которая создается разными лингвистическими средствами и приемами. Именно эпистолярный жанр дает наибольшую свободу для выбора различных средств выражения собственных мыслей и эмоций и прежде всего на лексическом уровне. Эту особенность языковой личности подчеркивает и Ю.Н. Караулов, потому что выбор коммуникативной единицы у каждой языковой личности свой, характеризующийся индивидуальным способом восприятия мира и субъективным выражением знаний о нем.

Особенности языковой личности Екатерины II нами проанализированы на материале интимных писем императрицы, адресованных ее фавориту Григорию Потемкину.

Нами отмечено, что жанровая специфика интимных писем Екатерины II обуславливает то, что значительную часть их лексики составляют слова семантического поля «любовь»:

«А любовь заперта в сердце за десятью замками. Ужасно, как ей тесно» (Екатерина II: http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0030.shtml);

«Добро, ищи лукавство хотя со свечой, хотя с фонарем в любви моей к тебе. Если найдешь, кроме любви чистой самой первой статьи, я дозволяю тебе все прочее класть вместо заряда в пушки и выстрелить по Силистрии или куда хочешь» (Там же);

«...в котором, однако, Бог видит, любви много, но гораздо лучше, чтоб он о сем не знал. Прощай, Гяур, москов, казак. Не люблю тебя» (Письма 1989, с. 124).

Особую роль в этом пласте лексики играют производные образования с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые придают высокую степень экспрессивности ее письмам: *«Два раза помешал ты мне своими билетушками слушать дело превеликое»* (Екатерина II: http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0030.shtml); *«Сударушка моя, сердечушко безценное»* (Там же); *«Миленькая милушечка, здравствуй»* (Там же).

С этим же лексическим пластом тесно связан пласт слов со значением «сумасшествие, сумасбродство». Так, Екатерина Вторая часто называет свои любовные письма «бредней», а свою любовь – «сумасбродством»:

«Ну, бредня моя, поезжай к тем местам, к тем щастливым брегам, где живет мой герой. Авось-либо не застанешь уже его дома и тебя принесут ко мне назад, и тогда прямо в огонь тебя кину, и Гришенька не увидит сие сумазбродство» (Письма 1989, с. 124);

«Она скажет, что я без ума и без памяти. А иные сказки – просто разстроил ты ум мой» (Екатерина II: http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0030.shtml);

«Глупые мои глаза уставятся на тебя смотреть: разсужденье ни на копейку в ум не лезет, а одурею Бог весть как» (Там же).

Екатерина, несмотря на то, что русский язык для нее неродной, не была склонна использовать иностранные слова, стремилась говорить и писать по-русски. Поэтому в ее письмах широко представлена лексика разговорная: *«Ахти, какое долгое письмо намарала»* (Письма 1989, с. 126), *«Я думаю, что тебе подобного нету и на всех плевать. Напрасно ветренная баба меня по себе судит»* (Екатерина II: http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0030.shtml). Зачастую разговорность элементов подчеркивается использованием междометий: *«Уф! я вздумать не могу и чуть что не плачу от мыслей сих одних»* (Там же), *«Мррр, мррр, я ворчу – это глупо сказано, но умнее на ум не пришло»* (Там же). Однако если в письмах и встречаются иностранные слова, то это их кальки, которые подстроены под грамматику русского языка: *«Подобного ответа на простое предложение о моем желании видеть – нарисовано то, чего меня фраппировало (от frapper (фр.) – ранить)»* (Там же). *«Когда Вице-канцлер Келлеру сказал, что ты все транспорты и магазины выводишь из Польши, тогда он деконтенансировался (decontenancer (фр.) – не совладал с собою) до того, что скрыть не мог, колико ему неприятна была сия весть»* (Там же). *«Весьма резонабельное твое письмо я получила сей час и на оное буду ответствовать подробно»* (Там же).

Наряду с разговорной лексикой в письмах Екатерины представлены индивидуально-авторские слова: *«Я, не за ширмой стоя, сие подслушала, но ох твой до моих ушей дошел чрезо все галереи и покои даже до дивану»*.

Просим сказать, сей ох что значит?» (Там же), а также оригинальные словосочетания: *«Сердце жмет, но ум поверхность совершенную взял»* (Там же), *«Его ответ много повода подаст мне к разбирательству шайки той мысли, а подозреваю, что недомыслие их головы в[есьма] много и часто им самим скучно было»* (Там же).

С целью создания игры, шутки, каламбура Екатерина использует игру слов, построенную на звуковом, лексическом сходстве и на использовании слов, противоположных по значению: *«Ласка сама придет везде тут, где ты сам ласке место дашь. Она у меня суетлива, она везде суется, где ее не толкают вон»* (Письма 1989, с. 125), *«Гришенька не милой, потому что милой»* (Там же, с. 130), *«Как это дурно быть с умом без ума»* (Екатерина II: http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0030.shtml).

Таким образом, лексико-семантический уровень языковой личности Екатерины II характеризуется высокой степенью экспрессивности. В ее речетворческой деятельности слово максимально реализует свое сложное семантическое строение для передачи мыслей, эмоционального состояния и индивидуальных знаний о мире в целом.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–73.

Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка (1769-1791) [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0030.shtml.

Карасик В.И. Аспекты языковой личности // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С. 96–105.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – 216 с.

Письма Екатерины II Г.А. Потемкину // Вопросы истории. – 1989. – № 7. – С. 111–135.

Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998. – 292 с.

Е.П. Черногрудова

Борисоглебский государственный педагогический институт

Во многом глаголении несть спасения

История и культура народа находят отражение в различных жанрах фольклора. Так, например, сложный и противоречивый нрав русского человека иллюстрируют русские народные пословицы. Одно из противоречий русского характера касается народных представлений о говорении (речи) и молчании, зафиксированных в т.н. коммуникативных паремиях

(пословицах об общении). Заметим, что слово «молчание» используется в двух значениях: с одной стороны, молчание противопоставлено речи как отсутствие последней, с другой стороны, молчание противопоставлено говорению как речевой деятельности и понимается как слушание, восприятие речи.

Во многих русских народных пословицах для описания излишне молчаливых людей используется т.н. приём «оскотинивания», т.е. в паремиях с обозначенной тематикой используются скрытые или явные сравнения немногословных, косноязычных людей с животными. «Нем, как рыба»; «Разговорчив, как устрица»; «Беседлив, как тюлень» – в этих пословицах используется прямое сравнение.

Другие же пословицы основаны на иносказании: «Сболтнул бы коток, да язык короток»; «Молчан-собака не слуга во дворе». В первой из приведённых пословиц подразумевается, что не все существа обладают способностью говорить, не наделённые разумом животные противопоставляются (хотя и скрыто) по этому признаку человеку. Во второй пословице говорится не столько о *говорении*, сколько о *сообщении*, которое мыслится достаточно широко – как функция чего-то или кого-то. При этом замечается, что даже собака, молчащая, не выполняет свою работу, т.е. такая собака не нужна. Аналогичный смысл легко усматривается и в пословице «Без языка и колокол нем», в которой иносказание осуществляется с привлечением названия предмета неживой природы, основная функция которого, однако, – сообщение, информирование. В связи с этим легко сделать вывод о том, что человек, единственный в природе наделённый способностью говорить, не используя последней в полной мере, поступает неразумно, т.к. не выражает свою природу, не выполняет предназначенных ему функций.

Сопоставив две эти группы пословиц, можно сделать вывод о том, что их создатели мыслили, во-первых, способность говорить как нечто уникальное, характеризующее только человека, отличающее его от всех остальных живых существ, а значит, ставящее его выше них. Во-вторых, язык в пословицах представляется как средство реализовать себя, выразить свою сущность, исполнить своё предназначение. В этой связи молчание, долгое «неговорение», с точки зрения пословиц, – это несвойственное для живого человека состояние, которое может быть описано или объяснено только с помощью необычных ситуаций, обстоятельств или нереальных причин: «Молчит, как мёртвый (неживой)»; «Замолчал, как воды в рот набрал»; «Словно тихий ангел пролетел» (говорят, когда все вдруг замолкают).

Однако, с другой стороны, «Дитя не плачет – мать не понимает» (Дитя не заплачет – мать не знает), т.е. даже крик младенца – это уже некое подобие общения, коммуникации, способ передачи информации. Вспомним также о собаке-молчане, которая не слуга во дворе: лай собаки – это тоже способ общения животного с человеком, с другим животным. Таким образом, в

этих пословицах язык мыслится широко, как система сигналов, как средство общения, предоставляющее уникальную возможность общаться представителям разных поколений, положений и даже – разных миров: «Язык с Богом беседует»; «Не стать говорить, так и Бог не услышит». Эти пословицы наводят на мысль о том, что если человеческий язык годится для общения с Богом, если он ему понятен, то язык, речь – это то, что роднит человека с Богом и противопоставляет другим живым существам. Однако Высший Разум всё же задумывал человека как существо, которое больше должно внимать, чем изрекать, поэтому «Бог дал человеку два уха, а язык один». Кроме того, излишняя болтливость наказуема и порицаема Богом: «Бойся Вышнего, не говори лишнего».

М.В. Шаманова

Борисоглебский государственный педагогический институт

Коммуникативная регулятивность в афоризмах

Корпус исследуемого материала, связанный с категорией общение, составил 367 афоризмов. Как правило, в афоризмах не употребляются лексемы *общение, общаться*, но так или иначе описывается или анализируется коммуникативная ситуация.

Многие афоризмы, характеризующие общение, содержат прескрипции – как надо поступать в той или иной ситуации. Они относятся к регулятивной зоне. Суммарный индекс яркости регулятивной зоны составил 0,241. Индекс яркости вычислялся как отношение афоризмов, относящихся к данной зоне, к общему числу исследуемых афоризмов.

Самая многочисленная группа коммуникативных афоризмов определяет правила ведения беседы (цифры указывают индекс яркости подгруппы, который определялся как отношение числа афоризмов, относящихся к данной подгруппе, к общему числу афоризмов):

– следует молчать, если не владеешь предметом разговора 0,022: *Кому нечего сказать своего, тому лучше молчать* (В.Г. Белинский); *Говори о том только, что тебе ясно, иначе молчи* (Л.Н. Толстой); *Я не считаю это в себе за невежество, если я о чем-нибудь не знаю и молчу: невежда – это кто говорит о том, чего не знает* (М.М. Пришвин) и др.;

– следует сообщать правдивую информацию 0,019: *Даже в пустяках надо быть правдивым!* (М. Горький); *Единожды солгавши, кто тебе поверит?* (К. Прутков); *Я думаю, мы должны говорить правду или хотя бы говорить то, что мы думаем* (Ю. Лужков); *Будь правдив даже по отношению к дитяти: исполняй обещанное, иначе приучишь его ко лжи* (Л.Н. Толстой) и др.;

– надо говорить кратко 0,016: *Лучшие скажи мало, но хорошо* (К. Прутков); *Больше всех говорит тот, кому нечего сказать* (Л.Н. Толстой); *Острота разума обширных изъяснений не терпит: да и на что обширность, ежели без нее изъясняться удобно. Многоглаголье свойственно человеческому скудоумию. Все те речи и письма, в которых больше слов, нежели мыслей, показывают человека тупова* (А. П. Сумароков) и др.;

– речь должна быть продумана 0,008: *Лучший язык тот, который тщательно сдерживается; лучшая речь та, которая тщательно обдумывается* (Л.Н. Толстой); *Люди различаются еще тем, что одни прежде думают, потом говорят и делают, а другие прежде говорят и делают, а потом думают* (Л.Н. Толстой) и др.;

– есть предметы, с которыми шутить нельзя 0,005: *Не шути с женицнами: эти шутки глупы и неприличны* (К. Прутков); *Можно шутить с человеком, но нельзя шутить с его именем* (М. Цветаева);

– говорить следует своими словами 0,003: *Указую господам сенаторам, чтобы речь держать не по писаному, а своими словами, чтобы дурь была видна каждого* (Петр I);

– предмет разговора должен быть ясен, понятен 0,003: *Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют. Так: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?* (К. Прутков);

– нельзя говорить в раздражении 0,003: *Перестань говорить тотчас же, когда заметишь, что раздражаешься сам или тот, с кем говоришь. Несказанное слово – золотое* (Л.Н. Толстой);

– невозможно положительное отношение к инвективам 0,003: *Нельзя оставлять без внимания и взыскания хулиганские слова, нельзя относиться снисходительно к этой словесной мерзости...* (Ф.В. Гладков).

В афоризмах определены нормы ведения спора:

– надо уметь тактично отстаивать свою точку зрения 0,008: *Отстаивая свою точку зрения, не превышай меру допустимой обороны* (А. Рогов); *Должно показывать заблуждения разума человеческого с благородным жаром, но без злобы* (Н.М. Карамзин) и др.;

– следует уважать чужое мнение 0,008: *Терпимость к инакомыслию – залог плодотворности спора* (И.Н. Шевелев); *Если вы хотите, чтоб с вами спорили и понимали вас, как должно, то и сами должны быть добросовестны и внимательны к своему противнику и принимать его слова и доказательства именно в том значении, в каком он обращает их к вам* (В.Г. Белинский) и др.;

– убеждая, надо воздействовать не только на разум, но и на чувства 0,005: *Убедить рассуждениями людей, думающих иначе, нельзя. Надо прежде сдвинуть их чувства, предоставив им рассуждать о том, что они правы* (Л.Н. Толстой); *Что нужно для увлечения толпы? Что нужно для убеждения большей части людей? Страстный и пылкий тон, частые вы-*

разительные мановения, слова быстрые и громкие. Но для малого числа образованных, рассудительных слушателей, у которых вкус нежен и чувства верны, которые мало уважают голос, мановения и тщетный звук слов – для тех нужны мысли и доводы, которые надобно уметь представить, оттенить, расположить. Уметь поражать слух – не довольно; должно уметь действовать над душой, уметь тронуть сердце, говоря с рассудком (К. Батюшков);

– нет необходимости в убеждении других людей 0,003: *Убеждать людей и скучно, и трудно, и в конце концов, право, даже не нужно* (Л. Шестов); *К чему доказывать мошкам, что они мошки?* (И.С. Тургенев);

– убеждать других людей следует только в том, в чем уверен сам 0,003: *Нельзя проповедовать то, что отрицаешь сам* (М. Горький);

– в споре надо начинать с общепринятых положений 0,003: *Лучший и убедительный способ доказательства – начать свои рассуждения с безобидных, всеми принятых утверждений* (Л. Шестов);

– мнение следует высказывать осторожно 0,003: *Кто много знает, тот видит, как осторожно надо высказывать свое суждение, чтобы не ошибиться. А нахватавшийся верхов самоучка с необыкновенной смелостью судит обо всем* (Л.Н. Толстой);

– спор следует начинать с постановки проблемы 0,003: *Спор всегда надобно начинать с точного определения понятия или предмета, о коем спорим* (М. Горький);

– дискуссионное общение не должно переходить в конфликтное 0,003: *Полемика не должна быть враждой, если она не протекает из личной вражды* (Н.П. Огарев);

– не следует вмешиваться в спор 0,003: *К спорам прислушивайся, но в споры не вмешивайся* (Н.В. Гоголь).

В некоторых афоризмах выражается отношение к критике:

– следует критиковать себя 0,005: *Посмеяться над собой – не бойтесь, самокритика так же необходима, как необходимо умываться* (М. Горький); *Критикуйте сами себя, лучших критиков вам не найти* (М. Горький);

– критика несовместима с оскорблением 0,003: *Скажи человеку, что он ошибается, и почему; но не поноси сердца его и не называй его безумцем* (Н.М. Карамзин);

– на критику имеет право только любящий человек 0,003: *Порицать, бранить имеет право только тот, кто любит* (И.С. Тургенев);

– нельзя критиковать то, чего не знаешь 0,003: *В чем не знаешь толку, чего не понимаешь, то и брани: это общее правило посредственности* (В.Г. Белинский);

– критикуя других людей, не следует забывать свои поступки 0,003: *Обсуждая поступки других людей, вспоминай свои* (Л.Н. Толстой).

Отрицательное отношение к похвале также нашло отношение в прескрипциях:

– не следует хвалить самого себя 0,011: *Чем больше хвастаешься, тем больше срамишься* (Л.Н. Толстой); *Как человек не может сам поднять себя, так не может человек и похвалить себя. Напротив, всякая попытка человека хвалить себя роняет его в глазах людей* (Л.Н. Толстой) и др.;

– надо опасаться похвалы 0,008: *Не бойся едких осуждений, но упоминательных похвал* (Е. Баратынский); *Если хотите доброй славы или хотя бы не худой славы, не хвалите себя и другим не позволяйте хвалить себя* (Л.Н. Толстой) и др.

В отдельных афоризмах отражены правила ведения общения в целом:

– во взаимоотношениях с людьми следует учитывать мнения и интересы собеседника 0,003: *Сходясь с людьми, думай не о своей выгоде, а выгоде того, с кем сходишься, и не о том, как ты будешь судить о себе, а как он будет судить о тебе* (Л.Н. Толстой);

– не со всеми категориями людей следует общаться 0,003: *Беды нет, что знаком с одним пустым человеком, но ежели знаком с тридцатью, то они, не делая вам никакого зла, одними своими посещениями и приглашениями лишат вас свободы... и отравят вам жизнь* (Л.Н. Толстой).

– физическое воздействие предпочтительнее ссоры 0,003: *Лучше один раз подражаться, чем всю жизнь ссориться* (Р. Гамзатов);

Большинство проанализированных нами афоризмов относятся к XIX – началу XX века, т.е. представляют собой исторические суждения об общении, но они являются актуальными и для современного коммуникативного сознания.

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

К.О. Киреева

*Борисоглебский государственный
педагогический институт*

Эквивалентность, национальная специфика и безэквивалентность семантики лексической группировки

Уровень лакунарности и безэквивалентности в рамках лексической группировки является показателем национальной специфики данной группировки. Как отмечает Е.А. Маклакова, «выявление подобных языковых явлений служит неоспоримым доказательством национальной уникальности и неповторимости языковой картины мира, присущей определенной этносоциокультурной реальности при сопоставлении её с реалиями другой культуры, вызывает большой интерес и представляет лингвистическую ценность для людей, тесно вовлеченных в процесс билингвальной межкультурной коммуникации на различных уровнях и в разнообразных сферах жизни» (Маклакова 2006, с. 113).

Мы придерживаемся точки зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые считают, что, благодаря такому фундаментальному свойству языка как противоречие между конечностью знаков и бесконечностью смыслов, в языках всегда будут найдены точки соприкосновения, наиболее точные толкования или переводные соответствия для преодоления барьеров непонимания между двумя культурами (Попова, Стернин 2004, с. 102). Исходя из этого, мы считаем, что наличие безэквивалентных лексем представляет собой яркое отражение специфических понятий и национальных реалий, но не является непреодолимым препятствием к общению.

Количество эквивалентных переводных соответствий в двух сопоставляемых языках также можно рассматривать как проявление национальной специфики семантики слов, поскольку изменение численности эквивалентных пар в исследуемом лексическом материале обратно пропорционально изменению числа контрастивных пар, которые обладают национально-специфическими различиями в семной структуре составляющих их лексем.

По данным проведенного исследования было выявлено 35 *безэквивалентных единиц*, номинирующих профессии и должности, в русском языке на фоне сопоставляемого с ним испанского языка. Наличие русских безэквивалентных лексических единиц было зафиксировано в 6 подгруппах из

9. Их максимальное количество выявлено в подгруппе *номинации организаторов деятельности, сопутствующей учебному процессу*:

вожатая (лицо женского пола, работает в школе, занимается организацией мероприятий, помогает завучу по воспитательной работе),

вожатый 2 (лицо мужского пола, работает в школе, занимается организацией мероприятий, помогает завучу по воспитательной работе),

инспектор 2 (лицо мужского или женского пола, помогает директору по воспитательной и учебной работе в учебных заведениях),

инспектриса 1 (лицо женского пола, помогает директору по воспитательной и учебной работе в учебных заведениях),

инспектриса 2 (лицо женского пола, следит за поведением воспитанниц в женских учебных заведениях),

комиссар (лицо мужского или женского пола, отвечает за воспитательную работу в стройотрядах, в военизированных организациях),

методист (лицо мужского или женского пола, специалист по методике преподавания какого-либо предмета, преимущественно руководит студенческой практикой),

методистка (лицо женского пола, специалист по методике преподавания какого-либо предмета, преимущественно руководит студенческой практикой),

организатор 2 (лицо мужского или женского пола, организует воспитательную и внеклассную работу в среднем учебном заведении),

социальный педагог (лицо мужского или женского пола, работает с детьми в разных направлениях социальной защиты),

педагог дополнительного образования (лицо мужского или женского пола, планирует и организует развивающую деятельность детей в системе дополнительного образования в школе или в учреждении дополнительного образования).

На втором месте по количеству безэквивалентных единиц находится подгруппа *номинации преподавателей-предметников*:

словесник 1 (лицо мужского или женского пола, преподает русский и литературу в школе, среднем или высшем учебном заведении),

словесница (лицо женского пола, преподает русский и литературу в школе, среднем или высшем учебном заведении),

трудоовик (лицо мужского пола, преподает трудовое обучение в школе),

трудоовичка (лицо женского пола, преподает трудовое обучение в школе),

физкультурник 2 (лицо мужского или женского пола, преподает физкультуру, работает в высшем учебном заведении),

физкультурница (лицо женского пола, преподает физкультуру, работает в высшем учебном заведении),

физрук (лицо мужского или женского пола, преподает физкультуру, работает в среднем или высшем учебном заведении).

Следующей по количеству безэквивалентных единиц, входящих в её состав, является подгруппа *номинации педагогов-специалистов*:

внешкольник (лицо мужского или женского пола, преподает, воспитывает профессионально вне школы),

внешкольница (лицо женского пола, преподает, воспитывает профессионально вне школы),

военрук (лицо мужского пола, преподает основы военного дела в школе, в средних специальных и профессионально-технических учебных заведениях),

дефектолог (лицо мужского или женского пола, воспитывает, профессионально обучает детей с физическими и умственными недостатками),

тифлопедагог (лицо мужского или женского пола, преподает и воспитывает детей, имеющих нарушения зрения или лишенных зрения, имеет специальную подготовку).

В других трёх подгруппах безэквивалентность зафиксирована в следующем виде:

в подгруппе *номинации ученых званий и степеней*; лиц, их имеющих – *академик 1* (звание члена академии наук); *ассистент 3* (низшее ученое звание преподавателя в высших учебных заведениях); *приват-доцент 1* (ученое звание нештатного преподавателя высшей школы, равное доценту); *профессор 1* (высшее ученое звание преподавателя высшего учебного заведения);

в подгруппе *номинации работников высших учебных заведений* – *адъюнкт 2* (лицо мужского или женского пола, занимает младшую ученую должность в научном учреждении); *бакалавр 3* (лицо мужского или женского пола, имеет степень бакалавра); *лаборант* (лицо мужского или женского пола, работает в высшем или среднем учебном заведении, заведует кабинетом и учебными материалами кафедры, помогает заведующему кафедрой); *лаборантка* (лицо женского пола, работает в высшем или среднем учебном заведении, заведует кабинетом и учебными материалами кафедры, помогает заведующему кафедрой);

в подгруппе *общие номинации педагогов* – *предметник* (лицо мужского или женского пола, преподает определенный учебный предмет, преимущественно работает в школе); *предметница* (лицо женского пола, преподает определенный учебный предмет, преимущественно работает в школе); *репетитор 1* (лицо мужского или женского пола, обучает кого-либо определенному предмету, обычно проводит уроки дома, преподает индивидуально или в маленьких группах, преимущественно готовит к достижению определенных академических целей (сдать экзамены)); *репетиториша* (лицо женского пола, обучает кого-либо определенному предмету, обычно проводит уроки дома, преподает индивидуально или в маленьких группах, преимущественно готовит к достижению определенных академических целей (сдать экзамены)).

В подгруппах *номинации домашних учителей, наставников, номинации руководителей* и *номинации школьных педагогов* было отмечено отсутствие безэквивалентных лексических единиц.

В своей работе, посвященной национальной специфике значения в описании наименований лиц, Е.А. Маклакова предлагает воспользоваться *индексом безэквивалентности*, который «представляет собой отношение количества безэквивалентных семем ко всему количеству семем подгруппы исходного языка, для сравнительной характеристики» (Маклакова 2006, с. 115).

Представим полученные результаты в виде таблицы:

Название лексической подгруппы	Индекс безэквивалентности
Номинации организаторов деятельности, сопутствующей учебному процессу	0,91
Номинации педагогов-специалистов	0,45
Номинации работников высших учебных заведений	0,30
Общие номинации педагогов	0,30
Номинации ученых званий и степеней; лиц, их имеющих	0,18
Номинации преподавателей-предметников	0,17
Номинации домашних учителей, наставников	0
Номинации руководителей	0
Номинации школьных педагогов	0

Общий индекс безэквивалентности всей лексической группировки наименований профессий и должностей в сфере образования русского языка составляет 0,24.

Максимальные индексы безэквивалентности были выявлены в подгруппах *номинации организаторов деятельности, сопутствующей учебному процессу* (0,91), и *номинации педагогов-специалистов* (0,45). Указанные показатели в несколько раз превышают индекс безэквивалентности исследуемой лексической группировки в целом. Относительно высокий индекс безэквивалентности отмечен в подгруппах *номинации работников высших учебных заведений* и *общие номинации педагогов* – 0,30. Названные цифры говорят о возможных трудностях, которые могут возникнуть при употреблении русских лексем, относящихся к перечисленным подгруппам, в процессе коммуникации. Трудности могут быть связаны с подбором для таких лексических единиц испанских переводных соответствий. Данный факт может затруднить общение и понимание представителей обеих культур.

При употреблении семем, относящихся к подгруппам *номинации домашних учителей, наставников, номинации руководителей* и *номинации школьных педагогов*, проблем непонимания не возникнет, о чем свидетельствует полное отсутствие безэквивалентных единиц в данных подгруппах в русском языке при сопоставлении с испанским языком. Национально-специфические особенности семантики данной лексики уже имеют либо

фиксированное в словарных статьях толкование, либо удовлетворяющие обе стороны общения переводные соответствия.

Обращаясь к описанию явления эквивалентности в исследуемом лексическом материале, отметим, что «эквивалентность переводных соответствий в контрастивной лингвистике выявляется при контрастивном анализе семантического состава двух сопоставляемых единиц исходного и фонового языков и определяется максимальным семантическим сходством, которое обеспечивает адекватный взаимный перевод в любых контекстах» (Стернин 2007, с. 67).

По данным, полученным в ходе нашего контрастивного исследования, эквивалентными соответствиями оказались следующие русские и испанские лексические единицы:

в подгруппе *номинации преподавателей-предметников* – философ 2 = *profe de filosofía*;

в подгруппе *номинации работников высших учебных заведений* – преподавательница = *profesora*;

в подгруппе *номинации домашних учителей, наставников* – няня = *niñera*;

в подгруппе *номинации школьных педагогов* – учительница = *maestra* 3,
учительница = *maestra de escuela*

Всего 5 эквивалентных пар.

Наличие эквивалентных переводных соответствий в двух сопоставляемых языках подтверждает мнение о том, что существуют универсальные категории в национально-специфическом языковом сознании народов (например, сфера родственных взаимоотношений в русском и английском языках, что отражено в исследовании Е.А. Маклаковой). Малое количество эквивалентных соответствий или же полное их отсутствие доказывает проявление национальной специфики семантики лексических единиц.

Для формирования более полного представления об эквивалентных соответствиях в изучаемой лексической группировке нами был определен *индекс эквивалентности* каждой подгруппы. Названный индекс вычисляется отношением количества эквивалентных соответствий к общему числу исследуемых контрастивным способом испанских переводных соответствий (Маклакова 2006, с. 119). Представим полученные данные в следующей таблице:

Название лексической подгруппы	Индекс эквивалентности
Номинации преподавателей-предметников	0,008
Номинации ученых званий и степеней; лиц, их имеющих	0
Номинации работников высших учебных заведений	0,03
Общие номинации педагогов	0
Номинации домашних учителей, наставников	0,02

Номинации педагогов-специалистов	0
Номинации организаторов деятельности, сопутствующей учебному процессу	0
Номинации руководителей	0
Номинации школьных педагогов	0,05

Индекс эквивалентности всей лексической группировки наименований профессий и должностей в сфере образования составляет 0,02, из чего можно сделать вывод о наличии существенного национально-специфического разнообразия семантики, которое продемонстрировали рассмотренные выше межъязыковые соответствия при их контрастивном анализе. Как видно из приведенной выше таблицы, максимальный индекс эквивалентности в подгруппе *номинации школьных педагогов* (0,05), равно как и минимальные значения индексов эквивалентности, в подгруппах *номинации организаторов деятельности, сопутствующей учебному процессу*, *номинации руководителей*, *общие номинации педагогов*, *номинации педагогов-специалистов* и *номинации ученых званий и степеней; лиц, их имеющих*, позволяют на основе формализованных показателей получить представление о национальной специфике семантики исследуемых подгрупп.

Маклакова Е.А. Национальная специфика семантики наименований лиц (на материале русского и английского языков): Дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 212 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание: учебное пособие для университетов. – Воронеж, 2004. – 208 с.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 288 с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).

М.Ю. Костионова

Северо-Осетинский государственный университет

Национально-культурные пространства оригинала и перевода: проблема интерпретации

Процесс глобализации в последнее десятилетие повлек за собой интенсивное смешение традиций, в связи с чем особое значение приобрела проблема взаимосвязи языка и культуры, в частности, в аспекте переводоведения.

Цель данной статьи – рассмотреть трудности перевода, возникающие по причине различий национально-культурного компонента. Для проведения

сопоставительно-переводческого анализа были выбраны два варианта перевода рассказа А.П. Чехова «Мужики» – «*Peasants*», выполненных Констанс Гарнет и Юдорой Уэлти.

Главной проблемой при переводе произведений художественной литературы является безэквивалентная лексика, существование которой объясняется расхождением культур.

Художественный перевод (Р.К. Миньяр-Белоручев) в большинстве случаев колеблется между двумя крайними принципами: дословно точный, но художественно неполноценный перевод и художественно полноценный, но далекий от оригинала, вольный перевод. Эти два принципа нашли отражение в двух основных точках зрения: определение перевода с лингвистической и литературоведческой позиций.

Лингвистический принцип перевода В.В. Виноградова прежде всего предполагает воссоздание формальной структуры подлинника. Однако провозглашение лингвистического принципа основным может привести к чрезмерному следованию в переводе тексту оригинала – к дословному, в языковом отношении точному, но в художественном отношении слабому переводу. В тех случаях, когда синтаксическая структура переводимого предложения может быть и в переводе выражена аналогичными средствами, дословный перевод может рассматриваться как окончательный вариант перевода без дальнейшей литературной обработки. Однако совпадение синтаксических средств у двух языков встречается сравнительно редко, так как каждая нация по-своему членит действительность, создавая своеобразную «картину мира».

Для перевода языковых реалий русской культуры на английский язык используются, главным образом, пять переводческих преобразований, а именно:

- 1) транскрипция (транслитерация),
- 2) калькирование,
- 3) замена видового понятия родовым (генерализация),
- 4) описательный перевод,
- 5) адаптация.

Подробно рассматриваются вопросы перевода реалий в книге С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе». Авторы различают фразеологический (использование эквивалента и аналога) и нефразеологический (калькирование, лексический, описательный) переводы. Они не выделяют отдельно перевод фразеологических единиц с культурной семантикой, так как они имеют некоторые общие критерии, а национально-культурная специфика фразеологизмов часто определяется наличием именно этого компонента.

При переводе реалий авторы отмечают две основные трудности: 1) отсутствие соответствия в переводимых языках и 2) необходимость передачи не только семантики реалии, но и ее коннотации. Среди различных

средств они рекомендуют применять описательный перевод, перевод при помощи аналогов, калькирование и контекстуальный перевод.

Вопрос о передаче реалий с культурно значимым компонентом разработан в настоящее время недостаточно полно. Однако в последнее время этому вопросу уделяется все большее внимание. Еще Е.А. Найда справедливо отмечал, что культурные различия могут создавать гораздо большие трудности при переводе, нежели разница в языковых структурах.

В процессе анализа переводов нами были выявлены следующие примеры, содержащие национально-культурный компонент.

1. «Дома стены помогают» – «*the walls of home are a help*» – относится к реалиям русской культуры. При переводе был использован контекстуальный перевод.

2. «На печи сидела девочка лет восьми» – «*On the stove was sitting a white-headed girl*» – необходим комментарий, объясняющий, что русская печь – массивная печь с лежанкой (полатами), используемая для приготовления пищи и обогрева помещений, контекстуальный перевод.

3. «Как раз в это время ударили ко всенощной (был канун воскресенья)» – «*Just at that moment the bell began ringing for service*» – метод генерализации. *Всенощная* (сущ.) – это общественное богослужение установленного чинопоследования в православии, которое при строгом соблюдении устава должно продолжаться от захода солнца до рассвета (Всенощное бдение//<http://ru.wikipedia.org/wiki>). В английской лингвокультуре есть точный перевод «*All-night vigil*».

4. «В "Славянском Базаре" обеды <...>» – «*the dinners at the Slavyansky Bazaar*». «Славянский базар» – гостиница, открытая в 1872 г. А.А. Пороховщиковым на Никольской улице, 17. В 1873 во дворе построено здание ресторана с тем же названием (архитектор А.Е. Вебер). Комментарий отсутствует, метод транслитерации.

5. «Мужик бы ничего» – «*He is not a bad peasant, but too fond of his glass*». «Мужик» в данном случае указывает на социальный статус. «*He is not a bad peasant*» – является комментарием когнитивной лакуны. «Да заливает шибко» – синоним *выпивает*, «*but too fond of his glass*» – метафорическая замена.

6. «Первопрестольная» – «*The great capital Moscow*» – замещение, нарушающее смысл. Первопрестольная, являющаяся старейшей столицей. Первопрестольная Москва (торж. эпитет ее в отличие от Петербурга) || в знач. сущ. Первопрестольная, жен. (П прописное). Москва (http://www.navoprosotveta.net/17/17_1454.htm).

7. «...служивший тогда капельдинером в саду «Эрмитаж» – «*a headwaiter in the "Hermitage" garden*», присутствует комментарий: «*"Hermitage" garden: The Hermitage Garden was one of Moscow's best restaurants*» («"Эрмитаж" Сад "Эрмитаж" был одним из лучших ресторанов Москвы»). Капельдинер – (нем. Kapelldiener) (устар.), служащий театра или концерт-

ного зала, проверяющий у посетителей билеты, наблюдающий за порядком (ныне билетёр) (Михельсон 1865). Сад «Эрмитаж» – памятник садово-паркового искусства, расположен в центральной части города Москвы, в районе улицы Каретный Ряд. Основан Я.В. Щукиным, известным московским театральным предпринимателем, меценатом. В 1894 г. сад арендовал Я.В. Щукин, который перестроил существовавшее здесь фабричное здание под театр, где выступали его опереточная труппа, известные артисты, а также гастролирующие в Москве провинциальные труппы (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/moscow/3679/сад>). В данном случае идет неправильная трактовка образа, а соответственно ошибочный перевод.

8. «Сама даже ходила на́полдень». Летом пастухи уводили стадо в 4 утра и приводили в 9 вечера. В середине дня стадо приводили к середине деревни на «большой прогон» (напротив скотного двора) «наполдень» – для дневной дойки, после чего уводили обратно в лес. (http://luki4.narod.ru/HISTORY/H_Luki.html). «*Even waited at the midday meal*» (даже ждала на обед в полдень). В данном случае идет неправильная трактовка образа, а соответственно ошибочный перевод.

9. «И кто скромное ел, того тоже в огонь» – «*And anyone who has eaten meat in Lent will go into the fire, too.*» (И любой, кто ел мясо в Великий пост, будет идти в огонь, тоже) – прием генерализации.

10. «Рядом с домом десятского» – «*Near the village constable's hut*». Десятский – выборное должностное лицо из крестьян для выполнения полицейских и различных общественных функций. Обычно избирался на 10 дворов. «*A constable is a person holding a particular office, most commonly in law enforcement. The office of constable can vary significantly in different jurisdictions*» – прием функциональной замены.

Понятие функциональности перевода не может рассматриваться безотносительно к конкретным историческим условиям. Перевод рассказа является функциональным; самыми распространенными являются лексические трансформации, актуализируемые генерализацией и метафорической заменой, также присутствуют и ошибки перевода, связанные с мисондестензией.

Следует всегда помнить и учитывать национально-культурную специфику произведения. Ведь именно от знаний истории народа, их традиций, обычаев, верований зависит функциональность перевода.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986.

Москва. Энциклопедический справочник. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1992.

Чехов А.П. Собрание сочинений и писем в восьми томах. – Т. 6. – М.: Правда, 1970.

Peasants by Anton Chekhov, translated by Constance Garnett [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://chekhov2.tripod.com/>

Всенощное бдение [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

Москва [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.navoprosotveta.net/17/17_1454.htm.

Сад Эрмитаж [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/moscow/3679/сад>.

История [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://luki4.narod.ru/HISTORY/H_Luki.html.

П.С. Свеженцева

Воронежский государственный университет

Процессы семантической деривации в тематической группе «растения» (на материале русского и испанского языков)

Процесс образования новых значений слов – это одна из самых значимых и до сих пор не теряющая своей актуальности тема в лингвистике. Ей посвящены исследования таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, В.Н. Телия и многих других. В статье рассматриваются процессы метафоризации и метонимизации лексики тематической группы «растение» в русском и испанском языках.

Материалом исследования послужили лексические единицы данной тематической группы, полученные методом сплошной выборки из следующих источников: Словарь русского языка в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой (МАС), Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова, Современный толковый словарь русского языка под ред. С.И. Кузнецова; Большой испанско-русский словарь под ред. Б.П. Нарумова, *Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española*.

Лексемная плотность производных номинаций (то есть количество лексем данной группы, приобретающих метафорическое и метонимическое значения) в русском языке составляет 39 единиц: *белладонна, вишенье, водоросли, гриб, грибок, дебри, дерево, дуб, елочка, куст, левада, лес, лесина, лиана, лишай, лоза, лопух, малина, мухомор, ольшаник, орешник, первоцвет, перекасти-поле, поганка, пуща, ракитник, розмарин, сморчок, табак, тина, трава, трилистник, хмелек, хмель, хмельник, чай, чаща, шалфей, ягодник*.

В данной группе выделяются следующие подгруппы:

1) одиночное древесное растение, кустарник, полукустарник – 13 (33%) (*дерево, дуб, елочка, куст, лесина, лоза, малина, орешник, ракитник, розмарин, хмелек, хмель, чай*);

2) одиночное травянистое растение – 10 (25%) (*белладонна, водоросли, лиана, лопух, первоцвет, перекасти-поле, табак, трава, трилистник, шалфей*);

3) совокупность растений – 10 (25%) (*вишень, дебри, левада, лес, ольшаник, пуца, тина, хмельник, чаща, ягодник*);

4) грибы, лишайники – 6 (15%) (*гриб, грибок, лишай, мухомор, поганка, сморчок*).

Общая семемная плотность группы «растение» в русском языке составляет 100 семем, включая денотативные. Из них 25 (25%) приобретают метафорическое значение, 35 (35%) – метонимическое.

Лексемная метафорическая и метонимическая плотность (то есть количество лексем данной группы, приобретающих метафорическое и метонимическое значения) в испанском языке составляет 50 единиц: *acebedul* (кустарник), *acebuche* (дикое оливковое дерево), *acíbar* (алоэ), *agrazón* (дикий виноград), *ajenjo* (полынь), *alameda* (тополиная роща), *alheña* (бирючина, волчья ягода), *anís* (анис), *árbol* (дерево), *arcabisco* (густой лес), *beleño* (белена), *bohordo* (тростник ипажника), *boscaje* (густой лес, чаща), *bosque* (лес), *cadillo* (репейник), *са́мато* (конопля), *са́naverá* (тростниковые заросли), *coco* (кокосовая пальма), *dondiego* (чудоцвет), *espinar* (заросли боярышника), *farolillo* (колокольчик), *fragosidad* (заросли), *fresera* (земляника), *girasol* (подсолнух), *güira* (калебасовое дерево), *hepo* (клевер мясокрасный), *hierba* (трава), *jabí* (дикая яблоня), *jaral* (заросли ладанника), *juncos* (тростник), *лапразо* (репейник, лопух), *laurel* (лавровое дерево), *lauro* (лавр), *légamo* (тина), *lozanía* (густая зелень), *madroño* (земляничное дерево), *majolar* (заросли боярышника), *maleza* (сорняк), *manglar* (мангровые леса), *mata* (куст, кустарник), *melocotonero* (персиковое дерево), *naranzo* (апельсиновое дерево), *quino* (хинное дерево), *rabanillo* (дикая редька), *roble* (дуб), *tabaco* (табак), *tagarnina* (чертополох), *tiemblo* (осина), *tiñuelá* (повилика), *urquilla* (лишайник).

В данной группе выделяются следующие подгруппы:

1) одиночное древесное растение, кустарник, полукустарник – 17 (36%): *acebedul* (кустарник), *acebuche* (дикое оливковое дерево), *agrazón* (дикий виноград), *alheña* (бирючина, волчья ягода), *árbol* (дерево), *coco* (кокосовая пальма), *güira* (калебасовое дерево), *jabí* (дикая яблоня), *laurel* (лавровое дерево), *lauro* (лавр), *madroño* (земляничное дерево), *mata* (куст, кустарник), *melocotonero* (персиковое дерево), *naranzo* (апельсиновое дерево), *quino* (хинное дерево), *roble* (дуб), *tiemblo* (осина);

2) одиночное травянистое растение – 20 (40%): *acíbar* (алоэ), *ajenjo* (полынь), *anís* (анис), *beleño* (белена), *bohordo* (тростник ипажника), *cadillo* (репейник), *са́мато* (конопля), *dondiego* (чудоцвет), *farolillo* (колокольчик), *fresera* (земляника), *girasol* (подсолнух), *hepo* (клевер мясокрасный), *hierba* (трава), *juncos* (тростник), *лапразо* (репейник, лопух), *maleza* (сорняк),

rabanillo (дикая редька), *tabaco* (табак), *tagarnina* (чертополох), *tiñuela* (повилика);

3) совокупность растений – 12 (22%): *alameda* (мополиная роща), *arcabuco* (густой лес), *boscaje* (густой лес, чаща), *bosque* (лес), *sañaveral* (тростниковые заросли), *espinar* (заросли боярышника), *fragosidad* (заросли), *jara* (заросли ладанника), *légamo* (тина), *lozanía* (густая зелень), *majolar* (заросли боярышника), *manjar* (мангровые леса);

4) грибы, лишайники – 1 (2%): *urquilla* (лишайник).

Общая семемная плотность группы «растение» в испанском языке составляет 138 семем, включая денотативные. Из них 36 (26%) приобретают метафорическое значение, 48 (35%) – метонимическое.

Соответственно, семемная метафорическая плотность составляет 25 единиц в русском языке и 36 в испанском (25% в русском языке и 26% в испанском). Семемная метонимическая плотность составляет 35 единиц в русском языке и 48 в испанском (35% в каждом языке).

Межъязыковыми метафорами являются лексемы *лес* и *el bosque*, которые в обоих языках переосмысляются по признаку «множество».

По признаку «то, что мешает, затрудняет процесс чего-либо» в испанском языке получают осмысление следующие испанские лексемы: *espinar* (заросли боярышника) – затруднения, помехи, *fragosidad* (заросли) – дорога, заваленная буреломом, *jara* (заросли ладанника) – путаница, неразбериха. По признаку «форма»: *bohordo* (тростник) – короткое копье; *juncos* (тростник) – тонкая трость; *cadillo* (пенейник) – бородавка; *farolillo* (колокольчик) – бумажный фонарик; *lampazo* (пенейник) – швабра; *madroño* (земляничное дерево) – украшение, напоминающее плод земляничного дерева. По признаку «кислый вкус»: *ajeno* (полынь) – огорчение, горечь, *acibar* (алоэ) – горечь, огорчение, расстройство. По признаку «цвет и размер»: *jabi* (дикая яблоня) – хаби (сорт мелкого винограда); «превосходство»: *lozanía* (густая зелень) – высокомерие, чванство.

В русском языке лексемы *дебри* (теоретические дебри), *тина* (тина беспутной жизни) приобретают метафорические значения по признаку «то, что мешает, затрудняет процесс чего-либо»; лексема *поганка* (птица) – по признаку «непригодный в пищу»; *табак* (цветы белого табака в палисаднике) – по признаку «душистый»; *розмарин* (зимний сорт яблони) – по признаку «запах». Лексемы *гриб* (ядерный), *елочка* (узор) приобретают метафорическое значение по признаку «форма».

Метафоризация таких лексем, как *дуб*, *перекати-поле*, *сморчок*, *мухомор* (когда они называют человека), *малина* (что-то приятное) в русском языке и *asebiche* (дикое оливковое дерево – мужик, деревенщина), *dondiego* (чудоцвет – гордец), *girasol* (подсолнух – низкопоклонник, подхалим), *narajó* (апельсиновое дерево – невежда, дубина, чурбан), *roble* (дуб – здоровяк, крепыш) в испанском языке, осуществляется не на основе конкретного сходства, а с помощью комплекса этноспецифических ассоциаций, обу-

словленных общими или сходными впечатлениями от сопоставляемых объектов и не поддающихся точному определению. Национальная специфика в процессе метафоризации лексем *дуб* и *el roble* проявляется в том, что в русском сознании актуализируется определенный отрицательный признак (дуб – нечуткий, тупой человек), а в испанском языке, напротив, в основу метафоризации ложится положительное качество (*roble* – здоровяк, крепыш).

Процесс метонимизации лексем проходит по нескольким направлениям:

- перенос с части на целое: *лесина* (часть ствола), *орешиник* (заросли ореховых кустов), *трава* (зеленый покров земли из таких растений); *heno* (клевер – сено), *hierba* (кормовые травы);

- перенос с целого на часть: *вишенье* (ягоды вишневого дерева), *дерево* (бревно; древесина), *малина* (ягоды), *лес* (срубленные деревья как строительный материал), *лиана* (часть растения), *табак* (сигарный табак), *хмель* (соцветия), *чай* (листья); *arcabuzo* (чаща – заросли кустарника), *cañaveral* (тростниковые заросли – плантация сахарного тростника), *coco* (кокосовая пальма – кокосовый орех; скорлупа кокосового ореха), *jabi* (яблоко дикой яблони), *madroño* (плод земляничного дерева), *mata* (куст – побег, росток), *quino* (хина, кора хинного дерева), *roble* (древесина дуба), *tabaco* (лист табака);

- материал и изделие из него: *белладонна* (лекарство), *малина* (горячий отвар), *чай* (напиток), *шалфей* (настой, отвар из листьев); *acíbar* (настой алоэ), *ajenjo* (полынная настойка), *alheña* (порошок из листьев бирючины), *anis* (нуга с анисом; анисовая водка; анисовая эссенция), *árbol* (дерево – мачта), *cañamo* (конопля – пенька, пеньковая ткань), *hierba* (трава – зелье), *juncos* (тростник – тонкая трость), *quino* (хинное дерево – закрепляющее средство), *tabaco* (табак – сигара), *urquilla* (лишайник, из которого добывается фиолетовая краска, – фиолетовая краска);

- перенос с названия растения на оказываемое действие: *хмелек* (легкое опьянение), *хмель* (состояние опьянения); *beleño* (белена – сонливость);

- с растения на человека, занимающегося сбором или продажей: *ягодник* (собирает ягоды); *melocotonero* (персиковое дерево – продавец персиков);

- перенос с вида на род: *водоросли* (водные растения в целом);

- перенос с рода на вид: *juncos* (тростник – тростинка);

- перенос с содержимого наместилище: *fresera* (ваза (блюдо) для земляники);

- растение и место произрастания: *hierba* (трава – пастбище).

Проведенное исследование показало, что в испанской тематической группе «растения» выявляются более высокие (по сравнению с русской тематической группой) количественные параметры лексемной и семемной плотности, несмотря на то, что территориальная протяженность России в несколько раз превышает протяженность Испании. Это свидетельствует о

высокой степени релевантности репрезентируемой данной группой дено-
тативной сферы для испанского языкового сознания.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бахтина С.И. (Чебоксары) Языковая вариантность как способ функционирования иноязычного слова	3
Борисова Е.В. (Борисоглебск) Оптативные дебитивные высказывания в публицистической речи: семантика, структура, функции	4
Киселева Г.В. (Борисоглебск) К формированию тематического поля <i>косметика</i> в русском языке	9
Лукьянченко Л.В., Смирнова О.В. (Борисоглебск) Семантическая классификация названий народных игр	13
Маклакова Е.А. (Воронеж) Специфика использования мета-языка описания значения слова	17
Попова Г.С. (Борисоглебск) Явление синонимии в микросистеме наименований деревьев (на примере названий деревьев <i>инжир</i> и <i>шелковица</i>)	21
Похватцева М.С. (Воронеж) Лексико-семантическая группа “наименования военнослужащих” в современном военном жаргоне	24
Стернин И.А. (Воронеж) Коммуникативно-семантический словарь как тип словаря русского языка	27

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Анисимова И.Н. (Чебоксары) Особенности семантики относительных прилагательных в пейзажных описаниях русской литературы XX века	41
Барабушка И.А. (Воронеж) Город как агент в русской художественной литературе конца XX – начала XXI вв.	43
Захарова Е.А. (Чебоксары) Семантико-стилистическая трансформация устойчивых сочетаний как средство создания художественного образа в поэзии Р. Рождественского	46
Куренкова Т.Н. (Красноярск) Презентация ЛСП «Одежда» в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»	51
Михайлова Е.В. (Минск) Образ симфонии как одна из важнейших частей образа музыки в поэтическом дискурсе	54
Свистова А.К. (Воронеж) Синестезия как способ номинации эмоций на примере осязательной синестезийной метафоры (в	61

русской и немецкой поэзии XIX века)

- Фирдевс Бураихи Карим. (Воронеж) Семантические трансформации деструктивных глаголов в художественном тексте как средство создания образности 66

КОГНИТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Бабарыкина Т.С. (Северодвинск) Роль эмоциональной оценки в восприятии художественного образа ребенка в произведениях Дж.К. Роулинг 73
- Вовк Е.В. (Борисоглебск) Методы изучения и описания национального коммуникативного идеала 76
- Дюжакова С.Г. (Воронеж) Обозначение эмоциональной привязанности в русском языке (на материале фразеологизмов и паремий) 79
- Колесникова В.В. (Краснодар) Лингвопоэтическое описание художественного концепта: концептуальный анализ (на примере концепта «душа» в произведениях Б. Пастернака) 84
- Куркина А.С. (Воронеж) Регулятивность коммуникативной личности А.П. Чехова (по письмам к братьям 1875–1897 годов) 87
- Михайлова Т.В. (Волгоград) Лексема «catastrophy/e» в английском языковом сознании (по данным словарей) 99
- Никитина А.Ю. (Чебоксары) Языковая личность Екатерины II: лексико-семантические особенности 105
- Черногудова Е.П. (Борисоглебск) Во многом глаголении несть спасения 108
- Шаманова М.В. (Борисоглебск) Коммуникативная регулятивность в афоризмах 110

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

- Киреева К.О. (Борисоглебск) Эквивалентность, национальная специфика и безэквивалентность семантики лексической группировки 114
- Костионова М.Ю. (Владикавказ) Национально-культурные пространства оригинала и перевода: проблема интерпретации 119
- Свеженцева П.С. (Воронеж) Процессы семантической деривации в тематической группе «растения» (на материале русского и испанского языков) 123